МАКС ПОЛЯНОВСКИЙ

ОТ ОНЕГО ДО БЕЛОГО МОРЯ

ОГИЗ МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1931

ПРОВЕРЕНА
1956 г.

Проверена-66 г.

Акт № 2

ПРОВЕРЕНА-68

Проверено-85

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срока

М.2				
4-П.54-0				

Картотип ГУРКВМФ. Зак. 476 -20000

БИБЛИОТЕКА ЭКСПЕДИЦИИ И ПУТЕШЕСТВИЙ

МАКС ПОЛЯНОВСКИЙ

ОТ ОНЕГО ДО БЕЛОГО МОРЯ

В-4
2202
19

7974

ПО КАРЕЛО-МУРМАНСКОМУ КРАЮ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1931

Сдана в производство
Подписана к печати 1/VIII.
Редактор *А. Зверев.*
Техредактор *А. Налимов*

Тип. изд-ва «Дер Эмес»,
Москва, Покровка, 9.
Инд. Д—2 М. Г. № 335
16 п. л. 11,75 авт.
Уп. Главлита Б—3719.
Тираж 7.300 экз.

О КОРЕЛО-МУРМАНСКОМ КРАЕ

М. Горький

О Карело-Мурманском крае

„...Край оживает. Все оживает в нашей стране. Жаль только, что мы знаем о ней неизмеримо и постыдно меньше того, что нам следует знать. Но всюду видишь, как разумная человеческая рука приводит в порядок землю, и веришь, что настанет время, когда человек получит право сказать:

— Землю создал я разумом моим и руками моими".

„...Край требует работников энергичнейших, которые быстро и всесторонне умели бы присмотреться, «принюхаться" к его природе, его богатствам и условиям его быта. Человек „проходящий", я, конечно, понимаю, что для более глубокого изучения действительности у меня „нехватает" времени.

Такое глубокое и всестороннее изучение — социальная обязанность молодежи, ее дело и ее радость".

(Из очерка „На краю земли").

ОЛОНИЯ, СТАВШАЯ КАРЕЛИЕЙ

1.

Как руссифицировали карел. — Богатства Озерного края. — Чудодей - Октябрь. — Штука, выкинутая историей. — Слово предоставляется ВЦИКу и Совнаркому.

Олонецкую губернию редко кто из знавших ее прежде вспоминает добром.

Она относилась к числу губерний, куда царское правительство ссылало политических. Подальше от глаз, от центра, от людей. Несмотря на близость к тогдашней столице — Петербургу, Олония считалась одним из тех мест, о которых говорят, что ворон туда костей не заносит и Макар туда телят не гоняет.

В наши дни путь от Ленинграда до бывшей Олонии занимает всего несколько часов, но в те времена, когда не было железных дорог, а они там появились не так давно, злополучная губерния больше полугода была почти отрезана от страны, поддерживая с ней сношения лишь летом по водным путям.

В Олонецкую глушь, где даже местное население влачило полуголодное существование, сослали так много народа, что в результате на имя губернатора со всех концов Олонии непрерывно текли прошения ссыльных, изнывавших от вынужденного безделья, а в связи с ним и от голода. Входящий журнал губернаторской канцелярии не переставал регистрировать эти прошения, особенно после первой русской революции, когда в Оло-

нецкую губернию стали пачками ссылать революционеров.

Не даром сам олонецкий губернатор в донесении на имя товарища министра внутренних дел, который ведал полицией, сообщал о материальном положении ссыльных унылые подробности.

«Особенности Олонецкого края — слабое развитие промышленности, отсутствие заработков и конкуренции на рабочие руки со стороны местного населения — ставит в особо тяжелое положение водворяемых ссыльных».

Один из политических ссыльных в своем вопле, именовавшемся тогда прошением, писал губернатору Олонии полные отчаяния строки: «...прошу перевести меня в более людное место или же посадить в тюрьму, иначе мне грозит голодная смерть в этой трущобе».

Коренному населению — карелам — жилось здесь не многим лучше, чем ссыльным революционерам. «В далекой северной окраине, — пишет председатель Совнаркома Карелии т. Гюлинг, — народился капиталистический класс лесных спекулянтов, который совместно с обрусевшими торговцами, чиновниками и духовенством образовал класс угнетателей, поставивший карелов в их стране, богатой природными богатствами, в такие условия жизни, что голод был постоянным гостем и почти ежегодно приходилось прибегать к хлебу из сосновой коры. В последние десятилетия царского режима под руководством духовенства, учительства и чиновников была организована большая кампания по руссификации карел, имевшая целью уничтожить карельский язык и следовательно остатки карельского народа».

Октябрьская революция превратила полудикую окраинную Олонецкую губернию в Карелию, в авто-

номную советскую социалистическую республику. На заброшенной, пустынной северной земле произошли величайшие перемены.

Богатства Карелии, лежавшие веками мертвым капиталом в недрах земли, в озерах и реках, в лесах и горах, стали по-настоящему разрабатывать лишь в последнее десятилетие.

Каких только полезных ископаемых ни содержат недра заброшенной некогда губернии.

В них огромный запас железных руд озерного и болотного происхождения, очень хороших руд, с давних времен применявшихся местной металлургической промышленностью. Есть озера, в которых запас железных руд достигает сотен тысяч тонн.

Есть крупные месторождения магнитного железняка и меди, серебра и золота, свинца и цинка, слюды, графита, полевого шпата и барита. Из строительных материалов в местных горных породах встречаются мраморы, украшающие собою Зимний дворец, Исаакиевский собор и прочие памятники старой архитектуры Ленинграда.

Помимо мрамора Карелия богата прочными и удивительно красивыми строительными материалами — диабазом, кварцитом, песчаником и гранитом. Запасы их неисчислимы, и месторождения расположены сравнительно недалеко от Мурманской железной дороги. Об этих прекрасных строительных материалах еще столетие назад знали далеко за пределами Олонии. Так, шокшинский кварцит был вывезен в Париж в начале прошлого века: из него сооружена гробница Наполеона первого. На восточном берегу Онежского озера имеются граниты, не уступающие по качеству финлядским.

Карельский диабаз — прекрасный строительный ма-

териал. Красный диабаз использован в немалом количестве для постройки мавзолея Ленина. Вся Красная площадь в Москве замощена карельским диабазом.

Есть здесь черные и зеленые сланцы, в изобилии встречаются известняки, неограниченные запасы торфа. Недавно в крае открыли крупнейшие в мире залежи апатитов (в Хибинах). Есть здесь даже жемчуг, некогда являвшийся доходной статьей в бюджете населения Карелии и Кольского полуострова.

Этот заглохший с некоторых пор промысел вероятно возобновится, когда потеряет свою нынешнюю остроту вопрос о людских кадрах.

Но подлинным богатством Карелии, ее золотыми россыпями считается лес, занимающий в нашем экспорте одно из первых мест, дающий работу большинству населения Карелии, неуклонно повышающий доходы страны и развивающий промышленность молодой республики.

В Олонии лесом промышляли богатые купцы; они занимались сплавом, изредка строили плохонькие лесозаводики — и только. Белый уголь — реки, озера и водопады, которых в крае насчитывается около двух тысяч, которые таят в себе мощные запасы энергии, олонецкие промышленники и купцы не использовали. Богатства края по-настоящему стала реализовать лишь советская Карелия.

Возьмите справочную книжку Карельской республики, проглядите несколько страничек, посвященных карельской хронологии. Вам сразу бросится в глаза, чем замечательны последние годы: они поражают обилием закладок и открытий различных строительств и культурных единиц. Едва успев оправиться от гражданской войны, от белофинской авантюры, Карелия немедленно приступает к стройке.

Быстро перелистайте странички, посвященные двадцатым годам, пройдите мимо дат, сообщающих о бандитских налетах белофиннов на территорию Карелии, о ликвидации второй белофинской авантюры в 1922 г. и остановитесь на 1923 г. и следующих за ним.

Первая запись:

«Июль 1923 г. Начало постройки Кондопожской гидроэлектрической станции и бумажной фабрики (Кондострой)».

Дальше следуют одно за другим:

Открытие Медвежьегорского санатория для туберкулезных больных на станции Медвежья Гора, Мурманской ж. д.

Открытие карельской широковещательной радиостанции.

Открытие Ухтинской гидроэлектрической станции.

Открытие Бородинской пресноводной биологической станции в селе Кончозеро Петровского района.

Закладка Заонежского лесопильно-целлюлозно-бумажного комбината в нижнем течении реки Водлы.

Торжественное открытие Кондопожской гидроэлектрической станции.

Открытие новой электрической станции в Петрозаводске...

Словом, волна закладок и открытий там, где все было пусто и мертво, где даже местные жители с огромным трудом находили себе пропитание, а приезжим ссыльным нередко угрожала голодная смерть.

История выкинула удивительное коленце. В бывшую Олонецкую губернию через 20 лет вернулся ссыльный слесарь Михаил Иванович Калинин, председатель Центрального исполнительного комитета, всесоюзный староста, вернулся, чтобы заложить первый камень крупнейшего строительства.

Он приехал в 1924 году, будучи «президентом советской республики» (как величают ныне иностранцы тов. Калинина) в край, куда российская жандармерия сослала его в 1904 году за принадлежность к «преступному» сообществу «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В Олонии Михаил Иванович не мог заработать и рубля в месяц, хотя работая на заводах считался вовсе не плохим токарем по металлу.

В крае, где два десятилетия назад квалифицированный металлист не мог найти применения для своего труда, Калинин положил начало Кондострою, давшему работу тысячам людей.

Сейчас в Кондопоге нет уже «строя». Сейчас там полным ходом работает гидроэлектростанция и мощная бумажная фабрика.

«Несмотря на крайнюю отсталость Карелии в царский период в экономическом и культурном отношении, несмотря на неоднократные вторжения на ее территорию белогвардейских банд, задержавших хозяйственное и культурное развитие карельского народа, Карельская автономная республика к десятилетию своего существования благодаря активному участию трудящихся масс Карелии достигла значительных успехов в деле хозяйственного и культурного строительства.

Бюджет Карельской автономной республики вырос в 1929/30 г. до 43 млн. руб., т. е. увеличился в 6,8 раза в сравнении с бюджетом 1923/24 г.

Лесозаготовки превысили в три раза довоенные размеры; значительного развития достиг экспорт, составивший в 1929/30 г. 30 млн. руб. Восстановлена металлопромышленность и эксплоатация горных богатств республики; валовая продукция промышленности увеличилась с 13,6 млн. руб. в 1925/26 г. до 95,7 млн.

руб. в 1929/30 г., а число рабочих, занятых на предприятиях, — с 5 000 до 14 000 чел. В области переустройства промышленности надлежит отметить постройку Кондопожской гидроэлектростанции и бумажной фабрики и реконструкцию ряда лесопильных заводов.

Существенные достижения показало и сельское хозяйство республики: выросла посевная площадь

... Михаил Иванович Калинин приехал положить начало стройке в стране, где 20 лет назад отбывал ссылку.

(на 56% сравнительно с довоенной), число коллективизированных хозяйств достигло по земледельческим районам 12,4%, а по Поморью — 24%, увеличилось количество лошадей и крупного рогатого скота (на 32% сравнительно с довоенным), введен много-

польный севооборот, сократилось число беспосевных, бесскотных и безлошадных хозяйств, улучшилось обслуживание населения агрономической и ветеринарной помощью, выросло число маслозаводов.

В области кооперативного строительства надо отметить крупный удельный вес в товарообороте потребительской кооперации, значительный процент охвата потребительской сетью сельского населения (55% взрослого населения), рост мелиоративных товариществ, а также значительное развитие рыбацкой кооперации (77% всего рыбацкого населения).

Значительные достижения имеются и в дорожном хозяйстве: построено 576 километров новых грунтовых дорог, в дорожное строительство вложено за последние годы 11 млн. руб. и организован ряд линий автобусного движения.

В области культурного строительства сделаны крупные успехи на путях введения всеобщего начального обучения: школой первой ступени охвачено в 1929/30 г. 82% детей школьного возраста, в 7 районах осуществлено всеобщее обучение, введено преподавание на национальном языке, медицинская помощь приближена в сельских местностях к населению, развернуто больничное строительство, организован ряд врачебных пунктов и значительно развиты мероприятия по социальному обеспечению.

В области советского строительства надо отметить приближение низового аппарата к населению, привлечение к работе в советских органах местного карельского населения (49,7%), вовлечение в работу местных советов женщин (21% состава советов), бедноты и батрачества (52,1% состава советов)».

Эту вереницу достижений, которых добилась советская Карелия за первые десять лет своего существова-

ния, отмечают ВЦИК и Совнарком РСФСР по докладу Карельского ЦИКа.

Вторая часть постановления открывает широчайшие горизонты перед советской Карелией:

«В целях дальнейшего усиления социалистического строительства Карельской автономной республики и развития ее хозяйства и культуры Всероссийский центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров РСФСР п о с т а н о в л я ю т:

1. Для устранения затруднений в развитии хозяйства Карельской автономной республики, связанных с острым недостатком рабочей силы, поручить Наркомзему РСФСР по согласованию с Наркомземом Союза ССР расширить организационно-переселенческие мероприятия в Карельской автономной республике; предложить московскому и ленинградскому областным исполкомам оказать широкое содействие Карельской автономной республике в направлении на ее территорию переселенцев из числа карел, проживающих в этих областях.

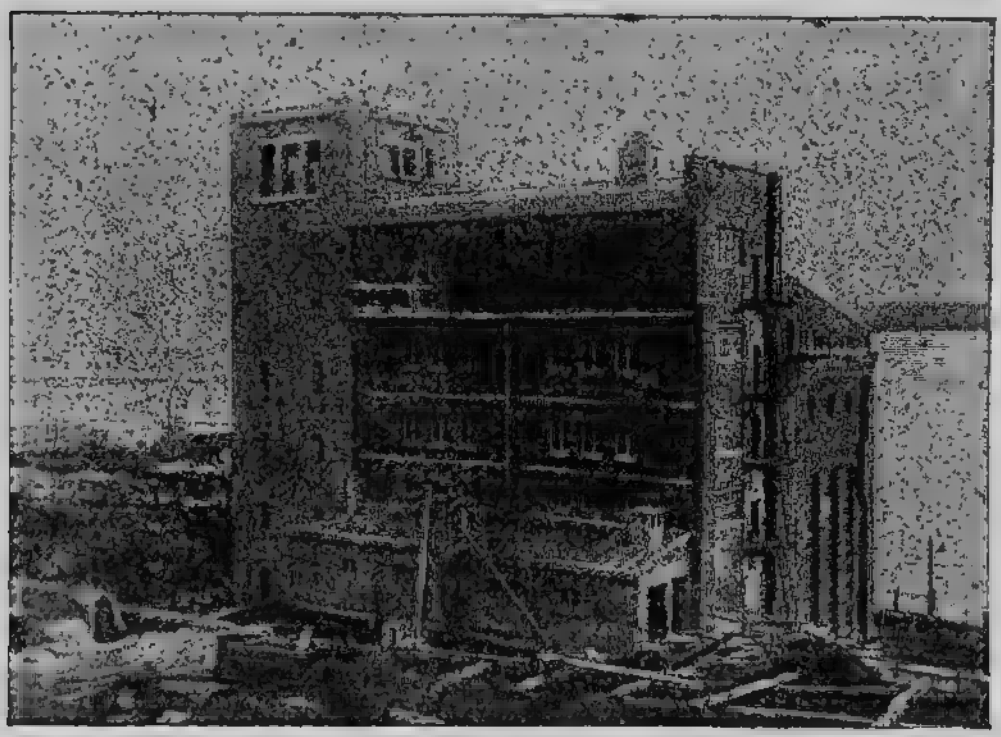
2. Учитывая перспективы развития в Карельской автономной республике бумажно-целлюлозной промышленности на основе ее лесной базы и химической промышленности в связи с разработкой хибинских апатитов предложить ВСНХ РСФСР проработать совместно с правительством Карельской автономной республики план использования энергетических сил водных источников Карелии.

3. Предложить ВСНХ РСФСР закончить строительство Кемского лесопильного завода в 1930/31 г. и проработать вопрос о постройке при нем, начиная с 1931/32 г., целлюлозного комбината.

4. Поручить ВСНХ и Госплану РСФСР проработать вопрос о включении в план строительства 1930/31 г.

начало строительства второй очереди Кондопожского бумажного комбината.

5. В связи с постановлением Совета народных комиссаров РСФСР о разработке туломозерских железорудных запасов предложить ВСНХ РСФСР в кратчайший срок проработать вопрос о реконструкции



Кондопожская гидроэлектростанция.

Онежского механического завода как базы для создания национальных карельских пролетарских кадров.

6. В целях более широкого использования горных богатств Карельской автономной республики предложить ВСНХ РСФСР по согласованию с ВСНХ СССР расширить геолого-разведочные работы в Карельской автономной республике и ускорить организацию в Карельской автономной республике отделения Геол-

кома и обеспечить окончание постройки пегматитового завода в 1931 г.

7. Предложить ВСНХ РСФСР при пересмотре пятилетнего плана полиграфической промышленности предусмотреть реконструкцию и расширение существующей в Карельской автономной республике типографии для приведения ее в полное соответствие с потребностями национального издательства.

8. В целях развития колхозного и совхозного строительства в Карельской автономной республике предложить Наркомзему РСФСР приступить в 1930/31 г. к организации в Карельской автономной республике машинно-тракторных станций, в первую очередь для мелиорации болот.

9. Предложить ВСНХ, Наркомзему и Наркомпросу РСФСР проработать вопрос об открытии в Карельской автономной республике в 1931/32 г. втуза с лесным и сельскохозяйственным отделениями.

10. Учитывая значительный рост дорожного строительства и острый дефицит в рабочей и гужевой силе на лесозаготовках в Карельской автономной республике, предложить Главдортрансу выделить для Карельской автономной республики в течение двух ближайших лет 500 автомашин, из них 150 — в первом полугодии 1930/31 г.

11. Поручить уполномоченному Наркомпути при Совете народных комиссаров РСФСР принять меры к тому, чтобы при сооружении Беломорско-Балтийского канала были привлечены к активному участию в строительстве советские органы и общественность Карельской автономной республики и в максимальной степени использованы ее энергетические ресурсы».

Это историческое постановление правительства Советского союза о развитии роста и промышленно-

сти Карельской республики подписано бывшим политическим ссыльным голодной Олонии — Михаилом Ивановичем Калининым.

2

Немного древней истории. — Как карелы боролись за независимость. — Под крыльями двуглавого орла. — Два века, не внесших никаких перемен. — Борьба за советскую Карелию. — От Карельской трудовой коммуны к Автономной Карельской социалистической советской республике.

Страна, о которой рассказано в этой книге, не сразу стала Олонецкой губернией, а затем советской Карелией. У нее своя история, уходящая корнями в глубь веков, история борьбы и войн с более сильными соседями, которые начали распространять свое господство на карельскую территорию, — Швецией на западе и Русью на юге.

Первые сведения о Кариаланде — обширной области лежащей между Белым морем и Финским заливом, — можно найти в скандинавских сагах.

Кариаланду составляли часть нынешней Финляндии, часть Ленинградского округа и вся современная Карелия; населяли ее финские племена — карелы и чудь, а на севере — лопь. Скандинавские саги и русские летописи делают возможным предположение, что карелы до соприкосновения со славянами жили восточнее и южнее границ нынешней советской Карелии.

Центром древней Карелии был район Ладожского озера, откуда карелы под давлением московской колонизации, подвигались к берегам Белого моря и Северной Двины. Еще раньше, чем с Москвой, карелы стали общаться с Новгородом, часто выступая в качестве его союзников при походе новгородцев на другие финские племена или на русские области.

Затем начались войны, имевшие целью поработить карел.

По Неве и Ладожскому озеру приплыли в Карелию в 1284 г. шведы, задавшиеся целью обратить карел в своих данников. Но попытка эта кончилась неудачно. В конце тринадцатого и в начале четырнадцатого веков борьба за Карелию между шведами и Новгородом достигла своего апогея. Шведы регулярно нападали на Карелию, пока карелы совместно с новгородцами не ответили в свою очередь набегом.

В середине четырнадцатого века шведам удалось покорить часть карел, остальная часть осталась с новгородцами. Это привело в 1638 г. к войне, когда новгородцы со своими карелами напали на шведов, шведы же, мобилизовав своих карел, двинули их на новгородцев.

7974

В результате карелы утратили свое национальное единство. Карельский народ ушел со сцены уже в далеком прошлом, когда старое родовое общество распалось.

Старые места расселения карел — конец Финского залива, побережья Ладожского и Онежского озер — находились на важных путях сообщения. Господство карел распространялось на западе до конца Ботнического залива, охватывая всю восточную и северную Финляндию и доходя на востоке до Белого моря и Ледовитого океана, где они непосредственно соприкасались с норвежцами.

Продлившаяся несколько столетий война за овладение Карелией опустошила и разорила страну. Несколько раз ее делили между собой победители. Карелы, жившие в пограничных областях, убегали от постоянных войн в Россию, в глубь Финляндии, а некоторые доходили даже до границ Норвегии и Шве-

ции. Таким образом возникло большое карельское поселение в Твери и примерно в то же время (в XV и XVI веках) образовались финские поселения в средней Швеции.

В 1721 г. по Ништадскому миру со Швецией Карелия (финская) была присоединена к России.

В присоединенной к империи Карелии крестьянским массам жилось трудно. С 1761 по 1779 год длились массовые волнения крестьян, вызвавшие строгие репрессии царского правительства.

Олония постоянно страдала от неурожая, из-за того, что среднерусское зерно не могло сразу приспособиться к суровому климату Поморья, а добиться акклиматизации его отсталые олонецкие крестьяне не могли.

Хлеб стоил в этих местах дороже, чем в других частях России, потому что возить его приходилось издалека; к тому же Олония славилась своим исключительным бездорожьем, еще более затруднявшим доставку привозного хлеба в далекие глухие деревни.

Из-за дороговизны хлеба население находилось в постоянной безысходной нужде, голодало, питалось всякими суррогатами.

В наказе Ковдской волости есть на этот счет интересные сведения, относящиеся к XVIII столетию.

«Крестьяне ни от чего промыслов не имеют, от гладной смерти между двор скитаются. Употребляют себе в пищу сосновый и березовый из-под верхней коры сок, гнилое дерево и белый мох, выталкивая наподобие муки, примешивая на большую часть с мукою».

Не только крестьяне, но и рыбаки-поморы не могли выбраться из тисков сильнейшей бедности. Беломорские рыбные промыслы с начала восемнадцатого столетия были отданы откупщикам, затем они стали принадлежать монопольным компаниям, состоявшим из

придворных (в них входили всесильные в те времена Меньшиков, Шафиров, Шувалов). Компания забирала у рыбаков улов по самой дешевой цене, оттого-то рыбаки едва сводили концы с концами.

Чем же жило население?

На погостах, близких к морю, жители занимались рыбной ловлей. Некоторые уходили на мурманские рыбные промыслы на собственных судах или же шли работать по найму. Многие работали в горах, добывая слюду, но исконным промыслом жителей олонецкой Карелии была добыча железа и болотных руд, которые плавили в небольших кустарных горнах. Постройка казенных железных заводов при Петре Первом немного подорвала, но не убила крестьянский железный промысел, потому что казенные заводы, работавшие на военные цели, обычно вольному рынку ничего не давали.

Девятнадцатое столетие не внесло в жизнь края никаких существенных перемен. По этому поводу карельский краевед Гудошников справедливо отмечает, что «...в девятнадцатом столетии край остался как-будто на уровне предыдущего, XVIII века. Его не коснулся величайший двигатель культуры — железные дороги. Как некогда в архангельском порту капиталы обращались раз в год, так в следующем веке связанная с миром только летом Карелия жила темпом предыдущего столетия. Только с проведением железной дороги до Мурманска открыты большие перспективы для развития, в частности, заброшенного в восемнадцатом веке горного промысла».

Если прикинуть, сколько лет потребовалось бы царскому режиму при его темпах строительства, чтобы создать в Карелии все то, что сделано в ней за советский период, за первое десятилетие существования

республики, то меньше чем в две тысячи лет никак не удалось бы уложиться.

Край, двести лет под ряд уподоблявшийся стоячей воде и лишь в первой четверти двадцатого столетия начавший не продирать глаза от вековой спячки, а жить и расти не по дням, а по часам; край, сделавший гигантский скачок от восемнадцатого столетия к большевистским темпам, сразу перешедший чуть не от каменного топора к самым усовершенствованным машинам современной техники, — такой край богат самыми разительными контрастами и в труде, и в быте, и в культуре.

Контрасты между Олонией и Карелией проходят красной нитью через всю книгу, и это неизбежно.

Но об этом — дальше. Сейчас доскажем историю старой Кариаланды, борьбу карел за свою независимость, за советскую Карелию.

Едва только вихрь Октябрьской революции толкнул пролетариат Карелии на путь классовой борьбы, немедленно вмешалась Финляндия, снарядившая специальный военный отряд для захвата Карелии. Главнокомандующий белой армией, генерал Маннергейм, об'явил, что он не опустит своей шашки, прежде чем Карелия не будет завоевана. Но уже в апреле 1918 г. под Кемью совместными усилиями русских, карельских и финских рабочих наступление было отбито.

Весной 1918 г. бывшие союзники России в империалистической войне начали интервенцию на Мурмане. Летом интервенты захватили побережье Белого моря и начали продвигаться на юг, до Кондопоги, захватив все Заонежье и частично районы Пудожского уезда.

Финляндия захватила в том же году Ребольскую и несколько позднее Порос-Озерскую волости. Весной

1919 г. белофинны начали наступление на среднюю и южную Карелию, дошли почти до Петрозаводска и Лодейного Поля. После трехмесячных боев они были разбиты.

Отряды Красной армии, карельских партизан и бывших финских красногвардейцев по своей численности, вооружению и продовольственному снабжению более слабые, чем силы врага, боролись два года за советскую Карелию, неся огромные потери убитыми и ранеными. Лишь в феврале 1920 г. фронт белых в Карелии был окончательно ликвидирован. Началась подготовка к осуществлению принципов национальной политики Октябрьской революции в Карелии. В подготовительной работе принимала деятельное участие и коммунистическая партия Финляндии.

Девятьсот двадцатый год был не только годом ликвидации белофинских банд, но и годом создания Карельской трудовой коммуны. По постановлению ВЦИК, из заселенных карелами частей Олонецкой и Архангельской автономной области образована была Карельская трудовая коммуна с революционным комитетом, проводившим организационную работу и подготовлявшим созыв первого всекарельского с'езда советов.

В октябре 1920 г. между РСФСР и Финляндией был подписан мирный договор, по которому белофинны возвратили Ребольскую и Порос-Озерскую волости, а в октябре следующего года (ровно через год) началась вторая белофинская авантюра в северной Карелии, и вновь белые захватили возвращенные год назад волости да еще Ухтинскую Карелию и совершили переворот в Тунгудской волости.

Длившаяся несколько месяцев вторая авантюра белофиннов была ликвидирована в феврале 1922 г.

В период передышки между двумя авантюрами находившаяся в тяжелых условиях Карелия положила начало национальной просветительной работы. Появился педагогический техникум, первые национальные школы, начала выходить первая газета на национальном языке, приступили не медля к постройке особо важного тракта из Кеми в Ухту, хотя даже лопаты приходилось брать во временное пользование с воен-

На кондопожской бумажной фабрике.

ных складов. Тогда же стали намечать вехи будущего хозяйственного строительства Карелии. Они были приняты первым с'ездом советов Карелии и одобрены Владимиром Ильичом.

Начавшееся тотчас же строительство бумажной и целлюлозной фабрик и электростанций прервалось,

когда Финляндия повела второе наступление для уничтожения советской Карелии. В течение лета из-за кордона на советскую территорию прибывали белые партизанские отряды и скрывались в лесах. Еще до этого белофинны организовали в Карелии тайные склады оружия, чтобы осенью начать открытые действия против советов на линии Кимас-озеро—Тунгуда.

Белых разбили снова, но события эти оставили глубокий и кровавый след: отступая из северной Карелии, белые путем насилий и запугивания увели с собой в Финляндию значительную часть населения, лошадей, рогатого скота и всякой утвари. Более десяти тысяч человек обманом были перетянуты через границу.

Те, кто не пожелали присоединиться к белым, не поддавались их уговорам, вынуждены были скрываться. Боясь преследований, они покинули свои дома и вернулись обратно лишь после изгнания белофиннов.

Следующей весной и летом обратно в Карелию потянулась большая часть уведенных в Финляндию.

С того времени никто больше не нарушает покоя карельской земли и не мешает трудящимся молодой республики быстрыми темпами строить социализм.

25 июля 1923 г. по декрету ВЦИК'а и Совнаркома РСФСР Карельская трудовая коммуна была преобразована в Автономную Карельскую социалистическую советскую республику. Этот декрет завершил многовековую борьбу карел за право на самостоятельное существование, вернул им их территорию, неоднократно отбиравшуюся у них более сильными соседями, и не только дал им землю, но снабдил силами, чтобы сделать землю эту полнокровной и цветущей.

Каждый год существования советской Карелии стирает память о нищей, голодной, некультурной Олонии.

МУРМАНКА

1

Проект графа Витте и резолюция Александра III. — Проект попадает на 20 лет под сукно. — Мировая война — толчок к созданию Мурманской дороги. — Как строилась Мурманка. — Сорок миллионов или консервация. — Выход из трудного положения.

Министр финансов граф Витте представил царю доклад, о котором в свое время было не мало толков.

Министра интересовала проблема громадного и пустынного края, таящего крупные богатства, близкого к важнейшим рынкам Европы и Северной Америки. Правда, в первую очередь министра интересовали не столько экономические возможности края, сколько возможность устроить военный порт у берегов Мурмана.

В 1894 г. обсуждался вопрос о том, где быть военному порту: в Либаве или на Мурмане. Министр Витте в своем докладе ратовал за Мурман. Он указывал на благоприятные природные условия плавания у берегов его, на обилие незамерзающих бухт и на удобства западного Мурмана для жизни человека. Витте не скрывал, что сооружение военного порта на Мурмане связано с крупными расходами по прокладке железной дороги, но попутно все же упомянул, что средства, затраченные на сооружение дороги, нельзя рассматривать как исключительно военный расход, что дорога современем окупит себя и экономически.

Доводы Витте понравились Александру Третьему. Он одобрил доклад министра, высказался за необходимость устройства на Мурмане военного порта, за соединение его железной дорогой с Петербургом. Это произошло в конце 1894 г. незадолго до смерти царя.

Смерть Александра была одновременно и смертью проекта, составленного графом Витте. Доклад оказался погребенным под тяжелым сукном канцелярий, и вспомнить о нем заставило лишь безысходное положение, в котором страна оказалась спустя двадцать лет.

Грянула империалистическая война девятьсот четырнадцатого года, и внешние сообщения Европейской России были внезапно прерваны немецкой блокадой. Остался лишь Архангельский порт, бухта которого ежегодно замерзает на 6 месяцев. Ясно, что Архангельск не мог за остающиеся полгода удовлетворить потребность воюющей страны в импорте.

Тогда извлекли из-под спуда проект графа Витте и решили немедленно осуществить постройку Мурманской железной дороги, с выходом на берега Северного Ледовитого океана. Это было единственным способом прорвать блокаду.

Ранней весной 1915 г. на Мурмане начались работы.

Каждый шаг, каждая деталь осуществления этого предприятия натыкались на десятки казалось бы неустранимых препятствий.

Из 1050 километров пути, которые предстояло проложить от Петрозаводска[1] до нынешнего Мурманска, четверть местности занимали болота; их должны были осушить, засыпать — словом, выполнить немно-

---

[1] Первая железная дорога от деревни Дубовики до Петрозаводска строилась в 1912 г. частным акционерным обществом с гарантией от казны. Называлась она Олонецкой железной дорогой. Первый поезд этой дороги прибыл в Петрозаводск в январе 1916 года.

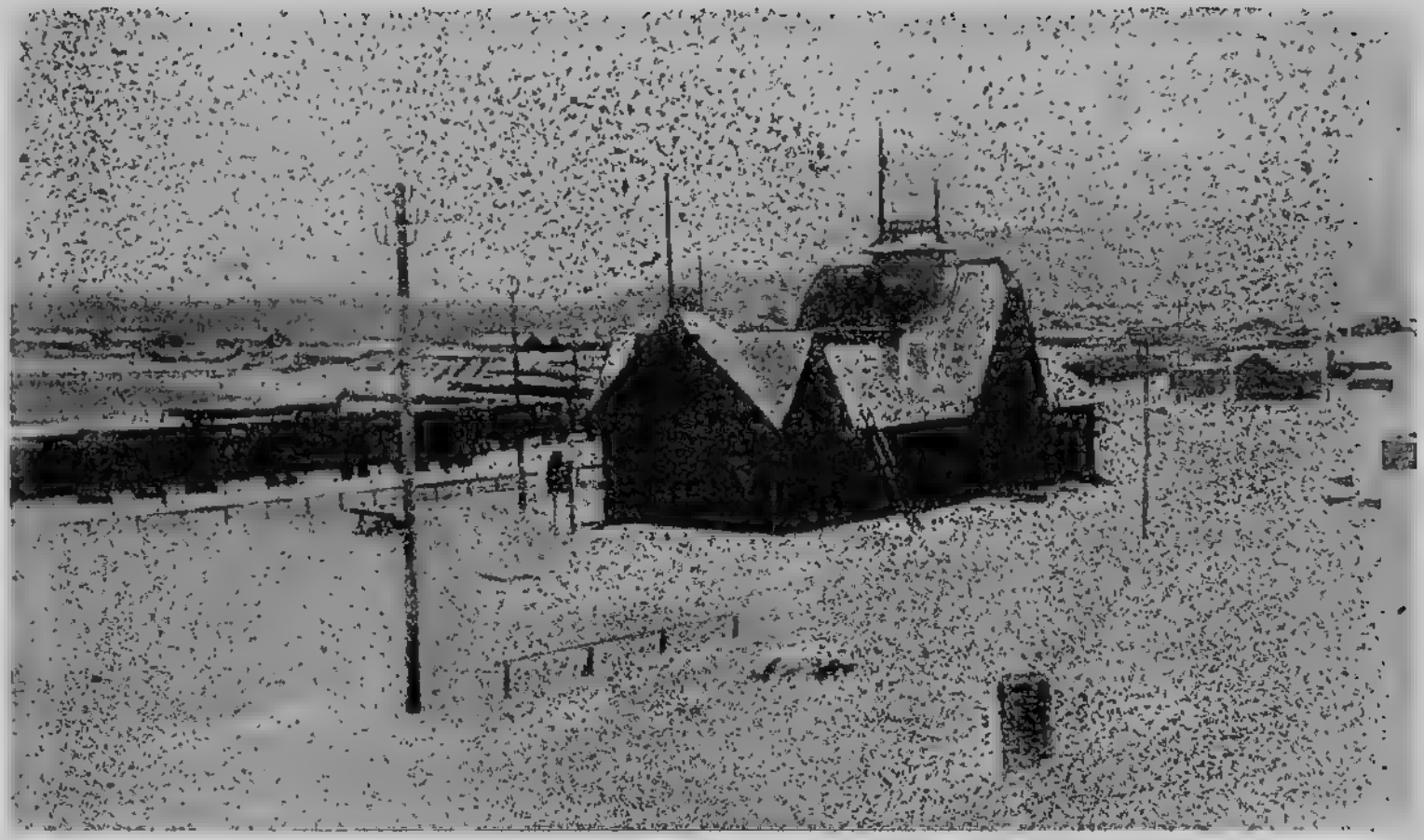
верно трудные земляные работы. Обилие в крае озер, рек и ручьев потребовало устройства на всем пути свыше тысячи искусственных сооружений — мостов насыпей.

В пустынном краю не было людей, нужных для прокладки дороги, доставлять их приходилось извне, но и это было не легкой задачей: война требовала людей, мобилизация следовала за мобилизацией, рабочих рук оставалось все меньше, доставать их становилось все труднее.

На постройку дороги привезли несколько тысяч военнопленных, главным образом австрийцев, и множество китайских рабочих с Дальнего Востока, которых взяли буквально обманом. Их наняли с условием работать от восхода до захода солнца, не предупредив о том, что в этой стране полуночного солнца несколько месяцев в году оно не заходит и круглые сутки стоит над горизонтом. На постройку навезли людей разных национальностей — австрийцев, китайцев, мадьяров, украинцев, поляков, карел, финнов, лопарей, русских, — и всем им приходилось работать в немыслимых условиях полярной ночи, где зимою царят постоянно ветры и мятели, где климатические условия настолько своеобразны, что немногие из навезенного «интернационала» выдерживали долго.

Люди болели и умирдали, на смену им гнали новых, и эти становились очередными жертвами пустынного края.

Не было ни продовольствия, ни жилья, ни дорог, ни лошадей. За то был лес, болота и озера, жуткие северные вьюги и бураны, болезни и голод; были непрерывные солнечные дни быстротечного лета и сплошные полярные ночи долгой и очень холодной зимы.



Вокзал в Мурманске.

Зимой стройка Мурманки шла круглые сутки при керосиновых фонарях; если фонари не выдерживали натиска северных ветров, буранов и мятелей, — зажигались сотни факелов, и при этом средневековом освещении вырубали леса, разрывали лопатами вековую мерзлоту земли, прокладывали шпалы и рельсы, возводили мосты и осушали болота.

Люди работали вместе, не понимая друг друга, об'яснялись знаками, но всех их об'единяла одна и та же мысль: бежать подальше от суровых неприветливых мест, где они гибли, словно осенние мухи, где каждая пядь стального пути стоила человеческих жизней. Каждый день приближал рельсы к океану, но каждый день редели людские запасы, удерживаемые на месте чудовищной стройки страхом тяжелых наказаний, угрозами жесточайшей кары за малейшее ослушание.

Семнадцать месяцев хоронили людей и подвозили других им на смену, семнадцать месяцев гонимые штыками, голодом и страхом люди шли вперед, осиливая стоявшие стеною леса, бездорожье, болота, озера, таежную мошкару летом и полярные морозы зимой.

Менее чем в полтора года укладка сквозного рельсового пути от Петрозаводска до Северного Ледовитого океана была закончена. Событие, происшедшее в двигавшейся обломовскими темпами империи, поразило весь мир.

Осилить тысячу с лишним километров сплошных лесов, тундр, болот и бурно стремящихся рек, покорить полярную природу и протянуть стальные нити рельс там, где не было тропинки для пешехода, и все это в каких-нибудь семнадцать месяцев, — слишком беспримерен был этот случай в истории прокладки железных дорог. Российская пресса, всецело поглощенная событиями на театре военных действий, не отме-

тила даже как следует прокладки Мурманской дороги. Гораздо больше внимания уделила этому событию печать заграницы.

Конечным пунктом новой дороги была Семеновская бухта на Мурманском берегу, расположенная в восточной части глубоко вдающегося в материк Кольского залива, находящегося в десятке километров от старинного города Колы. Здесь были сомкнуты третьего ноября 1916 г. рельсы Мурманки, начатой фактически в июне предыдущего года.

И здесь же в сентябре 1916 г. был заложен новый портовый город, первоначально названный «Романов на Мурмане», а впоследствии переименованный в Мурманск.

Мурманская железная дорога не только родила город Мурманск, но и вызвала к жизни весь Карело-Мурманский край, который, выражаясь словами одного современного писателя, «выглядел, как закрытый ларец с сокровищами, ждавшими только, чтобы пришел человек, подобрал ключ и ахнул, открыв крышку».

Стоимость Мурманки по линии Петрозаводск—Мурманск к началу революции выразилась в солидной сумме — 180 млн. руб. Если стоимость дороги составляла достаточно фундаментальную цифру, нельзя сказать, что сама дорога была сдана в эксплоатацию фундаментальным предприятием.

Спешка и гонка, вызванные военным временем и необходимостью поскорее начать операции в Мурманском порту, с первых же дней сказались на качестве дороги.

Ее начали эксплоатировать недостроенной и недооборудованной, с невероятно извилистым профилем пути, с кучею временных мостов и настилов, с теплушками и наспех сколоченными бараками, которые дол-

жны были заменить (а во многих пунктах и поныне заменяют) и станционные здания, и служебные корпуса, и жилища железнодорожников.

Война заставила Мурманку войти в строй явно незаконченной. Некогда было интересоваться деталями, пусть даже крупными, шли бы только поезда из столицы до берегов океана — и ладно.

Несколько лет работы еще больше потрепали сколоченную наспех дорогу, и когда она стала советской, состояние ее было во много раз хуже, чем в первые дни. Специальная комиссия Народного комиссариата путей сообщения, выехавшая на обследование Мурманки в 1922 г., пришла к выводу, что для приведения дороги в сносный вид необходимо затратить не меньше 40 млн. руб.

40 000 000!

Могла ли только что вышедшая из полосы гражданской войны советская страна затратить этакую цифру на ремонт одной дороги, когда каждая пядь бывшей империи находилась в об'ятиях безобразнейшей разрухи?

Конечно, не могла. Разрушенные фабрики и заводы, города, ставшие руинами, дома, зиявшие сплошными дырами, — все это нуждалось в огромных и немедленных затратах. В этот период страна не могла выкроить из скудного своего бюджета 40 млн. руб. на дорогу, проходящую по каким-то едва обитаемым тундрам и болотам, приносящую убыток вследствие отсутствия грузов, которым неоткуда было взяться после нескольких лет гражданской войны.

Над дорогой нависла угроза.

Было два выхода. Первый — вложить в нее капиталы и привести в соответствующий вид; второй — консервация.

Консервация Мурманки умертвила бы край, где только начинала восстанавливаться жизнь. Без дороги он неизбежно должен был вернуться в первобытному состоянию. С другой стороны содержать дорогу было не на что. Составы приходилось гнать и обратно порожняком...

Из положения, казавшегося безвыходным, все же был найден выход, и дорога, не получившая, несмотря на сорокамиллионную смету, первоочередных расходов на достройку ни одного рубля наличными деньгами, из сметанной на живую нитку Мурманки превратилась в одну из фундаментальнейших советских дорог на севере. Выход заключался в «канадизации».

Слово «канадизация» вошло в словарь технических терминов из практики строительства железных дорог в далекой заокеанской Канаде. Там на дорогу, проводимую по безлюдной местности, возлагали обязанность одновременно быть колонизатором этой местности.

В 1923 г. Совет труда и обороны издал декрет, предоставивший Мурманской железной дороге лесную территорию площадью около 4 млн. гектаров «в целях колонизации и экономического развития края». Декрет возложил на дорогу обязанности заселения края, рациональной и полной эксплоатации выделенной ей территории.

Понимать это следовало так: денег государство в данный момент дать не может, но взамен их отводит дороге огромный массив, изобилующий природными богатствами. Пусть дорога сама извлечет их из лесов, гор, из озер и земли, пусть организует промысла, сплавы, заводы, фабрики, пусть привлечет нужных для этой работы людей и сама создаст потоки грузов, в которых ощущает недостаток.

Дороге дали широкое право распоряжаться дарами Карело-Мурманского края. Мурманке предложили стать не обычной российской чугункой, не простым «извозчиком» для перевозки пассажиров и грузов, но сложным хозяйственным комбинатом, который должен активно действовать на экономику края, закладывать в нем очаги индустриализации, осуществлять свою прямую транспортную задачу совместно с Мурманским и Беломорским портами, вести промышленно-колонизационную работу и одновременно укреплять железную дорогу в техническом и эксплоатационном отношениях.

«Это был опыт совершенно новый в наших условиях вообще и особенно тяжелый и сложный в обстановке, когда только еще начинали складываться новые формы хозяйства и жизни в стране, едва вступившей в первые дни строительства. Шаг за шагом приходилось брести здесь ощупью, беря один за другим труднейшие под'емы и преодолевая к тому же общее равнодушие и скептицизм. Мало кто верил в удачу этого дела, и почти никто не интересовался его судьбой; прямые руководители консервативнейшего из ведомств, на обязанности которого лежало руководить работами на Мурманке и всячески их форсировать и поощрять, вместо этого только острили, отмахиваясь насчет «рязано-канадского эксперимента»: в высших и местных хозяйственных органах этот опыт и по сей день не оценен так, как он того заслуживает, а вначале на него смотрели просто как на чудачество; печать, странным образом обходя все время интереснейшее существо вопроса, никогда не упускала в то же время случая пошуметь по поводу отдельных его мелких недостатков и промахов. Обстановка, в которой приходилось работать на Мурманке, и без того тяжелая, безмерно

осложнялась этим общим равнодушием; не преувеличивая, можно сказать, что группа товарищей, которой было поручено это дело, от начала и до сегодняшних дней вела и ведет его, фактически предоставленная самой себе, почти лишенная фактически какой бы то ни было поддержки со стороны, в условиях, в которых были тысячи причин и затруднений, заранее обрекавших как-будто весь опыт на скандальный и тягостный провал.

И все-таки провала не случилось, и сейчас, когда прошло несколько лет «канадизации» и подведены кое-какие итоги, можно твердо сказать уже, что опыт удался и «чудаческая» идея достаточно показала свою жизнеспособность».

Так характеризует этот период восстановления дороги писатель Зорич, побывавший в Карело-Мурманском крае.

Сейчас можно уже говорить не только о том, что было, но и о том, что принесла первая пятилетка «канадизации» дороге и краю. Здесь нужна оговорка: хотя аналогия с Канадой и существует в схеме колонизационной работы, но различие в природных, правовых и экономических условиях Канады и Карелии настолько велико, что правильно говорить о совершенно самостоятельном методе и приемах колонизации, впервые примененных Мурманской дорогой.

В октябре 1928 г. декрету СТО насчет Мурманки исполнилось пять лет. Сделаем беглый обзор того, что предприняла и выполнила стоявшая под угрозой консервации дорога за этот период.

Лучшим показателем в таких случаях бывают беспристрастные цифры. Они характеризуют и рост и упадок предприятия. Лучшей характеристикой работы дороги считается грузооборот.

С 1922/23 по 1927/28 гг. количество перевезенных грузов увеличилось более чем в два раза: вместо неполных дух миллионов тонн по истечении пяти лет дорога перевезла около четырех миллионов тонн грузов.

В развитии количества перевозок решающую роль сыграла... сама же Мурманка, точнее — звенья комбината Мурманской железной дороги, именовавшиеся Желлесом и Желрыбой. Первое звено вело работу в области лесопромышленности, второе — в области рыбопромышленности.

Работа дороги как транспортно-промышленно-колонизационного комбината за первые же годы оказала заметное влияние на рост населения края. В Карелии прирост населения за пять лет составляет до 20%, в местах же работы комбината — свыше сорока пяти. Население увеличивается не столько за счет естественного прироста, сколько за счет механического, то есть вселения в край граждан из других районов.

Мурманка честно выполнила задачу, возложенную на нее государством.

Дорога стала колонизатором, промышленником, мелиоратором, рассадником советской культурно-экономической работы. И одновременно с развитием работы дороги как комбината росла и крепла ее техническая и эксплоатационная база как крупной транспортной магистрали.

Техника дороги за эти годы значительно продвинулась вперед, и растущие перевозки не страшны окрепшей Мурманке. Там, где еще недавно из-за слабости пути не могли проходить тяжелые паровозы и нельзя было пускать составы больше чем на два десятка вагонов, положение круто изменилось к лучшему. Ныне на всем протяжении дороги, до самого Мурманска, от-

крыт доступ тяжелым паровозам с нормальными для них скоростями и значительно увеличенными составами товарных поездов.

2.

Отношение железной дороги к молочному и огородному хозяйству, к сиенитам, апатитам и к осушению болотных земель. — Роль Мурманки в жизни края.

За несколько лет дорога основательно подтянулась, перестроилась к лучшему, если не во всем, то в очень многом. Значительно смягчен ее профиль, путь балластирован, временные настилы заменены основательными мостами, выстроены пассажирские парки и станционные службы, за полярным кругом появились прекрасно оборудованные депо, на смену станциям-баракам приходят настоящие станционные здания.

Еще недавно Мурманка пережила острый жилищный кризис; во время достройки заполнился и этот пробел. Несколько десятков тысяч квадратных метров полезной жилой площади улучшили положение мурманцев, живших ряд лет в старых теплушках и бараках.

Попутно колонизационный отдел дороги широко развернул школьную и больничную сеть, восстановил и капитально отремонтировал все старые здания, построил ряд новых школ, больниц и санаториев. В конце концов вышло так, что дорога, едва не заколоченная в гроб, умудрилась пронести свет, жизнь и культуру по всему северному краю. В одно только школьное строительство Мурманка вложила не меньше 3 млн. руб.

А сколько было затрачено дорогой на освоение четырех тысяч гектаров болотных земель, по которым никогда не ступала нога человека, но которые сейчас

вполне пригодны под посевы и в таком виде будут переданы переселенцам! Сколько миллионов рублей истрачено дорогой на коммунальные хозяйства переселенческих поселков, на прокладку прекрасных дорог, шоссе, трактов, на постройку первого на далекой окраине водопровода в Мурманске, на закупку фрезмашин для осушки болот, на создание хибинского опытного сельскохозяйственного пункта, получившего мировую известность!..

Дорога, бывшая несколько лет назад нищенкой, сейчас свободно делает миллионные вложения, чтобы вдохнуть жизнь в тундру и превратить недавно безлюдный край в крупную индустриально-промышленную единицу Советского союза.

По природным условиям зерновое земледелие не может иметь крупного значения даже в южной части территории, отведенной дороге. Колонизация края не делает поэтому упора на земледелие: главным источником для колонистов здесь должна быть промысловая и промышленная работа на основе различных форм сельского хозяйства: молочно-животноводческого и огородного.

Поэтому Мурманка проводит титаническую работу по осушению болот и превращению их в луга; попутно идет работа по подбору сортов сельскохозяйственных растений; благодаря неустанной агропомощи, оказываемой переселенцам, в огородах и на приусадебных участках последних появились и успешно культивируются посевы кормовых трав и главных огородных растений.

Огромные расходы колонизационного отдела дороги покрывались за счет прибылей Желлеса и Желрыбы, единственных на первых порах доходных предприятий дороги.

Сегодня комбинат использует все пути для развития естественных ресурсов края и создания в нем очагов индустриализации, он находит для них сырьевые базы в виде различных промыслов. Для этой цели начаты разработки в Хибинском горном массиве, на Кольском полуострове, богатейших месторождений ископаемого сырья: нефелинового сиенита и апатита.

Сиенит, запасы которого очень велики, почти неисчерпаемы, стал незаменимым сырьем при выделке стекла. Незаменимым потому, что при выработке стекла из нефелинового сиенита не нужны дорого стоющие щелочи. Установлено также, что нефелиновый сиенит может заменить в керамической промышленности полевой шпат, имеющий ценность как предмет вывоза. Об апатитах, представляющих собою богатую фосфорную руду, известно, что запасы их определяются чуть ли не в 20 млн. тонн.

В одном из прошлогодних номеров журнала «Карело-Мурманский край» помещена статья Лобунцова об открытии хибинских апатитов. Рассказывая о первых обследованиях горы Расвумчорр, где в период 1923—1925 гг. на высоте 900 метров были обнаружены апатитовые россыпи, автор статьи сообщает, что уже в 1926 г. по поручению Академии наук Института по изучению Севера и колонизационного отдела Мурманской железной дороги им был организован небольшой разведочный отряд для специального обследования этого апатитового месторождения.

Конечно средства для проведения этой, ныне исторической, разведки отпущены были колонизационным отделом Мурманки, который может по справедливости называться носителем жизни во вновь открытой стране.

Мурманская дорога всерьез занялась хибинской проблемой, повела детальные разведки обнаруженных

месторождений, стала выяснять возможности осушения болот в их районе, устройства там жилищ для рабочих, возможность проведения дороги, организации специальных заводов и завоза необходимых машин.

Весною 1929 г. на колонизационный отдел дороги возложили обязанность быстро построить грунтовую дорогу для автосообщения от раз'езда Мурманской дороги Белого до месторождения в Хибинских горах, на протяжении 30 км.

Мурманка ответила по-боевому:

— Есть!

Спустя четыре месяца дорога была проложена, несмотря на плотнокаменистый грунт, не поддававшийся лопате, на огромные валуны, болота, дожди и полчища мошкары. На протяжении меньше чем на 30 км. пришлось возвести больше сорока мостов, но зато сразу пришла возможность вывезти первые партии апатита в центр страны и за пределы ее, при чем новая дорога в несколько раз понизила стоимость перевозки апатита, прежде доставлявшегося от месторождения к полотну дороги вьюком.

У подножия Хибинских гор с легкой руки колонизационного отдела вырос Апатитовый городок, насчитывающий несколько бараков, домов, складов, мастерских, гаражей и других служебных построек.

Организован апатитовый трест, который совместно с Мурманским комбинатом создает вблизи места разработок, разрастающихся в сложный химический комбинат, новый город социалистического типа на 20 тыс. жителей. Вокруг него, на площади осушенных болот, проектируется создание ряда совхозов, которые будут снабжать продуктами население нового центра за полярным кругом. Все это будет оборудовано и закончено к концу пятилетки.

Конечно грунтовая дорога с ее автомобилями и грузовиками не сможет обслужить такое население и вывезти огромное количество грузов, ожидаемых не только нашей страной, но и далеко за ее пределами.

Поэтому еще в конце 1929 г. Совет труда и обороны предложил Мурманке в срочном порядке построить новую железнодорожную ветку от Мурманской магистрали до месторождения апатитов в Хибинских тундрах. И во исполнение приказа выросла новая станция Апатиты, вполне оборудованная путями и открытая для пользования. От нее начата была постройка железнодорожной ветки в горы, и осенью 1930 г. месторождения нефелинов и апатитов прочно связались со всем миром стальными путями.

Несколько строк о проектах Мурманского комбината, небывалых по мощности своего замысла проектах, мощных, как и все строительство, идущее ныне в шестой части света.

Комбинат освоил уже 4 тыс. га болотной земли и не остановился на своем достижении. Завоевание болот продолжается, и к концу пятилетнего плана великих работ количество отобранной у них земли достигнет 15 тыс. га. Победа одерживается систематической ежедневной работой, в которой участвуют люди и машины. Болота и кочкарники, поросшие дикими мхами, не видевшие никогда близко людей, сейчас поддаются их упорному наступлению и сдают, сдают свои позиции.

Еще несколько лет этакой большевистской работы и о «крае непуганных птиц» (так назвал его писатель Михаил Пришвин) останутся одни лишь воспоминания. Людям, которые приедут сюда работать спустя десяток лет, рассказы стариков о недавней неприступности этих земель покажутся такой же легендою, как руны старой «Калевалы».

Мурманский комбинат имеет также и свои агрономические службы, показывающие, что здесь, на безрадостной северной земле, за полярным кругом, возможно произрастание кормовых трав, овощей и хлебных злаков, идущих на сено. Опыты, проведенные агрослужбой дороги, говорят о том, что здесь можно широко развить животноводческое молочное хозяйство, не уступающее хозяйствам стран, являющихся гегемонами молочных продуктов на мировом рынке.

Благоустраивая край, дорога не забывает о себе. В портфеле Мурманки имеется замечательный план электрификации дороги, которую будут приводить в движение реки и озера Карело-Мурманского края. Энергия, добываемая из воды, вытеснит в ближайшие годы привозной уголь.

Трудно перечислить все проекты, уже осуществляемые и предназначенные к претворению в жизнь огромным комбинатом, которым руководит не старый путейский спец, а рабочий одного из крупных заводов тов. Калабухов.

Недавно исполнилось десятилетие существования Карельской республики, и Калабухов послал от имени дороги привет трудящимся новооткрытой страны. Несколько строк, взятых из его письма, подчеркивают, как плотно связана судьба края с этой незаурядной дорогой:

«...Рожденная в огне гражданской войны Автономная Карелия, расположенная на крайнем северо-западе как аванпост Союза социалистических республик, показала поразительный пример быстрого развития своих производительных сил и творческого энтузиазма трудящихся, освобожденных от гнета капитализма.

Мурманская дорога, связавшая север и юг, центр Карелии с Ленинградом и незамерзающим Мурманским

портом, своим ростом ярко отражает успехи экономического и культурного развития Карельской республики. Мурманская дорога разделяет вместе со всеми трудящимися Карелии радость крупных побед, достигнутых благодаря энтузиазму рабочих и крестьян. Эти успехи освобожденного труда особенно ярко выявляются при сравнении с соседней Финляндией, где трудящиеся зажаты в тиски капитала и фашизма...»

Рабочий Калабухов более чем скромно отметил значение дороги-комбината в «радости больших побед». Мурманка имеет право однажды в десять лет похвастать той ролью, которая честно выполнена ею по заданию партии и правительства.

СТОЛИЦА КАРЕЛИИ

I

Город «Petroskoi».—О Кивачст, ое и Киваче, воспетом Державиным в оде «Водопад».

Склáд моего сырья — блокнот.

Записи в нем веду я один, но почерк разный. Приходится заносить строки на ходу поезда, чтоб не забыть фразу или сообщение, оброненное случайным дорожным спутником; иной раз записываешь, прислонясь к стене, к забору, к борту корабля или к крылу тряской пролетки. В блокноте винегрет всяких выписок из протоколов, архивных документов, газет, книг, справочников и журналов. Выписки перемешаны с собственными впечатлениями, выводами, разговорами.

Блокнот — стержень будущей книги. Он заставляет мозг воспроизводить события с точностью фотографической пластинки.

Иногда записанная кривыми, скачущими буквами строка из блокнота разрастается в книжную страницу. Строка напоминает о людях, окружавших меня в тот момент, когда она утверждалась в блокноте, об их разговорах, о местности — словом обо всем, вплоть до мелочей, в тот момент, как будто, незамеченных.

Блокнот начинается короткою строкой:

«24 июля. Приехал в Петрозаводск в первом часу ночи. Светло». Дальше—слово предоставляется памяти.

Мурманский поезд покинул Ленинград в два часа дня. До Петрозаводска шел всего десять часов.

Прибыли за полночь, но на улице светло. Время белых ночей. В этот период чем ближе к Мурманску, тем светлее ночи.

О том, что приехали в Карелию, в автономную республику, напоминает вокзальная надпись, четко видная в белой ночи. На вывеске написано: «Петрозаводск» и рядом «Petroskoi». Перевод на карельский, точнее на финский язык. У карел нет своей письменности, приходится применять финскую, тем более, что языки схожи. Носильщиков на вокзале нет. Припоминаю, что в дороге говорили о «человеческом дефиците» в Карелии. Вот и признаки.

Извозчики имеются: стоят, как положено, за оградой станции. Если автобус у вокзала — цены божеские, но стоит наполненной машине отойти в город, цены мигом идут на повышение.

Первое впечатление о городе: хорошо электрифицирован. Из миниатюрных окошек деревянных домиков, растянувшихся от вокзала до центра, брызжет яркий свет. В гуще деревянных «домов-единоличников» появляется длинный одноэтажный каменный дом с широкими дверьми. Несомненно — это новый дом. Извозчик поясняет — гараж. И, не ожидая расспросов, сам вдается в дальнейшие раз'яснения.

— У нас недавно на весь город один автомобиль имелся, а нонеча прямо завал: и автобусы (извозчицкое больное место), и легковики, и грузовики, да еще лесовозы разные, трахторы... На улице днем гляди в оба!.. Значит Петрозаводск не только электрифицирован, но успел и механизировать свой транспорт. Первые шаги города, ставшего столицей, многообещающи; он будет шагать в ногу с темпами всей Страны советов.

Под'езжаем к единственной в городе коммунальной гостинице. Свободных номеров нет. Их занимают в

большинстве местные работники, ожидающие достройки жилых домов. Меня водворяют в общежитие— обширную, хорошо освещенную и очень чистую комнату с двумя десятками коек.

Уже час ночи, но никто из обитателей общежития не спит. Разговоры, шелест газет, аппетитное чавканье. Иные сидят над чертежами, сметами, протоколами, делают записи и выписки. Это — строители Карелии, комсостав, руководящий созданием промышленности и индустрии в недавно еще заброшенной глухой царской Олонии.

Здесь, на койках — инженеры, техники. Знатоки лесного, бумажного, электрического дела. Им вверены различные «строи» Карельской республики, и они, как чародеи, превращают пустынные или заросшие лесами земли в полнокровные промышленные единицы.

Меня клонит ко сну после двух суток, проведенных в пути, но на соседней койке несколько человек вполголоса обсуждают проблему водопада Кивач, и тема эта поневоле заинтересовывает, гонит сон, заставляет чутко прислушиваться к чужому разговору.

Кивач — один из крупнейших в мире водопадов, известный далеко за пределами нашей страны. К нему с давних пор тянулись и тянутся экскурсии. Его воспел поэт Державин в своей оде «Водопад».

Но моих соседей мало занимает дикая красота двухсотметрового потока, свергающегося с 10-метровой высоты. Предмет восхищения туристов для них — дармоед, вхолостую растрачивающий десятки тысяч лошадиных сил энергии, которые можно и должно поставить на службу социалистическому строительству.

Засыпая, улавливаю: — Кивачстрой...

* * *

2

Писатели начала 900 годов об Олонии.—«Осматривать в городе нечего». — Эволюция карельского музея.—От губернатора Григорьева до учительницы Ивановой.

В 1909 г. книгоиздатель Сытин выпустил книжку Черемина «Озерный край». Заимствованное из нее описание Петрозаводска того времени привожу без всяких изменений:

«Внешний вид его довольно красив, он расположен на горе и весь утопает в зелени. Здесь еще до сих пор сохранился собор, построенный Петром Великим. Служба в нем совершается раз в год — в петров день. На этой же площади недавно выстроили еще один собор, наподобие московского храма Христа Спасителя, только в значительно меньших размерах.

Осматривать в этом городе особенно нечего: на городской площади памятник Петру, местный музей, в самом городе литейный завод — вот и все достопримечательности. Много жизни и красоты Петрозаводску придает озеро».

Почти такое же впечатление о Петрозаводске осталось у Круковского, написавшего книгу «Олонецкий край», напечатанную в 1904 г. Он несколько подробнее останавливается на музее. Вот отзыв о нынешней столице Карелии, данный четверть века назад:

«Городская земская читальня в доме старинной архитектуры, несколько церквей да памятники императорам Петру Первому и Александру Второму — вот кажется все особенности этого скучного служебного города. В Петрозаводске около 30 тысяч жителей, одна казенная газета «Олонецкие губернские ведомости», две типографии.

Впрочем, есть в городе одно интересное учреждение, это Естественно-Исторический музей в доме губерна-

тора. Музей оказался закрытым для публики, но мне любезно показали его. В нем находится много интересных предметов каменного века, а также олонецкой старины, древней Руси и современной этнографии; но в музее многие отделы почти отсутствуют. Кустарные промыслы, звероловные, лесные почти не представлены, а этнографическая коллекция предметов далеко не полна и большею частью состоит из новеньких, чистеньких вещей.

А жалко, потому что в Олонецком крае еще можно найти кое-что этнографическое, самобытное... Пройдет несколько лет, исчезнут жемчужные кокошники и серьги, вместе с лесом исчезнут все предметы домашнего обихода, вызванные богатством леса, исчезнут следы звероловных и лесных промыслов, изменится вместе с природой даже самый тип человека, и ничего не останется увековеченным, записанным в книгу жизни народов. В музее нет даже хороших современных фотографий.

Грустные мысли приходят в голову, когда бродишь по двум комнатам «музея», битком набитым разными предметами.

Здесь не было системы, здесь был накопленный, разрозненный, сырой материал. И даже это не было доступно публике».

Два автора сошлись на одном мнении:

— «Осматривать в городе нечего», «никаких примечательностей...»

Конечно, в те времена город Олонецкой губернии Петрозаводск был много мельче и невзрачнее нынешнего Петрозаводска — столицы Карельской республики; но все же было в нем нечто более заметное, чем два собора и памятники. Уже тогда город благодаря заводу, был значительной революционной базой Оло-

нии, и революционеры проделывали в нем изумительные дела.

Но об этом тогдашние авторы не хотели или не могли писать.

О революционном прошлом Петрозаводска, ярком и интересном, рассказ будет дальше, а сейчас — о музее, которому уделил несколько строк в своей книге Круковский. Я посетил этот музей в первое же утро пребывания в городе и нашел на прежнем месте — в губернаторском доме, состоящем из двух полукруглых зданий, расположенных в виде подковы и обрамляющих круглую площадь с памятником Петру. Ныне в этих зданиях обретаются ЦИК и Совнарком Карелии, ряд наркоматов и музей, занимающий не две комнаты, как при губернаторе, а примерно с дюжину. Двери его широко раскрыты для желающих, и в посетителях недостатка нет.

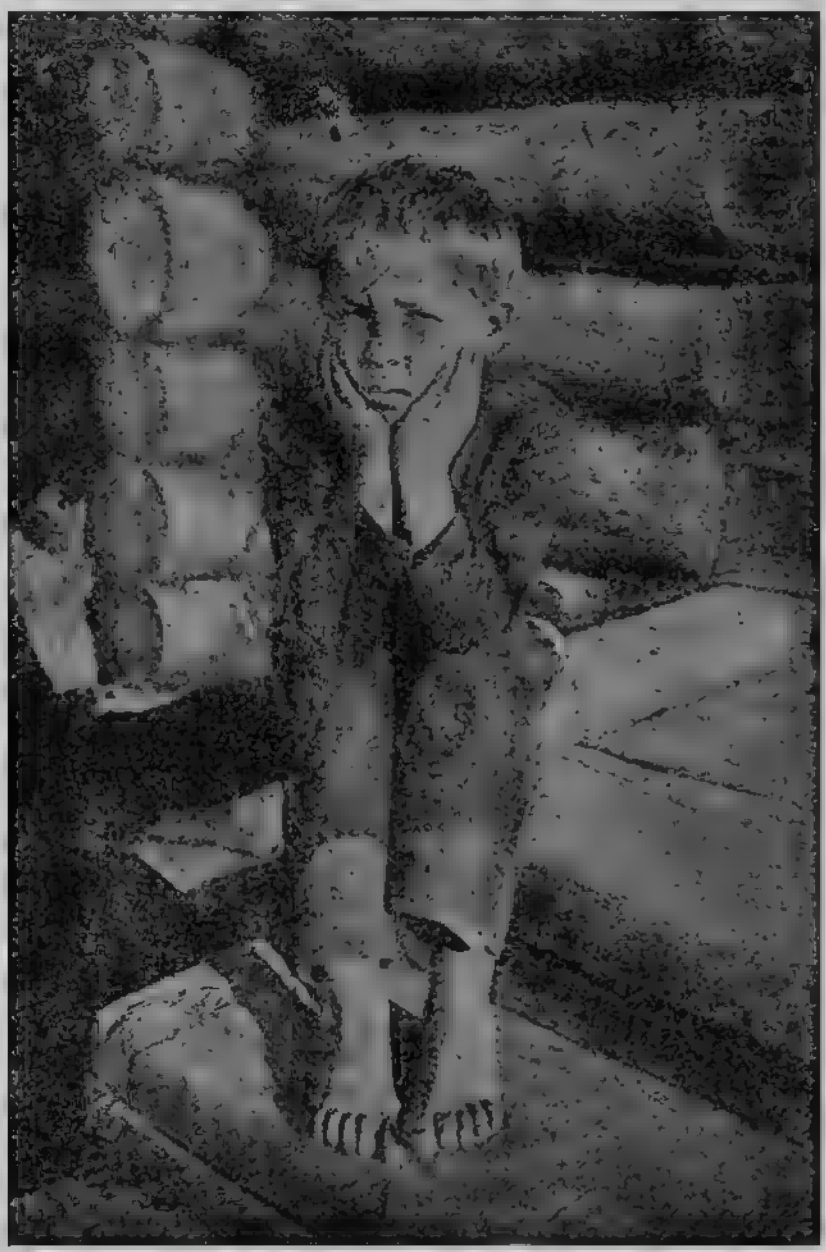
На Круковского олонецкий музей четверть века назад навевал грустные мысли: «Не было системы, был разрозненный сырой материал, и даже это не было доступно публике».

Нынешний «хозяин» музея, товарищ Макарьев, вепс[1] по национальности, основательно упорядочил дело, систематизировал музейное имущество, разбил его на отделы, раздобыл множество новых экспонатов. Однако, тов. Макарьев неудовлетворен и при всяком удобном случае считает нужным заявить, что многое в планировании зависело от помещения, тесноты и неудобства. Бесспорно, музею молодой республики пора бы расстаться с бывшим губернаторским домом и переехать в соответствующее специальное здание. Но

[1] **Вепсы** (гуди) — финский народ, живущий в Карельской АССР и Ленинградской области. По данным последней переписи (1926 г.) численность вепсов — около 33 400 чел.

Примечание редакции.

не сейчас, когда на очереди дела поважнее, когда строят комбинаты, фабрики, заводы, гидростанции,



Мальчик вепс.

промыслы, шоссе, дороги и жилища для непрерывного потока людей.

Музей развернул три отдела: культурно-исторический, естественно-исторический и промышленно-экономический. Четвертый — художественный — не выставлен, места нехватает.

В музее представлены народности, населяющие республику, их одежда, утварь и обычаи. Помимо восковых фигур и вещей, множество фотографий и зарисовок очень удачно иллюстрируют быт. Замечательны снимки, где схвачены интереснейшие моменты из жизни карел, финнов, вепсов: их обряды, игры, охота, семейные торжества, старые обычаи и крупицы нового быта.

Круковский был трижды прав, отметив, что «в музее нет даже хороших современных фотографий». Тогдашние снимки сохранились в массивном, тяжелом «Альбоме видов Олонецкой губернии», являющемся одним из экспонатов музея. По картонным страницам альбома аккуратно расклеены виды церквей — снаружи и внутри, снимки школьных молебнов, группы монахов и монахинь, сиротские дома и прочие заведения «ведомства императрицы Марии».

Кому это нужно было? Перелистываю альбом в надежде отыскать признаки быта, но нахожу только самого губернатора Олонии. Вот он сидит в своем кабинете за огромным столом. Величествен, как Зевс-громовержец, окружен портретами всего царствовавшего дома. И еще снимок того же губернатора в полупустынном зале, где помещался тогдашний музей. Затем памятник Петру, заснятый со всех сторон, и... все. Царская Олония по-своему демонстрировала строительство губернии. Строили церкви, сооружали памятники царям, плодили монастыри...

Иное теперь. В музее, помимо этнографических, культурных и исторических экспонатов, четко пред-

ставлены промышленно-экономические возможности страны.

Лес — богатство Карело-Мурманского края, ему посвящен специальный подотдел, знакомящий с лесными ресурсами, породами, экспортом. Все это показано не только картами, диаграммами, фотоснимками, но и образцами лесоматериалов.

В таком же плане музей знакомит с рыболовством, охотой, горнообрабатывающей промышленностью, транспортом.

— Экономический и культурный рост нашей республики плюс прекрасные природные условия привлекают к нам значительное количество экскурсантов издалека, — говорит зав. музеем. — Сами видите, что творится у нас в летнее время, — и Макарьев кивком головы указывает на заполненные людьми комнаты музея. — Впрочем, нельзя жаловаться, достаточно посетителей и зимой. Не забывают нас школы, профорганизации, политпросвет.

Слушая Макарьева, я невольно возвращаюсь к словам автора книги «Олонецкий край»:

«Музей оказался закрытым для публики, но мне любезно показали его».

Неожиданно в моих руках очутился документ, свидетельствующий о том, как затруднен был простым смертным доступ в это учреждение в те времена.

Документ этот — об'емистая книга в кожаном переплете.

На нем вытиснены золотом три слова: «Посетители Олонецкого музея».

Первая страница занята надписью:

«Олонецкий естественно-промышленный и историко-этнографический музей, основанный при губернском статистическом комитете по мысли председателя —

Олонецкого губернатора Григорьева. Открыт 29 июня 1873 г., в день открытия памятника императору Петру Великому в Петрозаводске».

На следующих страницах автографы посетивших музей.

Их немного. В год открытия расписалось двое — губернатор Григорьев и профессор Иностранцев. В последующие два года никто повидимому не посещал музея.

Лишь в 1876 г. его удостоили присутствием горный начальник и статс-секретарь. Спустя год расписались еще двое — министр народного просвещения граф Д. Толстой и некий штаб-ротмистр лейб-гвардии конного полка.

Три-четыре человека ежегодно посещали музей, «созданный по мысли губернатора», но зато люди-то какие! Великие князья, член духовно-учебного комитета, министр юстиции Муравьев, бароны, генерал-майоры, архиереи, потомственные дворяне... Губернатор мог радоваться.

В книге посетителей не имелось ни одного «темного пятна», — сплошная голубая кровь.

И лишь в девятьсот пятом году, — году свобод и реакции — в книге впервые появляется скромная подпись: «Учительница Иванова».

До 1926 г. альбомом никто повидимому не интересовался.

За последние пять лет он, гордый хранитель сановных росчерков, окончательно демократизирован. Его расписали и расписывают сотни советских экскурсий, тысячи туристов.

В жизни альбома, как и самого музея, произошел перелом, о котором никогда не мыслил губернатор Григорьев.

3

Как создавался Петрозаводск.—Завод-каторга. — Восстание, длившееся десять лет.—Екатерина, усмиритель-ница заонежцев.—Кижский расстрел 1 июня 1771 г.—Крепостные рабочие и „аглицкая" администрация.—Первый олонецкий губернатор, поэт Державин.—Едет царь!—Как выглядела „оперативная сводка" тогдашнего строительства.—Революция, пришедшая с опозданием.—Первые шаги большевистской организации в 1906 г.

«...Осматривать в этом городе особенно нечего: на городской площади памятник Петру, местный музей, в самом городе литейный завод — вот и все примечательности...»

Так писал Черемин в своей книге двадцать лет назад

О заводе мельком — два слова: «он расположен в самом городе». И только. О том, что самый город создался благодаря заводу, который с первых же лет существования стал цитаделью революционного движения в царской Олонии, не упоминалось. Спокойнее было описывать строительство соборов, памятники и захудалые музеи.

Лишь в 1926 г. карельский краевед Гудошников очерком о культурно-историческом прошлом Петрозаводска приподнял завесу над подлинной историей города и завода, положившего ему начало. Само название «Петрозаводск» говорит за себя.

Началось с завода, основанного Петром Первым.

Было это в начале XVIII века, когда стала развиваться казенная русская металлургия, когда война со шведами впервые поставила перед царизмом проблему металла. Чтобы победить, нужна была артиллерия из своего металла. Начав строить заводы, Россия не могла обойти олонецкие болотные руды, находившиеся неподалеку от района военных действий и связанные со столицей непрерывным водным путем. Выгоды были учтены, и вскоре по северному побережью Ладож-

ского озера задымил ряд чугуноплавильных заводов, в том числе (в 1703 г.) и Петровский, при устье реки Лососинки.

Заводу нужны были люди, и власти разрешили этот вопрос крайне просто: приписали к нему несколько волостей, точнее, отдали ему в крепостные несколько тысяч крестьян.

Этого оказалось недостаточно — произвели несколько рекрутских наборов и новобранцев, послали вместо армии на завод.

Под'яремный труд, крепостная работа, военная дисциплина того времени, неограниченный рабочий день— все это стало невыносимым даже для привыкшего к тяжелой крепостной жизни крестьянина. Завод был для него каторгой, и с него, как с каторги, начались побеги.

Пойманных беглецов наказывали кнутом, истязали, но побеги не прекращались. Чересчур тяжело приходилось работавшим на заводе. Люди были абсолютно беззащитны, и администрация всячески злоупотребляла этой беззащитностью. Стоило появиться на заводе мало-мальски справедливому начальству — и побеги уменьшались.

Завод разрастался, нужны были все новые рабочие руки. В 1715 г. в Ребольский погост прибыл офицер с царским указом, гласившим, что ребольцы отныне закрепляются за заводом. Обитатели погоста прогнали офицера. Тогда выслали роту солдат усмирять непокорных. Запуганные ребольцы били челом, просили за дальностью расстояния заменить им работы на заводе денежным налогом, готовы были отдать все, что имели, только бы отбояриться от ненавистного завода.

А на заводе, в управлении, царили беспорядок и лихоимство.

Труд приписанных к нему крепостных рабочих безобразно расточался. Никто не находил нужным высчитать, сколько рабочей силы и времени понадобится для выполнения той или иной работы. Люди голодали, в крае нехватало хлеба, правительство же, взяв на себя снабжение, поручало закупку хлеба подрядчикам-кулакам. Те ставили на хлеб неимоверно высокие цены. Нередко управление завода брало с крестьян деньги за хлеб, которого те даже не покупали. Все это вместе взятое вызывало среди рабочих страшное недовольство.

Наивно веря в справедливость царя, они посылали ходоков в столицу, давали взятки, но никогда к благоприятным результатам это не приводило. Годами накапливалось недовольство, вылившееся в форменное восстание, с небольшими перерывами длившееся почти десятилетие (с 1769 по 1779 г.). Этот не исследованный еще историками бунт начался в Кондопожской и Кижской волостях, но когда арестовали зачинщиков, волнение распространилось на все Заонежье. Душой восстания был кижский крестьянин Емельян Калистратов.

Шли годы, полные угнетения и несправедливостей для закабаленных онежскими заводами крестьян, и не утихали бунты и волнения.

На престоле водворилась Екатерина, но ничего не изменилось на берегах Онего. Императрица, решив покончить с мятежниками, снарядила генерала Лукошина усмирять заонежцев. Когда войска его подошли к Петрозаводску, некоторые волости из'явили покорность и согласились возобновить работу на ненавистных заводах.

Однако, недолго длился внесенный вооруженной силой покой.

В Петербурге бежал из-под стражи один из арестованных крестьянских ходоков села Толвуи Клим Соболев. Вернувшись в родные места, он рассказал, как поступило с ним столичное начальство, и новая волна возмущения охватила крестьян. Они сместили изʼявивших покорность царице старост и выбрали новых. И снова пришли войска, чтобы изловить мятежника Соболева. Но на этот раз дело оказалось сложнее.

Народ решит отстаивать свои права. Забил набат, и под гул его девять тысяч вооруженных крестьян разоружили воинскую команду и арестовали чиновника, руководившего ею. Тогда в Кижи прислали артиллерию под начальством Урусова. Крестьяне встретили ее без всякого страха. Считая себя правыми, они не допускали мысли, что по ним могут стрелять, и собравшись в ограде церковного погоста, спокойно глазели на войска. Это не помешало доблестному Урусову скомандовать: «Пли!». Первым выстрелом пятерых убило наповал, нескольких ранило...

Таким путем 1 июня 1771 г. была приведена к покорности мятежная деревня Кижи.

Вожаков крестьянского движения, Емельяна Калистратова и Клима Соболева, вместе с их ближайшими соратниками, сенат приговорил к тяжелым наказаниям. Калистратова с четырьмя товарищами драли плетьми и сослали в сибирские гарнизоны навеки в солдаты. Соболева и двоих старост послали на каторжные работы в Нерчинский завод; предварительно каждому дали по сто ударов кнутом, вырезали ноздри, выжгли каленым железом знаки на лбу и обеих щеках.

В то время как крепостных рабочих драли, расстреливали и ссылали за высказываемое вслух возмущение, технический персонал завода, состоявший главным образом из англичан, жил не плохо. Директор получал

ежегодно две с половиной тысячи фунтов стерлингов, его помощники — по три тысячи русских рублей, мастера и механики — от тысячи до трех. Для русских существовали несколько иные расценки. Сто целковых в год получал лишь пушечный мастер; остальные мастера — от 60 до 70, подмастерья — не свыше

Онежский завод в городе Петрозаводске.

45 рублей, рабочие — по тридцати рублей в год, подростки — от 8 до 24 рублей.

Этой суммы крепостным рабочим хватало лишь на то, чтобы не умереть с голоду. Уйти с завода они не имели права. Беспросветна была жизнь самих рабочих, ничего лучшего не предвещала она их детям. Заводу не приходилось заботиться о кадрах; существовал приказ, по которому дети рабочих должны были становиться на работу с восьмилетнего возраста.

Когда страна не воевала, завод выполнял самые разнообразные работы, делал лядунки с гербами, фонтанные трубы, решетки для столицы. До конца прошлого века завод справедливо занимал первое место по литью, и не мало сохранилось в Ленинграде решеток высоко художественного исполнения, сделанных руками крепостных этого завода.

В эпоху русско-турецкой войны завод влачил жалкое существование, и правительство решило построить вместо него другой по той же реке Лососинке. Новый завод в честь внука Екатерины, будущего императора, назвали Александровским, и это название нес он с 1774 г. по самую Октябрьскую революцию, когда его переименовали в Онежский завод. Через три года после открытия нового завода рабочая слобода, именовавшаяся Петровской, была сделана уездным городом Петрозаводском.

После Пугачевского бунта правительство увеличило число губерний, чтобы губернатору при меньшей территории легче было бороться с народными возмущениями. Таким образом создалось в 1784 г. Олонецкое наместничество, состоявшее из земель вокруг Онежского озера и западного берега Белого моря. Петрозаводск был об'явлен губернским городом наместничества, состоявшего из двух губерний — Олонецкой и Архангельской. Первым олонецким губернатором был знаменитый поэт XVIII столетия Г. Р. Державин.

Новоявленный губернский город был типичным заводским поселком, и единственным признаком его высокого ранга была канцелярия губернатора со штатом чиновников.

Жизнь двух лагерей, на которые фактически был разбит тогдашний Петрозаводск, решительно ни в чем

не совпадала. Насильно завербованные рабочие не видели просвета, жили впроголодь, работали лишь потому, что отказ от работы грозил им тягчайшими наказаниями. Чиновный мир чувствовал себя иначе. Первое место занимал в нем, как полагалось, губернатор Он, по желанию Екатерины, являл собою нечто в роде губернского царя, выезжал под конвоем офицеров и драгун. Балы в губернаторском доме были копиями придворных балов.

Так обстояло с высшим чиновничеством. Положение мелкой сошки в чиновном мире было не многим лучше положения рабочих. На низших чиновников ложилась вся тяжесть административной лямки. Они были невежественны, забиты и очень скверно обеспечены материально. В местных летописях сохранились записи, сообщающие, что мелких чиновников иногда подвергали даже наказанию палками.

В тридцатых годах прошлого столетия Петрозаводск насчитывал шесть с половиной сотен домов и шесть с половиной тысяч жителей.

Жилища большинства тогдашних обитателей Петрозаводска не имели ничего общего с городскими. При них красовались типичные крестьянские дворы с рабочим скотом, огородами и прочими деревенскими особенностями. Да и самый Петрозаводск скорее напоминал большое село, чем город. За первые семьдесят лет своего существования Петрозаводск не был застроен даже внутри городской черты, намеченной еще планом екатерининских времен. Густой лес начинался непосредственно за воротами губернаторского дома, стоявшего в самом центре города.

Строительство нового губернского центра подвигалось вяло, население прибывало медленно. Впрочем, случались дни, когда сонная провинция неожиданно

встряхивалась от спячки и лихорадочно начинала строить. Но для этого должно было произойти какое-нибудь выдающееся событие.

Пожелтевшая архивная бумажка рассказывает нам об одном таком событии, всколыхнувшем глухую Олонию:

«Имея в виду, что по маршруту его величество предполагает совершить поездку из Петрозаводска к марциальным водам и водопаду Кивачу, горное начальство устроило по этим местам прекрасную столбовую дорогу и пристань на реке Суне».

Местное начальство мало тревожило заедавшее страну бездорожье. Стоило ли в самом деле беспокоиться о коренном населении огромного края, о каких-то там карелах, вепсах, финнах!..

Но перед царем начальству не хотелось ударить лицом в грязь.

Если проглядеть «оперативную сводку» тогдашнего строительства Олонии, можно встретить не мало курьезов. Например, некий петрозаводский чиновник, составляя для столицы отчет о строительстве, с полной серьезностью упомянул в нем и о внутренней отделке квартиры губернатора. Написал он дословно следующее:

«...благодаря энергическим мерам и вполне отеческой попечительности нынешнего начальника, его превосходительства Н. Т. Волкова, наш город постепенно улучшается и совершенствуется. Устройство новой общественной пристани, богатая эстетическая отделка комнат губернаторской квартиры, благородного собрания, возведение вчерне новой каменной красивой гауптвахты...»

Петрозаводску не удавалось выбиться из рамок захолустного провинциального города даже в конце

прошлого столетия. Чтобы оживить его, требовалось проложить железную дорогу. Об этом не мало пеклось земство, хотя дальше проектов дело не подвигалось.

Ежегодно в течение 6 месяцев город бывал оторван от мира: летом его связывал со столицей водный путь — Онего и Ладога; но зимою, чтобы добраться до ближайшей железнодорожной станции, нужно было четверо суток ехать лошадьми.

Внешне все в городе было безмятежно и спокойно; тишина настолько убаюкивала, что после памятных октябрьских дней 1905 г. местная высшая администрация не предвидела никакой грозы. Между тем политическая сознательность рабочего класса росла, и чувствовалось это даже в такой отсталой окраине, как Олония.

Несомненно, толчок этому росту дали ссыльные революционеры, которых правительство направляло в глухую губернию. До 1906 г. по всей Олонии насчитывалось 356 ссыльных, но после первой революции, примерно к 1908 г., их стало здесь впятеро больше.

Первая революция докатилась до Олонии не сразу. Понадобилось время для того, чтобы события, всколыхнувшие всю страну, коснулись бездорожного края. Октябрьская забастовка, манифест 17 октября в Петрозаводске прошли в атмосфере патриотических манифестаций, молебнов и наставительных речей губернатора.

Но мимо города революция не прошла. По-настоящему события развернулись здесь все же не в 1905 г., а в 1907 и 1908 гг. К этому времени завершилось оформление большевистской организации, которая от слов и революционных лозунгов перешла к делу.

Прежде всего в мае 1906 г. был организован книжный магазин с.-д. направления. Спустя некоторое время магазин этот превратился в политический центр, где рабочие Петрозаводска получали свежие газеты, книги, узнавали политические новости о жизни страны; здесь рабочему рекомендовали круг чтения, об'ясняли непонятные места; прибывавшие в Олонию революционеры прежде всего являлись в этот магазин.

Значение книжного магазина было разгадано душителями революции не сразу. Некоторое время (почти полгода) никто не мешал его существованию, и это не удивительно, если учесть, как велика была растерянность тогдашних властей перед событиями. Вот ярчайший пример: в декабре 1905 г. в театре, где читался доклад о необходимости уничтожения частной собственности, в креслах первого ряда сидел губернатор Протасьев и аплодировал докладчику. Заподозрить Протасьева в каком-либо сочувствии революционерам очень трудно.

Он прославился как реакционер и душитель свободы в Олонецкой, а впоследствии и в Самарской губерниях.

Большевистская организация Петрозаводска умудрилась в это «смутное время» провести в городе совершенно легально день Первого мая, об'явив его чуть ли не официальным праздником. В этот день завод прекратил работу раньше обычного, и весь город высыпал на дорогу, ведущую к вокзалу, где развернулось широкое народное гулянье. В честь памятного дня это шоссе называется теперь именем Первого мая.

Революционеры знали, что затишье предвещает грозу.

Так и случилось. На смену спокойствию, на фоне которого проходили революционные события, пришла

жесточайшая реакция, принесшая полный разгром всех организаций. Сильнее всего она сказалась на Онежском заводе. Десятки рабочих оказались выброшенными за борт, многих подвергли заключению, судили.

4

В хранилище карельских архивов.—О чем рассказывают „Олонецкие губернские ведомости".—О путешествии преосвященного Ионафана и смерти поэта Бенедиктова.—Передовые статьи о погоде, фельетоны о нерукотворном образе Христа и об'явления о розыске беглых бродяг.

Все эти сведения я раздобыл, разворошив документы, архивы, книги и истпартовские сборники, имеющиеся в краеведческом отделе карельской публичной библиотеки, где седовласый хранитель их, в большинстве уникумов, Аркадий Андреевич Васильев, с доброй улыбкой встречает всех интересующихся краем и приходящих к нему за содействием. Он выгружает из шкафов и с полок полуистлевшие рукописные книги, написанные несколько столетий тому назад хвостатыми буквами, и предлагает расшифровать русско-славянскую вязь, сложную, как иероглифы.

Рукописные книги, описывающие возникновение крестьянских дворов, затем деревень и поселений в Карелии и Заонежье, сменяют первые печатные труды, описания, официальные сборники. Путешествию Александра Второго по Олонецкой губернии посвящена особая книга, на страницах которой жители непрерывно восторгаются, что «наконец-то довелось увидеть собственными глазами государя — ясное солнышко».

В старомодных кожаных переплетах хранится комплект первой в этом крае газеты «Олонецкие губерн-

ские ведомости», выходившей непрерывно с 1838 г. до самой Октябрьской революции.

В первые годы своего существования «Олонецкие губернские ведомости» были не газетой, а чем-то в роде сборника или бюллетеня, густо напичканного всякими приказами и постановлениями. Никакой хроники, никакого отражения общественной жизни, хотя бы в самой скромной заметке. Просто еженедельный сборник приказов.

Сороковые годы вносят некоторый перелом в жизнь «Ведомостей». Они начинают выходить двумя выпусками — официальным и неофициальным. Первый сохраняет свой стиль и характер, второй заполняется статьями и фельетонами, главным образом на божественные темы.

Прходят десятилетия, но содержание газеты не изменяется. «Руководящие» статьи в газете имеют примерно такие заголовки: «О нерукотворном образе господа бога нашего Иисуса Христа в сосуде, кой употреблял Спаситель при тайной вечере».

В 1873 г. на протяжении ряда номеров «Ведомости» печатают путевые заметки под заглавием «Обозрение церквей преосвященным Ионафаном в Заонежском крае в декабре 1870 г.».

Корреспонденции печатались спустя три года после события, занимая по три-четыре газетных страницы в каждом номере и подробно рассказывали о делах и днях преосвященного.

В скучном описании «преосвященной» командировки я нашел всего два занятных момента. Приведу их полностью, ничего не изменяя.

«В Падмозере преосвященный спросил одного мальчика:

— А где находится отец небесный?

— А гляй его, — простодушно ответил мальчик и при этом, не вынимая руки из рукавицы, указал на икону господа Саваофа».

Другой случай произошел в Шунге и описан «Ведомостями» так:

«...во время испытания по закону божию один из мальчиков затруднился об'яснением пятой заповеди.

Преосвященный, желая нагляднее и удоборазумительнее уяснить для них содержание этой заповеди, подошел к этому мальчику-карелу и спросил его:

— Кто у тебя родители, как зовут их, молишься ли ты за них?

— А чорт их знает, — спокойно, громогласным тоном ответил мальчик.

Преосвященный внушил наставнику вразумить мальчика, как худ его ответ. Этот мальчик был сын крестьянской девки, брошенной на произвол судьбы, и таскался «по миру», доколе один шунгский крестьянин не приютил его «христа ради» в своем доме».

Видимо широко проводимая среди голодного олонецкого крестьянства церковная пропаганда пользовалась сомнительным успехом даже у подрастающего поколения.

В номере газеты от 28 мая, где три полосы посвящены описанию поездки духовного отца, сообщению о смерти известного поэта Владимира Григорьевича Бенедиктова, уроженца Петрозаводска, воспитанника здешней гимназии, уделено ровно... три строки.

Впрочем, можно ли требовать много от газеты, освещавшей крымскую кампанию и севастопольскую оборону не штабными сводками, не корреспонденциями с фронта, а глупейшими предсказаниями о том, что русские овладеют Константинополем, и вытащенными из

архива стихотворениями Пушкина «Клеветникам России» и Жуковского «Певец во стане русских воинов»?..

Больше, чем хроника, больше, чем передовые статьи, трактовавшие чаще всего, разумеется, без всякой иронии, о погоде[1], представление об общественной жизни того времени дают об'явления, посвященные главным образом беглым крепостным людям. В них сообщалось о розыске бродяг, либо владельцев пойманных уже бродяг. В особых перечнях примет беглецов часто отмечались «синие полосы поперек спины» — следы порок...

После отмены крепостного права такого типа об'явления исчезли со страниц газеты, но в остальном она почти не изменилась, поэтому читать ее, даже просматривать, становилось скучно. Тем более несколько томов из обширного комплекта достаточно подтвердили, как непроглядно скучна, мелка и беспросветна была жизнь несметно богатой, но полудикой Олонецкой губернии.

Затхлые страницы «Ведомостей», почти столетие фиксировавшие тупой быт недалекой окраины, оборвались в тысяча девятьсот семнадцатом году...

Октябрь навсегда прикончил царскую Олонию. Ссыльной губернии не стало. После схваток с последними отребьями царизма — белогвардейцами и белофиннами — на советской земле появилась Карельская трудовая коммуна, впоследствии ставшая Автономной Карельской советской социалистической республикой.

---

[1] Передовая статья «Олонецких губернских ведомостей». Петрозаводск, 10 марта 1873г. «Оттепель, о которой мы писали в прошлом номере газеты, продолжается, так что большая часть снега растаяла, и по дорогам обнажилась совершенно земля, на санях ездить почти невозможно, и уже появились летние экипажи».

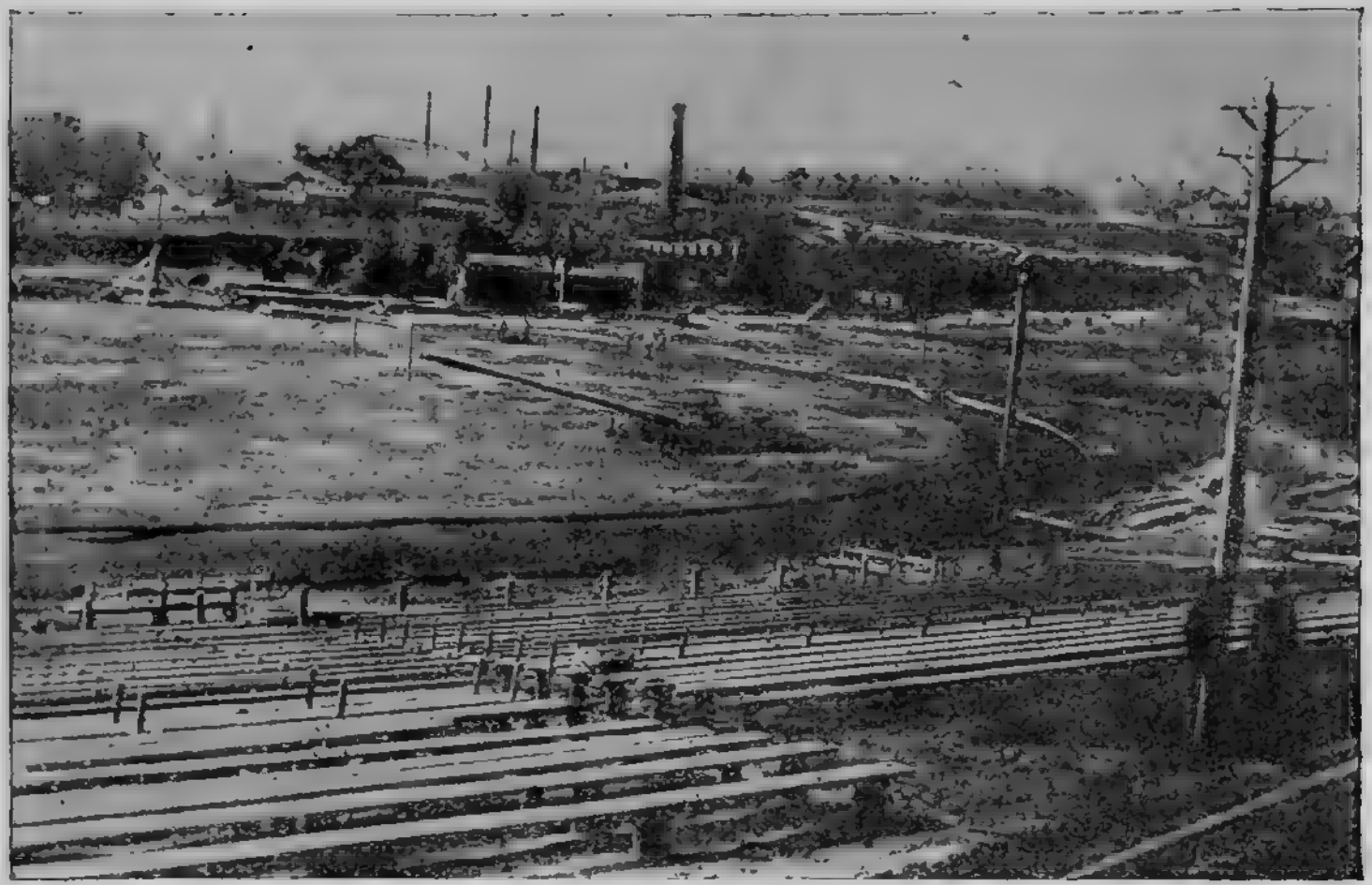
5

Сегодняшний Петрозаводск.—Онегзавод.—Десять лет Советской Карелии.—О карельской национальной культуре.—Борьба за здоровье.—Лес и диковинные лесовозы на улицах карельской столицы.

В июле Петрозаводск утопает в зелени, его осаждают туристы. Их так много, что на память невольно приходит Крым. Нехватает моря, но его заменяет Онежское озеро, которое местные жители величают морем.

На главной улице города дома расположены по одну сторону, по другую — огромный овраг, и часть его занимает круглые сутки дымящий и работающий Онегзавод, потомок первого петровского завода, очаг революции, на котором в декабре 1917 г. основана первая в Карелии ячейка коммунистической партии. Завод находится в самом центре города, виден со всех концов главной улицы, и грохот его разносится по всему Петрозаводску. Он реконструирован и переведен на специальное производство дорожных машин. Уже пять лет Онегзавод снабжает весь СССР дорожными машинами. Он, как и в прежние годы, занимается литейным делом, но сырьем ему служат не одни лишь металлы. Онегзавод отливает в своих корпусах новых людей, которые становятся у кормила власти, и люди эти так же крепки, как чугун, сталь и медь, с которыми испокон веков завод имеет дело.

В этой же впадине находится футбольное поле, и летом 1930 г. закончен постройкой большой стадион с ярусами для публики. В конце июля город готовился к празднованию десятилетия Карельской республики, исполнявшемуся в первые дни августа. Стадион должен был открыться к торжествам, между тем за декаду до праздника он был готов едва ли больше чем наполовину. Строители стадиона в ответ на мое сомнение об окончании стройки к сроку ответили:



В Петрозаводске построен большой стадион с ярусами для публики.

— Вы здесь, товарищ, на праздник останетесь? Может быть, говорите? Ну, если останетесь, убедитесь, что мы слово держим крепко. Стадион будет полностью готов накануне торжеств, и петрозаводцы соберутся на нем.

Каждый новый день подтверждал их слова. Каждые сутки изменяли облик стадиона, придавали ему европейский вид. Ночи стояли белые, их тоже использовали для строительства, и не одного лишь стадиона. В те дни прихорашивался город, чистился, красился, обрастал арками, венчался гирляндами зелени и лозунгов. Из столицы Союза, со всех республик должны были приехать гости, и уж это само обязывало; хотелось показать город во всем его нынешнем блеске.

Петрозаводск, как всякий растущий город, испытывает жилищный кризис, поэтому вопрос о размещении прибывающих на празднование десятилетия республики гостей выбился в порядок дня, выполз даже на страницы газеты. Местные рабочие тотчас же откликнулись на него и предложили выход из трудного положения: они соглашались размещать у себя по одному, по два прибывающих и вызывали товарищей последовать их примеру.

На улицах карельской столицы чувствовалось приближение праздника. Из клубных окон гремела музыка и пение — репетировали, на столбах устанавливали добавочные громкоговорители, мобилизованные штабом по проведению торжеств автомобили метались по городу, развозя строительные материалы, украшения, экспонаты для выставок, продукты и людей.

Туристы смотрели на автомашины с негодованием, оттого что все автомобили в те дни были сняты с экскурсионных рейсов и брошены на организацию праздника. В музее, взявшем на себя руководство

экскурсиями, обсуждались новые способы передвижения по излюбленным туристским маршрутам, и накопившимся за несколько дней бесплодного ожидания автоэкскурсантам пришлось менять свои планы, пользоваться водным путем, поездами или пускаться в дальнейший путь пешком.

Экскурсанты справедливо поругивали петрозаводскую кооперацию, видимо еще не привыкшую к летнему наплыву людей. В старом соборе оборудована большая столовая, но толку в ней немного. Быть может, одной из причин плохого обслуживания туристов питанием является некоторая новизна экскурсионного дела для «новооткрытой» страны, еще не освоившейся с интересом, проявленным к ней массами.

Карелии нужны люди, они в ней самый дефицитный предмет, поэтому интересующихся молодой республикой надо встречать несколько лучше, нежели делает это петрозаводская кооперация. Все красоты Карелии могут померкнуть при воспоминании о возмутительной постановке дела в столовых Петрозаводска, где за плохим обедом приходится стоять:

— в кассовой очереди за талоном,
— в очереди за ложкой и вилкой,
— в очереди за хлебом,
— в очереди за первым блюдом,
— в очереди за вторым,
— и в очереди... на сдачу ложки и вилки.

В редакции «Красной Карелии», когда я заговорил об этом возмущающем всех факте, мне не дали договорить до конца и предугадали, что именно вызывает мое негодование:

— Вероятно, вы по поводу нашего центрального рабочего кооператива! Так ведь?.. Ума не приложим, что с ним делать! Возьмите комплект газеты, убедитесь,

что не проходит дня, когда бы мы не указывали на его недостатки. Приезжающие частенько приносят нам свои жалобы. Мы их отправили комиссии по чистке кооперативного аппарата...

Никогда, вероятно, за многие годы своего существования не знал Петрозаводск такого оживления, как с момента советизации края.

В новую столицу со всех концов республики стекаются люди, призванные строить молодую Карелию, применить по-настоящему ее богатства, превратить ее из замшелой ссыльной губернии в индустриальный край. Из трехсот почти тысяч человек, населяющих АКССР, около трети жителей приходится на Петрозаводск и его район. Стареньких деревянных домишек и казарменных домов петровского времени, естественно, нехватило, и жилфонд карельской столицы усиленно пополняется новым строительством. Дома строятся в большинстве трехэтажные и деревянные, оттого что лесом Карелия богаче всех, кажется, стран.

Впрочем, попадаются иногда постройки, у которых первый этаж из железобетона, остальные два — деревянные. Надо сказать, что и у деревянных домов последней стройки архитектура значительно лучше и искуснее, чем у плеяды заурядных бревенчатых домов, настроенных во всякие времена. Несколько клубов, возведенных в Петрозаводске, подтверждают это.

В клубах летом работают приезжающие из столиц театры, и гастроли их проходят при полных сборах. На спектакли местного драматического театра, подвизающегося летом в городском саду, билеты надо брать за несколько дней, так быстро их расхватывают. Несколько кинематографов и клубных киноустановок не могут жаловаться на отсутствие зрителей. Даже эстрада на летней открытой сцене работает бойко, рекламируя

предстоящие гастроли «короля советского экрана» (списано дословно с афиши) Игоря Ильинского.

Десятилетие Карелии эстрада отметила по-своему, довольно оригинально. Весь город украсился плакатами, изображающими крепкого, мускулистого человека, на голове которого бьют пивные бутылки, на груди разбивают камни, на плечах гнут рельсы, но человек остается в полном здравии и, мило улыбаясь, пропускает через свое туловище легковой автомобиль с полудесятком пассажиров.

Местные мальчишки и чистильщики сапог получили стопроцентное удовольствие от выступлений этого атлета. Они самолично кокали бутылки на его голове, участвовали в раздроблении камня и гнутии рельс. Если они не поблагодарили своевременно администрацию городского сада за доставленное им в дни празднования юбилея советской Карелии культурное развлечение, спешу восполнить пробел, хоть и с некоторым опозданием.

Сейчас недалеко уже время, когда в Карелии появится свой национальный театр, который сумеет более культурными путями развлекать и поучать своего зрителя: последний Карельский с'езд советов дал четкие указания о создании национального карельского театра.

Правда, карельской национальной театральной культуры еще нет, а старинное народное действо и песенно-музыкальные мотивы не являются фундаментом для социалистической театральной культуры. По этому поводу журнал «Карело-Мурманский край» писал в 1929 г.:

«Ставя практический вопрос о театральной культуре в Карелии и о карельской национальной культуре в рамках сегодняшнего дня, надо исходить из того,

что дает нам действительность. С этой стороны силы русского театра должны быть использованы полностью для развития собственно-национальной карельской культуры. Карелия получает с этого года свой постоянный театр. С сентября рабочая молодежь Карелии получила свой ТРАМ. Рассада театральной культуры выращена, но эта рассада еще не является в полном смысле карельской. Индустриализация Карелии, революционная борьба пролетарских и крестьянских масс Карелии, социалистическое строительство молодой республики до сих пор не получили фиксации в театральном искусстве.

Без создания карельского репертуара нет действительно карельского театра. Ни постоянный драматический театр, ни выросший из рабочих масс ТРАМ карельского репертуара не дают. Он должен быть создан.

Путь к его созданию опять-таки идет от масс. Рабочие и крестьянские массы должны дать и дадут материал и формы действительно карельского театра».

Карельский театр рабочей молодежи создался не сразу. Его предтечей была рабочая театральная мастерская (Ратемас), около двух лет обучавшая рабочую и крестьянскую молодежь Карелии театральной культуре. Ученики Ратемаса упорно работали над речью, гримом, театроведением, танцами, акробатикой и пластикой.

И все же у мастерской был крупный недостаток, не исправленный и после превращения ее в ТРАМ. Этот недостаток — отсутствие карельского репертуара — не изжит по сей день и не будет изжит до тех пор, пока не будут созданы кадры карельских драматургов, от которых удастся получить пьесы, посвященные социалистическому строительству Карелии.

Кадры работников карельского национального театра уже готовятся. В ленинградском художественном политехникуме обучается ныне первый отряд будущих режиссеров и актеров — карелов. Там же карельская молодежь учится музыке, живописи, скульптуре, балету.

Времена меняются... В царской России делалось все возможное, чтоб держать «инородцев» подальше от культуры, всячески зажимались поползновения создавать национальные театры; нацменьшинства намеренно оставлялись на самом низком культурном уровне.

Десять лет назад в Карелии не было ни одного учебного заведения на национальном языке, ни одной библиотеки, ни одного национального просветительного учреждения. А в минувшем, 1929 учебном году в Карелии действовало 448 школ первой ступени, из них двести пятьдесят — в карельских местностях. Число учащихся достигло 21 500 ребят, что составляет 80% детей школьного возраста.

В местностях, густо населенных карелами, создаются школы на национальном языке, и число их ежегодно увеличивается: сейчас таких школ около двухсот. Сеть школ второй ступени развивается, их теперь два десятка, в них 2 500 учащихся.

В школах и пяти техникумах, подготовляющих разного рода специалистов, учится не мало карел, впоследствии заканчивающих свое образование в высших школах. Открытие новых техникумов и вуза в Карелии даст возможность увеличить количество учащихся-карелов. А пока, чтобы усилить квалифицированными рабочими карельский промышленный пролетариат, молодая республика подготовляет группы рабочих через различные профшколы и курсы.

Рост школ принес Карелии рост грамотности.

Двух газет, выходящих в Петрозаводске на русском и финском языках, недостаточно. Нарастает сеть специальных журналов, заводских газет. Кроме того немалое количество книг на нац. языке выпускает карельское издательство «Кирья» («Книга»). Карелам приходится пользоваться финской письменностью, оттого, что своей нет. Это не удивительно, если припомнить печальную историю веками угнетавшегося народа. Царский режим в последние десятилетия своего существования под руководством духовенства, учительства и чиновников организовал большую кампанию по руссификации карелов, ставя своей целью уничтожение карельского языка.

Сейчас, когда карелы обрели свою родину и после вековых мытарств получили законное право на землю, где родилась «Калевала», может возникнуть вопрос:

— Не пришло ли время подумать о создании карельской письменности?

— Нет! — твердо ответила на этот вопрос партия.— Делать этого не следует, и вот почему. Карельские наречия в общем по произношению, по смыслу и строению речи совершенно родственны с финским языком. Корни большинства слов одинаковы. Поэтому всякие попытки искусственного создания карельского языка и письменности, будут реакционными.

Жизнь подтвердила правильность этого решения.

Если бы существующая письменность не удовлетворяла карельское население, разве нашлись бы читатели для трех газет, выходящих на национальном языке разве пришлось бы издательству «Кирья» выпускать в десятках тысяч экземплярах национальную литературу?

Созданием вузов и научно-исследовательского института завершится период накопления ценностей национальной культуры, после чего начнется второй

этап — расцвета национальной культуры карельского народа, шагающего в ногу со всеми народами Советского союза в деле строительства социализма.

Культурная пятилетка Карелии наткнется на ряд неизбежных трудностей, и в первую голову на отсутствие просветительных кадров и помещений. Она потребует 86 млн. руб., тысячи преподавателей, полутораста избачей. Каждый год пятилетки будет прибавлять по 40 школ первой ступени, по пятнадцати политпросветских учреждений. Создадутся и специальные школы: рыбацкая в Сороке обойдется до 1,5 млн. руб., почти столько же будет стоить организация лесного техникума. Что же касается вуза, то на него решено затратить 3,5 млн. руб. Мобилизовав всю рабочую и советскую общественность на дело выполнения задач культурной революции, Карельская республика преодолеет все трудности и выполнит свою культурную пятилетку.

Борьба за здоровье республики, в которой до недавних лет процветали знахари и коновалы, занимает одно из первых мест в культурной пятилетке. До 1920 г. в Карелии не было даже зачатков правильно поставленного санитарного дела, и бюджет здравоохранения не достигал и одного миллиона рублей.

Ныне в республике ширится и крепнет единая советская медицина, на которую расходуется ежегодно свыше 3,5 млн. руб. Сеть медико-санитарных учреждений республики неуклонно растет. Лечебные пункты, сосредоточивавшиеся в прошлом, главным образом, в крупных пунктах, как Петрозаводск и другие города Карелии, сейчас перестраиваются, их приближают к районам, чтобы избавить население от необходимости для получения медицинской помощи выезжать за десятки, а иногда и сотни километров от своего дома. В Карелии чересчур высока детская смертность, и для

ослабления ее приняты меры не только в городе, но и в деревнях. Работницы и колхозницы принимают участие в развитии учреждений охраны материнства и младенчества, в создании постоянных и летних яслей.

Центральная больница Петрозаводска, еще недавно заурядное провинциальное лечебное учреждение, ныне превратилась в центральный лечебный комбинат, обору-

На улицах карельской столицы появились лесовозы.

дованный по последнему слову техники. При больнице открыт рентгеновский кабинет, снабженный германской аппаратурой, кожно-венерическое отделение, организован венерический диспансер.

Немалое значение для больницы имеет шефство над ней, принятое научными институтами Ленинграда, позволяющее врачам лучшей больницы Карелии пользоваться консультациями профессоров.

Быстро растущая республика ощущает большой недостаток в медицинских кадрах.

Несмотря на огромный по сравнению с царской Олонией сдвиг на участке народного здравоохранения, Карельская республика сегодня насчитывает не более половины того количества медработников, которые ей нужны.

Население республики, героически отстоявшее в тяжелые годы свое право на существование, должно быть здоровым!

Бродя по улицам Петрозаводска, нетрудно убедиться, как богата лесом эта страна. Возле построек — штабеля леса, во дворах жилых домов и учреждений — горы дров, вокруг Онегзавода — бесконечные груды лесоматериалов, временами загромождающие фасад. На пристани и у причалов — неисчислимое количество досок, бревен и дров, нагроможденных так, что за ними не видны пароходы, торчат лишь концы мачт. В дни сплава не только пристани, но и воды из-за леса не видать.

Но как ни много леса на петрозаводской пристани, на воде его еще больше. Бревна плотно жмутся друг к дружке, по ним ходят люди, забывая, что под ногами вода. Лес перевозится по городу машиной, похожей на трактор, но огромной, неуклюжей и высокой, как жираф. Где-то наверху помещается за рулем шофер, в середину, в брюхо, укладывают лес, и машина, дребезжа, мчится к местам строительства.

Впервые этого типа лесовозы я увидел на петрозаводских улицах. Экскурсанты и приезжий люд, тоже впервые увидевшие заморскую махину, шарахались в сторону. Во время остановок серые машины бывают предметом всеобщего внимания, их рассматривают, щупают и... одобряют. Каждый лесовоз с успехом за-

меняет несколько десятков кляч. Самое примечательное в том, что новинка появилась не в Москве или Ленинграде, а в самой отсталой «губернии», позже других услыхавшей грохот чугунки и свисток паровоза.

На пристани в июле жизнь бьет ключом. В эту пору навигация по Онежскому озеру в разгаре, люди, лес, грузы перебрасываются из одного города в другой, идут в села, деревни, на места лесозаготовок и сплавов. Наблюдая жизнь на берегу Онего, я припомнил, что писал о нем Черемин двадцать лет тому назад:

«Я стоял и думал о том, сколько могло бы давать это чудное, огромное озеро в сравнении с тем, что оно дает теперь, если бы люди позаботились об улучшении постройки судов, о более основательном обучении кормчих, если бы озеро было лучше изучено, а главное — если бы его берега были заселены более предприимчивыми и развитыми жителями, а не безграмотными староверами и карелами».

Прошли годы. На Онежском озере есть перемены...

ОНЕГО

1

Озеро, называемое морем. — Онежская флотилия на защите города Ленина.—Лесосплав.—Онего в наши дни.

Карелия славится озерами, их насчитывают до двух тысяч в этой озерной республике, но главенствует над ними Онего. В справочниках и картах указывают обычно семьдесят, от силы восемьдесят крупнейших озер, занимающих от 14 до 1 400 кв км., и лишь Онего бьет всех своим размером — 9 090 кв. км.

В географии у Онего иная кличка: Онежское озеро. Местные жители называют его морем, оттого вероятно, что окружность озера свыше трехсот километров и живут в нем рыбы и животные, обитающие исключительно в морях (например, тюлени). Но зимою Онего все же напоминает о своем настоящем звании, словно хочет заявить: «А все же, уважаемые, я только озеро».

Зимою оно замерзает, и тогда по нем едут на санях. От сильных морозов лед лопается, образуя трещины в несколько метров в поперечнике. В предвидении этого, отправляясь в глубь по льду, местные жители берут с собою длинные доски и по таким своеобразным понтонам переводят лошадей, перетаскивают возы.

Не так еще давно, когда нынешняя Карелия именовалась Олонецкой губернией, Онежское и Ладожское озера были единственным путем, по которому поддерживалась с весны до осени связь с Россией.

По Онего и Ладоге шли пароходы в столичный город Санкт-Петербург и обратно. Зимою связь обрывалась, и Олония оказывалась отрезанной на шесть месяцев от столицы.

Первый поезд прошел по этому краю полтора десятка лет тому назад, когда ввязавшаяся в мировую бойню империя, в поисках нового окна в мир, протянула далеко за полярный круг, к самому Мурману, стальные нити рельс.

В горячие, огневые годы гражданской войны две водные артерии — Онего и Ладога — стали прямой угрозой городу, поднявшему знамя революции.

В районе Ладожского и Онежского озер, на севере, засела белофинская армия, собирая силы для нападения на Петроград и дальнейшего продвижения в глубь молодой Республики советов. Если бы врагу удалось перехватить хоть один из пунктов Мурманской железной дороги, или Мариинской водной системы, соединяющей Балтийское море с Каспийским, положение Петрограда оказалось бы очень трудным.

Чтобы защитить этот участок фронта, необходимо было вооружить озера. Преодолевая с большевистским упорством всякие трудности, в июне 1918 г. город Ленина приступил к созданию онежской флотилии, вписавшей еще одну страницу побед в летопись гражданской войны.

Те, кто принимали участие в формировании флота на Онего, до сих пор забыть не могут самого трудного момента в этом деле. Тогда легче было найти подходящие корабли и снабдить всем необходимым, нежели укомплектовать их личным составом, командой. По декрету Совнаркома личный состав флота был тогда распущен, но одновременно об'явили набор по вольному найму.

Моряки старого флота, утомленные войной, рвались больше к своим домам, чем на корабли.

Однако, трудности сумели преодолеть, и Онежская флотилия была сформирована. Весной 1919 г. флотилия уже представляла собою определенную силу, и личный состав ее закалился в боевых стычках. Когда противник подошел к Лодейному Полю и оттуда угрожал Петрозаводску, упершись правым флангом в Ладожское озеро около местечка Видлица, наша Онежская флотилия, получив с Балтики подкрепление миноносцами и сторожевыми судами, ринулась на белых, обстреляла их видлицкую позицию, да так стремительно, что к вечеру того же дня бой закончился полной победой красных моряков, захвативших множество трофеев.

Белые отошли к финляндской границе и всю свою деятельность перенесли на Онежское озеро. Пользуясь тем, что в северной его части держался лед и наша флотилия не могла туда пробраться, они заняли город Повенец и станцию Медвежья Гора, где также приступили к формированию флотилии.

С наступлением весны наши корабли вышли на север, там несли дозорную службу, неоднократно подвергаясь воздушным налетам и атакам быстроходных катеров противника.

Только одну неудачу знала за время своего существования онежская флотилия — бой третьего августа. Мы потерпели поражение, потеряли в бою три корабля вследствие наличия у противника воздушных сил. Несколько гидропланов помогли белым одержать победу, и обнаглевший враг снова стал угрожать Петрозаводску, беспокоя даже город воздушными налетами. Онежцы дали слово отомстить белым за бой 3-го августа и честно готовились к этому. Весь октябрь

и половину ноября шли бои за овладение Медвежьей Горой. Флотилия помогала Красной армии высаживать десанты, отбиваться от воздушных налетов. Несмотря на глубокую осень, ветренные погоды и снег, онежцы одержали победу.

Медвежья Гора стала нашей.

После этой операции Онежское озеро было очищено от белогвардейцев и флотилия ушла в Петрозаводск, чтобы расформироваться.

Это было в 1919 г., двенадцать лет тому назад. С того времени корабли советского торгового флота спокойно бороздят онежские воды, по которым каждый год идет сплав леса, зеленой валюты Карельской республики, движутся огромные круглые кошеля, поражающие всех, впервые прибывающих в озерную страну.

— Это что еще за паркетный пол по воде плывет? — спросил я, впервые увидав шедший издалека круг из сплошного леса.

— Самый обыкновенный кошель.

Бревна, скрепленные своими концами цепью и образующие громадное деревянное пловучее кольцо не совсем правильной формы, зовутся здесь кошелями. Середину кольца заполняют бревнами. Когда кошель туго набит ими, его замыкают с обоих концов и начинают тянуть к месту выгрузки бревен на берег.

Этот заимствованный у финнов кошельный сплав леса применяется на севере лишь в богатых озерами краях. Движется кошель с помощью прикрепляемой впереди «головки», точнее плота, на котором устанавливают «ворот» с накрученным на него тросом. Концы троса от этого ворота вывозят на лодках вперед, метров на двести-триста, и там оба конца троса прикрепляют к якорям, опускаемым в воду. Несколько крепких сплав-

щиков вертят ворот и на него накручивают натянувшийся трос. Таким образом плот с воротом подтягивают к якорям, а вместе с плотом медленно движется кошель.

Стоит кошелю подойти к якорям, процедура повторяется снова. Этим способом удается ежедневно продвигать кошель на десяток километров вперед, пока он не достигнет места выгрузки. Прибывший кошель развязывают и при помощи лошадей вытаскивают на берег бревна, затем их отвозят к станции железной дороги, откуда карельский лес начинает свой дальнейший путь.

Навигация на Онего начинается в мае и длится долго, до декабря, а иногда и до января. Из Петрозаводска товарные и пассажирские суда расходятся в четыре конца: на Ленинград, Пудож, Кондопогу и Повенец.

Петрозаводская пристань — наиболее оживленный участок Карельской столицы. Люди, корабли и лес — лес, сложенный штабелями, сваленный в кучи, набросанный в груды, — загружают пристань.

Тысячи массивных бревен застилают воду вдоль берегов. Кажется, будто берега Онего не земляные, а бревенчатые, как русская изба.

Пароходов с каждым годом приходит все больше и больше. Рост тоннажа увеличивает грузооборот и перевозку пассажиров, повышает количество рейсов, учащает их, плотнее связывает далекие уголки Карельской республики с центральным городом Петрозаводском. Судовое пополнение, приходящее сюда, бывает трех видов: в строй входят новые суда, только-что оторвавшиеся от стапелей судостроительных гигантов; другие пароходы, подобно людям, переброшены Северо-западным пароходством на работу в Онего из других мест; наконец, третьи — из категории заживо

погребенных, но энергией и усилием рабочих возвращенные к жизни. Гражданская война пустила к глубокому дну Онежского озера не мало кораблей, шедших под белым и красным флагами. В этих утопленников вдувает жизнь Карьежский затон в селе Вознесенье, где находится водницкий центр Карелии.

Вознесенье — село водников. Здесь агентство Северо-западного речного пароходства, которому подчинены карельские агентства, даже петрозаводское, но главное тут Карьежский затон. В нем полтысячи рабочих дают капитальный и текущий ремонт судам, приходящим на зимовку или ощутившим недуг во время навигации. Сюда приводят поднятые со дна Онего и Ладоги безнадежные, развороченные пароходы, отсюда, как из хорошего санатория, они выходят пышущие крепостью и выносливостью своих машин, чтобы вступить в строй советского торгового флота.

В Карьеже вторично родились два крупнейших онежских парохода: «Анохин» и «Рошаль», долго лежавшие на дне, а ныне аккуратно рейсирующие на линии Петрозаводск — Ленинград.

К Петрозаводской пристани, помимо пароходов, плотов, кошелей и лодок, причаливает множество сойм, проще говоря—парусно-моторных шхун финского типа. На таких точно соймах, только, разумеется, не моторных, плавали еще новгородцы во времена процветания господина Великого Новгорода. Несколько десятилетий назад, когда Олонецкая губерния была далекой окраиной и пароходы на Онего можно было пересчитать по пальцам, соймы играли центральную роль, перевозили по Онего и Ладоге богомольцев, везли в Петербург телят и живую рыбу. Но и в наши дни значение сойм для торгового флота Карелии не утрачено. Лишь в этом году они перешли в

Бревна застилают воду, и кажется будто берега Онего не земляные, а бревенчатые.

полную собственность государства, и местные власти делают все возможное, чтобы изжить царившую в этой области нашего хозяйства кустарщину.

Для причала сойм в Петрозаводске устроена особая пристань размером семь на тридцать погонных метров, грузопод'емностью в сотню тонн. По ней проложена узкоколейка.

Здесь старина и современность сойдутся вплотную: подумать только, исторической структуры суда будут погружаться и разгружаться по последнему слову техники.

Иногда пополнение флоту Карелии приходит из чужих стран.

Вот пароход «Шуя», приобретенный несколько лет назад Кареллесом в Финляндии, на заводе Лехтониеми. «Шуя» первое судно, закупленное Кареллесом за границей. Это озерный буксирный пароход, построенный по последнему слову современной техники, под наблюдением нынешнего механика судна — Иосифа Микконена.

У «Шуи» осадка в 110 см., она может поэтому проходить самые мелкие места, доводя осадку на глубинах до 140 см. Машинное отделение имеет паровой двухтопочный котел на 120 атмосфер давления, две машины по 450 индикаторных сил, спасательный насос мощностью в 300 тонн в час, электрическую станцию и прожектор на две тысячи свечей.

Каюты парохода, отведенные команде, благоустроены и полны комфорта, в кают-компании — библиотека и красный уголок, машинный телеграф сделан трехсторонним, по системе Микконена на борту две спасательных шлюпки. «Шуя», развивая скорость до 11 морских миль в час, свободно тянет за собой три груженых баржи.

Сейчас по Онего ходят еще несколько таких же пароходов, как «Шуя», сделанных по заказу Кареллеса в Финляндии из тончайшей стали. А в Москве, в Центральном комитете союза водников, на мой вопрос, какое пароходство обслуживает Онежское озеро, лицо, к которому был обращен вопрос, недоуменно поглядев на меня, ответило:

— Что вы, товарищ? Неужели по этому, по озеру, которое вы назвали, могут ходить пароходы?..

2

Водный транспорт и „зеленое золото" Карелии.—На петрозаводской пристани.—Быт онежских водников.

В мае начинается шумливая летняя жизнь на Онего. Два события происходят одновременно — начало навигации и начало лесосплава, и потому, что одно тесно связано с другим, напряжение становится еще более значительным. С мая по июль со всех концов Карелии пароходы перебрасывают в Заонежье непрерывный поток сплавщиков. Пассажиры на втором плане. В первую голову надо обеспечить рабочей силой карельское «зеленое золото».

В мае и июне нынешнего года перевезли по Онего 36 тысяч человек, из них огромное большинство — сплавщики. Грузов, шедших на места сплава, оказалось такое множество, что пароходству приходилось на несколько дней приостанавливать приемку.

В конце июля работающие на сплавах крестьяне спешат к сенокосу и вновь до отказа набивают пароходы. А осенью все повторяется сначала. Основная масса сплавщиков возвращается назад домой, и одновременно начинается завоз грузов и рабочих на зимние лесоразработки. Водницкий сезон в Карелии долог и бурлив, потому что молодая республика быстрым тем-

пом строится, развивает промышленность и окружена не только зелеными лесами, но еще и лесами стройки. Окраинная Олонецкая губерния — место ссылки в царской России — становится крупным промышленным центром Советской страны, и водный транспорт Карелии хоть и укрупняется с каждым годом, но чувствует на себе напористые темпы стройки, пред'являющей к нему повышенные требования.

Водницкое хозяйство не только помогает строиться, но обстраивается само. На самом краю петрозаводской пристани, за бесконечными штабелями леса, у подножия Онего, красуется общежитие и красный уголок местных водников, конечно, деревянные.

С пристани, выстроенной для сойм, будет выгружаться строительный материал, необходимый городскому строительству. В пятилетку включено расширение пристани, небогатой удобными причалами.

В летнюю пору петрозаводский местком насчитывает три сотни водников; к зиме остается четверть этого количества. Но и в летнюю страду красный уголок и читальня посещаются более чем слабо, их даже открывают не ежедневно. Культработа на судах и на берегу почти не ведется, клуба нет, десяток комсомольцев-водников неорганизован и в этом направлении бездействует.

Виноваты, конечно, люди, которых невозможно осудить. Виною всему — нехватка людей, очень жесткая, чувствительная, заставляющая каждого водника работать за двоих, быть одновременно и грузчиком, и весовщиком, и еще кем-нибудь, если это необходимо.

Нехватка людей — лобовой вопрос для всей Карелии. Если вспомнить, что никогда еще этот северный край не знал такого оживления, как в советскую эпоху, когда десятки тысяч забрасываемых сюда людей мигом

рассасываются на стройках, — это будет лучшим об'яснением создавшегося положения.

На берегах Онего и сотен других озер и водопадов Карелии идет гигантское строительство, о каком не только соседняя Финляндия, но и много большие страны Европы думать не могут, будучи сжаты тисками экономического кризиса.

Переделка страны заставляет советских людей переделывать темпы своей работы. Это не легко, но необходимо. Карельские водники знают об этом и делают все от них зависящее, чтобы итти в ногу со всеми трудящимися Союза. Знают у нас об этих людях очень мало, поэтому попробуем приглядеться к их жизни и быту.

3

По Онего и Водле на пароходе „25 октября".—Практикант из Москвы.—Традиция измазывать стены и крыши.—Рыбацкий поселок Шала.—Там, где строится Онежский комбинат.—Разговор с энтузиастом.—Старая и новая история на берегах Онего. — Дефицитный предмет—люди.

Русобородый капитан Георгий Иванович, именуемый командиром, как и все капитаны торговых судов на Онежском озере, просмотрел мое редакционное удостоверение, отхлебнул кофе из огромной чашки и, одобрительно кивнув, заметил:

— Ладно, поезжайте с нами. Только знайте, наше судно «25 октября» хоть и перевозит пассажиров, но по существу мы — грузовики. Удобств у нас мало.

В августе, когда жарко греет солнце и зеркальна вода, меньше всего интересуют удобства. Это я и сказал командиру, добавив, что меня устраивает кубрик команды, откуда удобнее наблюдать жизнь онежских водников.

— Оно так, но жизнь на нашем судне началась в этом году поздно. Задержались в ремонте. Едва в июне выползли на навигацию.

Сказано это таким тоном, что многое становится понятным сразу. Из этих слов вытекает следующее: недостатков на нашем пароходе множество, неурядиц тоже хватает. Поискали б, мол, товарищ, другой пароход, где обстоит более благополучно.

Переубедить человека из редакции бывает нелегко. Такая уж у него привычка — быть не там, где все благополучно, а забираться на участок, который потруднее. Командиру понять это нелегко. С его точки зрения, чисто профессиональной, получается так: какой смысл плавать на старой, угрожающей развалиться лохани, ежели можно это проделать на хорошем судне?

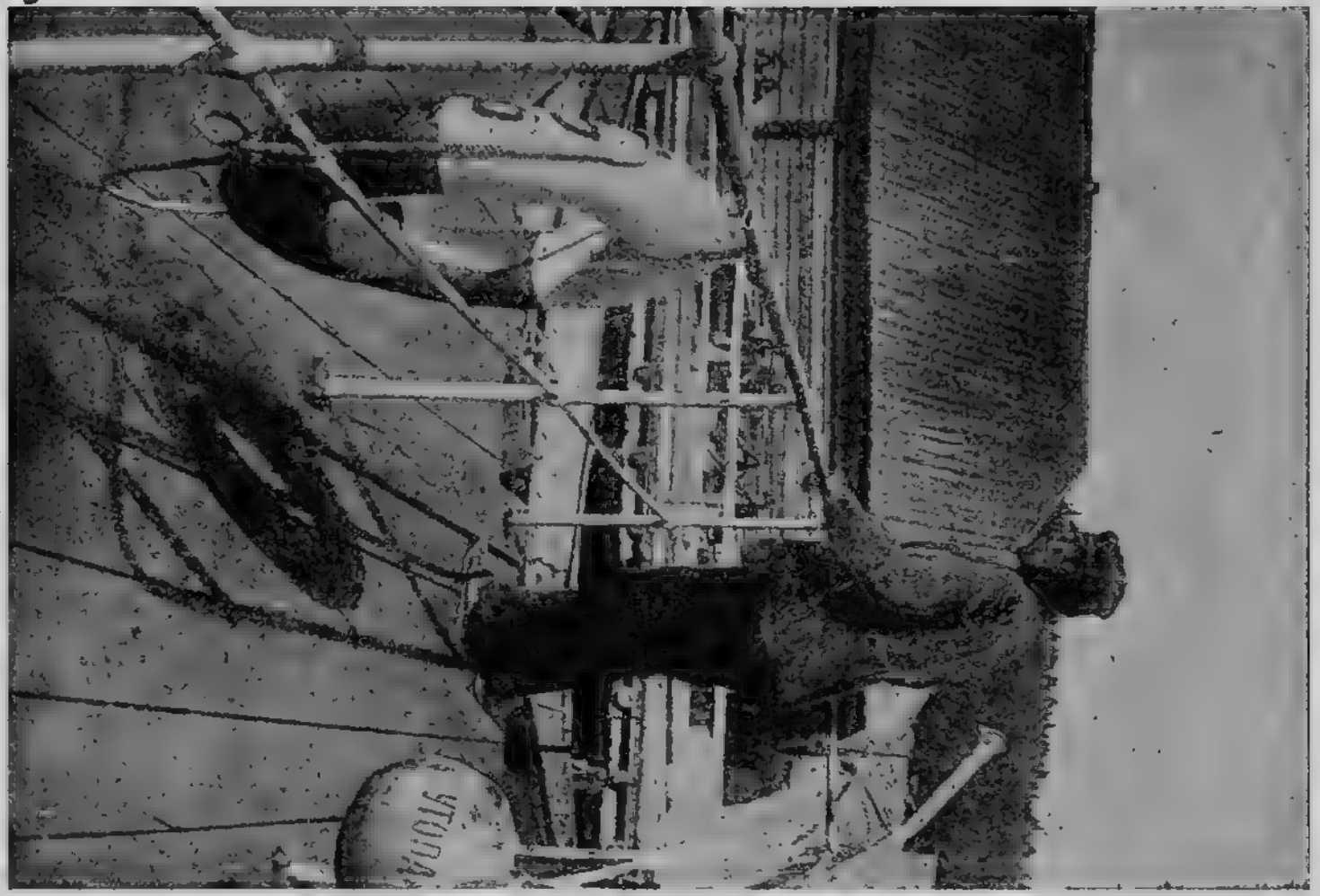
— Познакомьтесь с нашим практикантом, товарищем Луцким. Он больше всех в курсе наших судовых дел, — говорит мне командир, пожимая плечами в знак того, что он предупредил меня, а за дальнейшее не отвечает.

— Сколько времени он плавает с вами?

— Несколько недель.

Семен Луцкий, практикант московского экономического транспортного института, оказался тем горном, который раздувал на корабле советскую жизнь. До его прихода на «25 октября» на судне царил застой. Работали, ели, пили, спали — и только.

Онежские водники — в большинстве крестьяне и, как водится, земляки. Командир тоже из крестьян. И весь пароход сверху донизу жил по-единоличному, ничем не интересуясь, не заглядывая дальше корзинок и баульчиков со снедью, имевшихся у каждого. Не было на судне судкома — и ладно. Как-будто без него не пойдешь в рейс! Профорганизации Петрозаводска и села Вознесенья мало об этом тревожились.



Капитан почти не сходил с мостика и надрывно кричал на палубных и пристанских

А вот приехал человек из красной столицы, молодой парень, советский человек, увидел это и руками развел:

— Как же вы так, товарищи, без судового комитета?

И на «25 октября» появился судком во главе с практикантом Луцким.

Молодому воднику на каждом шагу приходилось сталкиваться с косностью карельских ребят.

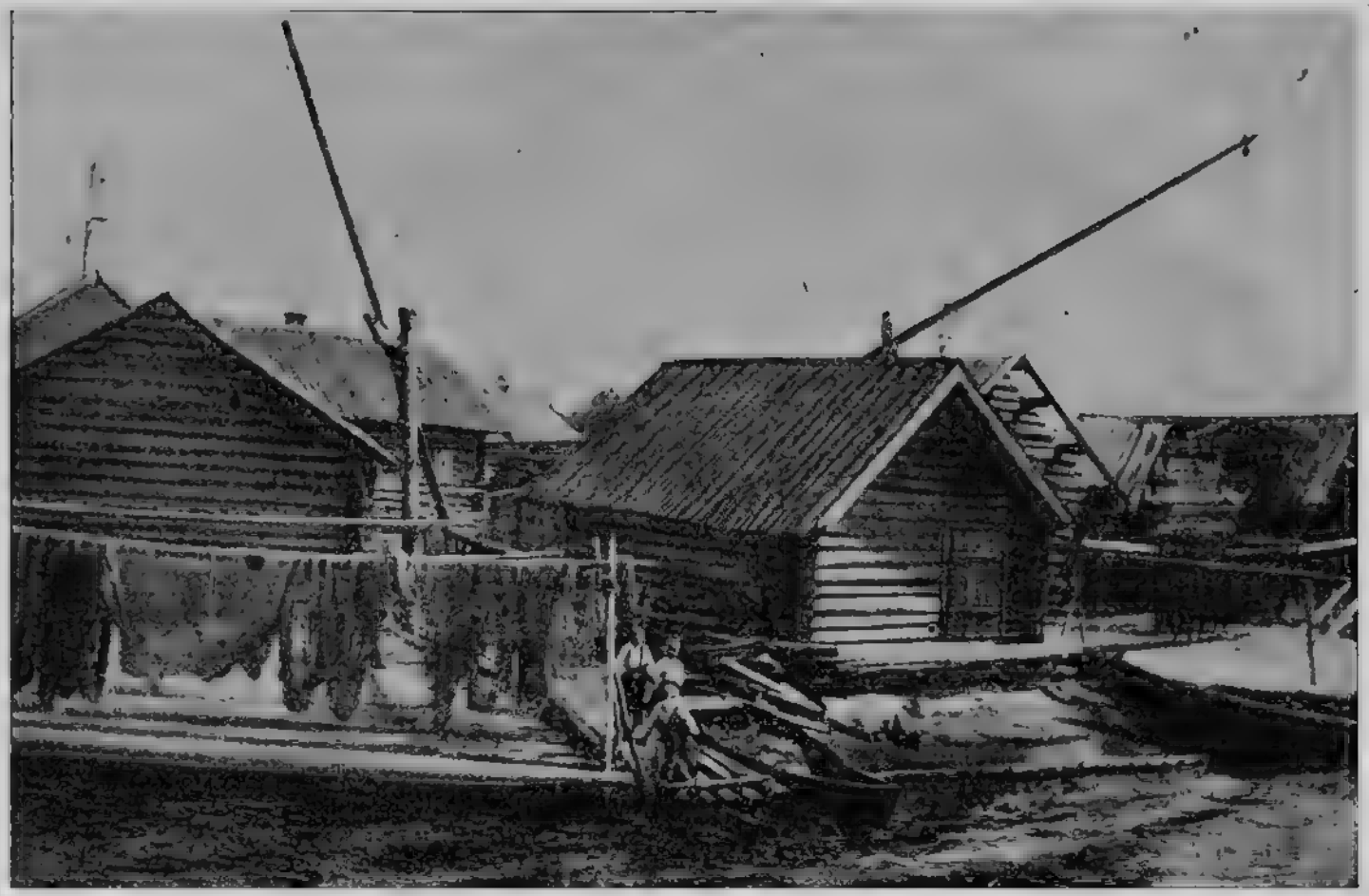
— Вы слыхали о недавно закончившемся Шестнадцатом с'езде партии?

Ответили немногие. Кто-то об'яснял, что не успели подписаться на газеты, что, если бы даже имелись газеты, — читать некогда, а в общем никто почти не имел представления об этом событии в жизни страны. И практикант из Москвы тотчас же после появления судкома стал прорабатывать с командой решения партс'езда.

Он же создал на судне кружок по повышению квалификации и сам принимал в нем деятельное участие; он же, выискав на пароходе неграмотного кочегара, вытаскивал его в свободные минуты на палубу и занимался с ним до тех пор, пока кочегар не осилил азбуку, складов, стал читать и научился четырем арифметическим действиям.

Благодаря ему в кубрике появились газеты и журналы, политические и сельскохозяйственные брошюры, стали почитывать беллетристику. Стало понемножку налаживаться и коллективное питание. Незаметно, постепенно команда привыкла к Луцкому, стала обращаться к нему за разрешением всяких бытовых и хозяйственных вопросов.

Горн честно сделал свое дело: там, где ничего не было, появились искры советской жизни.



Пароход причалил к захолустному рыбацкому поселку Шале.

Пароход шел из Петрозаводска в село Подпорожье. Идем по Онежскому озеру мимо огромных плотов и кошелей леса, которыми вблизи берега вода устлана до того густо, что пароходу приходится беспрерывно лавировать.

Капитан почти не сходит с своего мостика и надрывно кричит в рупор на палубных, на пристанских. Лес забрал в плен Онего, оставив проходящим судам лишь узенькие полоски воды, и, чтобы вывернуться благополучно, командиру буквально приходится жонглировать, бросая пароход то вперед, то вбок, то назад.

Трудность плавания усугубляется тем, что пристани часты, а грузовому пароходу приходится останавливаться подле каждой. Пристанские склады и помещения всюду деревянные. Стены и крыши их исписаны названиями судов, причаливавших к ним.

Быть может такова традиция онежских водников, не знаю, но констатирую факт: на пристанских домах не оставлено, что называется, живого места. Добровольные живописцы не ленились взлезать на крыши, только бы вывести покрупнее название своего судна, какого-нибудь «Моржа», «Гарибальди», «Морского Льва» или «Севзаплеса».

На каждой остановке идет погрузка и разгрузка, но нигде не увидите на пристани ни одного грузчика. Всю грузчицкую работу приходится проделывать команде парохода, даже в самом Петрозаводске едва имеется полдесятка грузчиков.

Команду «25 октября» утомляет сверхурочная работа и порой вовсе не радует приработок, но люди не ропщут, потому что видят огромный размах строительства и знают, что все это — трудности роста.

Впрочем, однажды мне пришлось быть свидетелем

Возле рыбацких хибарок красовались вывешенные для просушки снасти.

справедливого возмущения команды: на одной из остановок пароход должен был взять груз для Подпорожья, несколько тонн. Команда вышла на берег для погрузки, но была удивлена, когда открыли пакгауз.

— Как же так, — возмутились матросы. — Ведь этот груз мы лишь вчера привезли из Петрозаводска и выгрузили полностью здесь, а сегодня вы требуете вновь взять его и везти дальше, в Подпорожье. Кому нужна эта глупейшая пересадка, стоющая лишних денег и труда?

Кому? Какие головотяпы или вредители проделали подлую штуку и возмутили и без того перегруженных водников, заставив их дважды таскать на себе тяжести?

— Луцкий, слышь, ты учти это безобразие и в Петрозаводске доложи кому следует. Пусть взгреют гадов за такие дела...

Практикант успокоил ребят и занес несколько слов в свою записную книжку.

Онежское озеро кончается. В'езжаем в реку Водлу.

Пароход причаливает к захолустному рыбацкому поселку Шале, замечательному тем, что рыбацкие домики, коптильни и прочие строения стоят у самой воды или на крохотных островках поодаль от берега. Сообщение с землей поддерживается лодками, почти как в Венеции.

В Шале захудалая пристань, прескверные домишки; даже тот, в котором помещается пароходное агентство, покосился набок и вот-вот свалится. В этом рыбацком поселке только что организовалась рыбоколлективная артель «Прибой». В одном из кособоких домишек приютился, судя по вывеске, красный уголок рыбацкого поселка.

Стоял знойный день, поселок безмолвствовал. К пристани навстречу пароходу вышли, кроме представителей пароходного агентства, только детишки да две древних старухи. На узеньких пыльных улицах, за все время стоянки судна мне не посчастливилось встретить ни одного прохожего; в правлении рыбацкой артели, в красном уголке двери оказались наглухо заколоченными.

Возле рыбацких хибарок красовались вывешенные на просушку снасти, внутри никого не было.

Возвращался я несколько необычным способом — по крышам хибарок. В Шале песок на земле по щиколотку, ноги вязнут, ходить неудобно. На крышу меня увлек фотографический аппарат. С высоты снимки получаются эффектнее. Запечатлев безлюдный поселок и рыбацкие снасти, спешу на зов пароходного гудка. Путь по крышам оказался короче и удобнее. Никто не возражает против такого рода путешествия.

— Вы, кажется, снимали? — спросил меня на пароходе пассажир из Петрозаводска.

— Снимал, да только снимать было нечего.

— А вы приберегите пластинки для следующей остановки. Там кое-что заснять вам удастся, в Стеклянном.

— Вероятно, там идет какое-нибудь строительство?

— Вы попали в точку. Идет строительство, и не какое-нибудь, а достаточно крупное, не меньшее, чем было в Кондопоге.

О Кондопоге — этой первой попытке выгодно использовать лесные богатства — знает вся наша страна, знает весь мир. Ведь до сих пор в Карелии имелись заводы лишь для первоначальной грубой обработки леса. Кондопожская бумажная фабрика — первый опыт более сложного и выгодного использования наших лесных ресурсов.

— Итак, о Кондопоге вам известно. Поэтому вам, журналисту, трижды интересно будет узнать о том, что затевается в Стеклянном. Хватит ли у вас терпения слушать?..

— Хватило б только у вас терпения рассказать, — ответил я, вооружаясь блокнотом.

— Вам, вероятно, известно, — начал мой спутник, — что Кондопожская фабрика, начав вырабатывать газетную бумагу, пользовалась вначале для своей работы целлюлозой, привозимой из-за границы. Надо ли говорить, что покупаемая нами по высоким ценам целлюлоза вырабатывается там из нашего же леса? Мы сбываем «сырой» лес за границу, оттого что не имеем возможности как следует переработать его. Картина получается такая: стандарт балансов, ушедший за границу за несколько десятков рублей, возвращается к нам в переработанном виде (хотя бы та же целлюлоза), расцениваясь в десятки раз дороже. Следовательно, если мы не хотим платить за него барыш зарубежным фабрикантам, оплачивая к тому же транспорт в обе стороны, мы должны наладить переработку сырья внутри страны.

И вот мы держим сейчас путь к берегам, на которых создается второй Кондострой. Здесь, на восточном берегу Онежского озера, точнее на левом берегу реки Водлы, при впадении ее в Онежское озеро, создается новый Онежский (Шальский) лесопильно-бумажный комбинат. Строит его Севзаплес. Теперь послушайте, что войдет в состав нового комбината.

— Слушаю и записываю, — ответил я энтузиасту нового дела.

— Наш комбинат будет состоять из лесопильного завода на четыре рамы, и завод этот с первого же дня начнет работать в три смены. Другой завод будет

Рыбацкие домики у самой воды или на крохотных островках поодаль от берега.

сульфатно-целлюлозным; ему предстоит выпускать около сорока тысяч тонн целлюлозы первого сорта в сыром виде. Она пойдет на Кондопожскую бумажную фабрику на смену дорого стоящей заграничной целлюлозы. Третьим предприятием комбината будет бумажная фабрика с выпуском 36 тысяч тонн односторонней крафт-бумаги. Наконец, для использования отходов леса мы создадим отдел регенерации щелоков, который должен давать сотни тонн скипидара, метилового спирта и жидкой канифоли.

Для обеспечения будущего комбината сырьем все возможности налицо. Ему не понадобится ель, на которой работает Кондопожская фабрика, сосны же в Онежском районе достаточно.

Комбинат займет, примерно, три километра, будет тянуться от реки Водлы до реки Шамши. Сейчас вы увидите лишь начало работ: свозят строительные материалы, работает техническая контора, начата вербовка рабочих, которых на стройке должно быть занято пять тысяч. Подготовка к приему рабочих начата; делаются бараки, расширяются и улучшаются жилища окрестных крестьян. Не обойдется дело без жертв. Не беспокойтесь, не человеческих. Строительству нужна свободная территория. Нам придется вырубить много леса и снести несколько поселков. Один из них вы увидите, как только причалим к Стеклянному.

Теперь поглядите по направлению к берегу. Там, в воде, заметите ряд темных точек. Это все сплоточные и упаковочные станки. Не знаете? Те, которыми бревна пакуют, превращают в плоты. Поняли? Так вот, станки эти здесь последние дни доживают; их переносят выше на четыре километра. Отныне вся работа по сплотке леса переносится из Стеклянного на Водле в нижнее устье реки Семеново.

В Стеклянном пароход пристал к новенькой благоустроенной пристани, заваленной строительными материалами, грузом и людьми. За пристанью расположились опрятные, свежие домики села. Все увиденное на этой остановке было полно противоположностью убогой Шале.

Контраст быстро нашел себе об'яснение.

— В Стеклянном швартоваться — малина, — сказал капитан и для пущей ясности добавил: — потому, пристань комбинатская сделана толково, не то что купчины строили!

Еще не вышедший из чертежей комбинат первым делом устроил удобный под'ездной путь для подвозки строительных материалов. На очереди снос всех домов села, вот этих самых опрятных, свежих, уютно раскинувшихся за спиной пристани. Все село Стеклянное будет перенесено в другое место. Здесь воцарится бумажно-целлюлозный комбинат, намеченный к пуску в 1932 г.

На берегах Онего творится новая история.

Старую мне рассказывали на каждой пристани, и была она односложна и мало интересна. В таком-то селе жил-был богатей по фамилии Иванов, Петров или Сидоров. Происходил из местных крестьян, становился хлебным монополистом в голодной Олонецкой губернии, как мог, драл с бедноты за хлеб насущный, быстро наживался и обретал вместе с имуществом да капиталом звание купца.

Командир парохода, Георгий Иванович, не зря обронил фразу, что нынешние пристани купцы строили. В прежнее время так и было: купчины обзаводились своими пароходами для перевозки товаров, каждый облюбовывал себе пункт и строил паршивенькую пристань, не выдерживающую никакого сравнения с ны-

нешней комбинатской. И рядом с пристанью, как правило, строил церковь. Когда идешь по Онежскому озеру и Водле, остановки парохода, сколько бы их ни было, кажутся одной остановкой: пристань и церковь почти всюду построены на один и тот же манер.

О том, как местные кулаки, купцы и промышленники обирали олонецких крестьян, я читал, и не мало. Нужда крестьян была вопиюще велика, настолько, что в начале XIX века какой-то петрозаводский чиновник пытался найти корни крестьянской бедности. Его исследования оказались недальновидными. По мнению чинуши, причина бедности крылась в том, что разбогатевшие на спекуляциях крестьяне записывались не в петрозаводские купцы, а в столичные, петербургские.

Еще раньше, в XVIII веке, на чрезвычайные контрасты в положении крестьян обратил внимание поэт Державин, тогдашний губернатор Олонии. Случилось это не потому, что Державин интересовался крестьянским вопросом, а случайно, во время поездки по Олонецкому наместничеству. Все же записки Державина на эту тему представляют некоторый интерес.

Поэт рассказывает, что, проезжая через Лопские погосты, ему случалось видеть крестьян, каких мало в Петрозаводске; некоторые имели несколько отстроенных комнат с голландскими печами, потребляли чай, кофе и французскую водку, они сами и их жены были чисто одеты. Поэт-губернатор запомнил, что на некоторых женах зажиточных крестьян видел шелковые чулки и глазетовые башмаки.

Рассказывая об олонецких богатеях, Державин ниже записывает несколько интересных строк о том, как наживались местные кулаки:

«Сие-то малое количество зажиточных крестьян и есть причиною, что более бедных. Они, нажив доста-

... Увидели обреченное на снос село Стеклянное и пристань, выстроенную будущим комбинатом.

точек подрядом или каким другим образом, раздают оный в безбожный процент, кабалят долгами почти на вечную себе работу бедных заимщиков, а через то усиливаются и богатеют более, нежели где внутри России, ибо при недостатке хлеба и прочих к пропитанию нужных вещей прибегнуть не к кому, как к богачу, в ближнем селении живущему. Сие злоупотребление нужно, кажется, пресечь...»

...Нужно, кажется, пресечь.

У дворянина Державина, владевшего имениями в нескольких губерниях, нехватило духу даже в путевых записках заговорить во весь голос о том, что было величайшей несправедливостью. Восставая против безбожного процента, Державин лишь упомянул, что роль выколачивателя, выполняемая здесь, в Олонии, деревенской буржуазией, в средней России выполнялась дворянами и помещиками.

Но стоит ли толковать о восемнадцатом веке, если каких-нибудь 25 лет тому назад олонецкое крестьянство было в полном смысле на положении крепостных? Об этом свидетельствует Круковский:

«Тяжела жизнь местного крестьянина,—пишет он.— Скудное поле не вознаграждает его тяжелого труда, он нанимается на сплав, иной раз на Северную Двину и далее. Осенью, когда надо платить подати, когда нужны деньги, а земля ничего не родила, крестьянин идет к местному купцу и говорит:

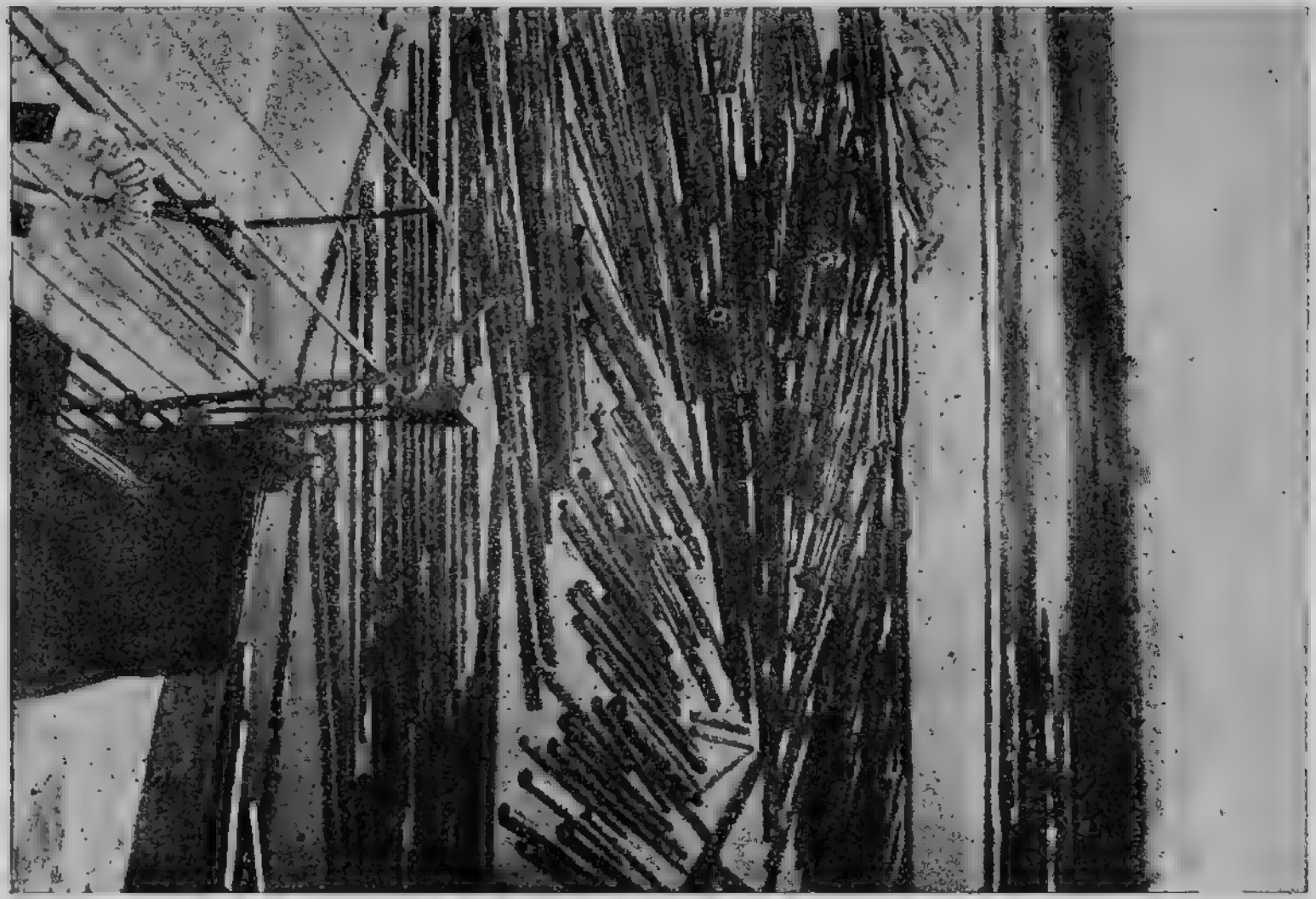
— Дай денег.

— Сколько?

— 50-60 рублей.

— Бери товаром; всю зиму пей, ешь, а весной являйся на сплав.

Условие заключено: крестьянин сыт, одет целую зиму, товар берет у купца в долг и платит за него не-



Пароход все время проходил мимо кошелей.

сравненно дороже. Купец считается десятником у лесопромышленника, который платит ему весной по пяти рублей за человека в неделю на всем готовом, а купец нанимает рабочего за три рубля. И тут ему барыш. С каждого человека он получает по два рубля барыша, и если у него артель в сто человек, то в одну неделю получит двести рублей. А сплав-то продолжается все лето. Купец-десятник назначает своего старосту для наблюдения за артелью.

Возвращается сплавщик осенью и опять идет к купцу, и опять начинается то же самое. Таким образом крестьянин находится в вечной кабале, а если не пойдет к нему, то и совсем останется без заработка».

В этом отрывке мною не изменено ни одно слово, ни одна буква. Правдивость впечатлений Круковского подтверждает и Черемин. Рассказывая об эксплоатации местных крестьян, он пишет:

«Очень много мог бы давать лес жителям, но все крупные дела сосредоточены в руках лесопромышленников, которые наживают десятки, сотни тысяч, а коренные хозяева, крестьяне пользуются крохами. Они и срубают лес, и сплавляют, и распиливают за грошовую плату, а сколько требуется силы, смелости при сплаве леса, сколько риску для жизни, да и мало ли людей погибает во время сплава!»

Пожелтевшие страницы этих книг раскрывают жуткие факты из жизни крестьян, живших вдоль берегов восхитительного озера, но о них придется рассказать позже, чтобы сопоставить их положение с положением крестьян и колхозников советской Карелии.

На берегах Онего не без перемен.

Перемены в быту, в положении, в самой работе тех, кто населяет этот район, слишком чувствительны и заметны. Отсюда брали людей для каторжных работ на

петровских заводах, на жесточайшей эксплоатации этих же крестьян наживались местные кулаки и лесопромышленники. Люди работали на далеких от всякой механизации заготовке и сплаве леса, получали кусок хлеба с примесью соломы и сосны и гибли оттого, что по-кустарнически было поставлено в те времена лесное дело.

В сплотке леса, в способах сплава наступил огромный перелом с тех пор, как Советское государство покончило с частными промышленниками и само взялось за него. Спускаясь вниз по Водле, мы видим сплоточные и упаковочные станки, упрощающие трудную работу, делавшуюся раньше вручную.

Еще три года назад сырой лес, предназначенный для ленинградских заводов, связывался по старинной «морской сплотке» еловыми прутьями, и стоимость одной лишь рабсилы обходилась до 40 копеек за кубометр. Сейчас процедура сплотки значительно упрощена. Подача бревен на плот производится электричеством, на смену еловым прутьям пришли цепи и стальные тросы, которые служат очень долго, в то время как еловые прутья после первого же раза выбрасываются.

В Карелии каждая пара рабочих рук на виду и на счету. Новый способ сплотки вдвое увеличивает производительность каждого рабочего и одновременно снижает стоимость рабсилы на каждый кубометр до двадцати копеек. И еще отпадает расход по закупке еловых прутьев, которые кроме всего неустойчивы, рвутся во время сильной бури и нередко бывали причиной того, что сплав доходил до места назначения не целиком, а растеряв в пути много бревен.

Меняются закоснелые формы работы, жизни, а с ними меняется и быт.

Без купцов, кулаков и церквей куется новь на бере-

гах Онего. Появляются новые пристани, вырастают мощные заводы, комбинаты, рыбные промысла, колхозы, и каждый год входят в онежские воды новые суда, крупнее и лучше прежних.

Ко всему этому нужны новые кадры людей, которые поведут по новому пути некогда заброшенную Олонию.

Сейчас здесь люди в цене. Сюда нужны сотни, тысячи таких ребят, как молодой водник Луцкий. Они помогут строиться юной республике Карелии. И этих людей даст ей наша замечательная страна.

ЛУЧ НА БОЛОТЕ

1

Три выдержки из трех книг трех разных авторов, говорящих об одном и том же.—Разговор о фельдшере.—Что дало толчок коллективизации в Карелии.—От карликовых колхозов к образцовым коммунам.

«Удивляешься энергии и трудолюбию олонецкого крестьянина. Как ни хлопочет он, как ни прикладывает все старания, чтобы добыть побольше хлеба, все же его нехватает и на полгода. Случается, едят соломенный и древесный хлеб. Он очень груб, переваривается с большим трудом, плохо действует на здоровье.

Весной, когда нет соломы, сдирают кору с сосен, сушат ее на горячих угольях, чтобы она потеряла запах смолы, затем толкут, мелют, смешивают с мукой и пекут хлеб. Но что положительно отравляет организм, нередко приводит к смерти, это сосновая каша, «казява». Когда в доме олончанина не остается и щепотки муки, он берет сосновую пыль, всыпает в молоко, смешивает все вместе, получается нечто в роде клейстера...» (из книги «Озерный край», издание Сытина, 1909 г.).

«Помимо чисто политических причин, на судьбы карельского народа оказали огромное влияние причины экономические и, в первую очередь, г о л о д, пагубные результаты которого сказывались на карельском народе с особенной силой. Голод был здесь обычным явлением. При бедности урожаев, при плохом подвозе хлеба извне у карельского населения был един-

ственный путь к спасению — бегство из насиженных мест, бегство, сопряженное с полной утерей всего имущества, с полным разрывом с родным краем. История знает случаи административного выселения целых карельских волостей в губернии Новгородскую и Тверскую, при чем есть основания предполагать, что причиной такой передвижки был именно голод»... (из книги Иванова «Карелия», Госиздат, 1928 г.).

«Я попал в какую-то глухую, заброшенную среди лесов олонецкую деревушку. Когда я неожиданно вошел в избу, хозяин сидел за чашкой похлебки и обедал. При виде меня рука у него задрожала, ложка несколько минут прыгала, разливая похлебку, а сам он не знал, что говорить, что делать, и сидел молча, словно пригвожденный к месту. И только ласковое, простое отношение вывело его из состояния оцепенения и столбняка. Потом мы с ним долго беседовали. Он увидел, что это не чиновник, приехавший по делу, а просто заезжий человек...» (из книги Круковского, изданной в 1904 г.).

Три отрывка из книг трех разных авторов достаточно ярко обрисовывают положение олонецкого крестьянства и его взаимоотношения с царским начальством.

На северной земле, в краю лесов, болот и озер, неграмотному, отсталому крестьянину-единоличнику трудно было добиться чего-либо путного, и в результате всех стараний, самой энергичной работы — хлеба хватало лишь на полгода. А дальше приходилось или брать хлеб у кулака по тройной цене и закабаляться к нему на работу или же питаться сосновой корой.

После Октября Олонии не стало. Олония приказала долго жить. Советская Карелия в августе 1930 г. отметила десятилетие своего существования и фактами до-

казала, что прежней олонецкой деревни нет больше в природе, что забитый олонецкий крестьянин стал полноправным гражданином. Он не только перестал бояться начальства, но и научился сам принимать участие в государственных и общественных делах.

Прочитав любой номер газеты «Красная Карелия», вы убедитесь, что карельские крестьяне разговаривают с начальством как равные.

В описании происходившего в 1927 г. райс'езда советов в Святозере и Сямозере находим такие строки:

«Среди делегатов много малограмотных крестьян, но эти представители отдаленных углов, в прошлом никем не замечаемые люди, держат себя как испытанные, обогащенные опытом партийцы или члены профсоюзов. В Святозере крестьяне указывали на возможность сократить штаты милиции и полученную экономию использовать на строительство дорог, в Сямозере крыли дорого обходящуюся постройку мостов, напирали на улучшение медпомощи».

Жители глухих деревень, где недавно еще знахари (падивашки) пользовались непререкаемым авторитетом, сейчас категорически отказываются от всякого сорта колдунов и настаивают на новых фельдшерских пунктах.

«Почему нашему фельдшеру отпускают в год на раз'езды всего тридцать рублей, если ему проезд лошадьми до ближайшей деревни стоит пятерку? — говорили на том же с'езде, — надолго ли этих денег хватит? От такой штуки приходится ему пешком по семи, по десяти километров отмахивать с медикаментами за плечами. Зимой еще туда-сюда, на лыжах добирается, а при весенней распутице после такого пробега фельдшер сам нередко заболевает. Надо поставить его в человеческие условия. Благодаря ему у нас трахома на

убыль идет. Он уговаривает наших крестьян лечить ее в больнице, доказывает, что падишашке такую болезнь ни в жизнь не вылечить».

Так рассуждать прежний олонецкий крестьянин, дрожавший перед начальством, не мог, не посмел бы.

Был канун десятой годовщины озерной республики, и Карелия подводила итоги.

Коллективная запашка в карельском колхозе.

На фронте сельского хозяйства отмечались крупные достижения, трижды значительные, потому что они являлись плодом коллективизации. Когда стали подсчитывать количество колхозов, скачки цифр, рвавшихся вверх, показали, что в этой области Карелия стоит на верном пути.

На смену пяти колхозам, имевшимся в 1927 г. и об'единявшим всего тридцать хозяйств, первая половина

1930 г. принесла молодой республике 139 колхозов, об'единивших собою 4 875 хозяйств. Это означает, что восьмая часть крестьянских хозяйств Карелии к тому времени пришла к заключению о преимуществах коллективного хозяйства над единоличным.

Что помогло росту крестьянской сознательности, породившей увеличение количества колхозов, сейчас уже известно. Огромную роль сыграла плодотворная хозяйственная и культурная деятельность первых карельских колхозов и поощрительные мероприятия партии и власти. Содействие развитию кооперативных форм сельского хозяйства создало обстановку для массового вхождения батраков, бедноты и середняков в колхозы.

Внимание и содействие, оказанные коллективизирующейся Карелии, улучшают с каждым годом качество колхозного строительства, дают возможность колхозам наладить внутренний распорядок, организовать труд, усилить культурно-просветительную работу, развернуть самостоятельность и инициативу колхозников. Недавно еще колхозы Карелии можно было называть карликовыми, но хоть немного прошло с тех пор времени, перемены велики, и сегодня этот эпитет им больше не к лицу. Сейчас карельские колхозы насчитывают в среднем по три с половиной десятка хозяйств на колхоз.

Пионером колхозного строительства была коммуна «Сяде».

— Лучшая жемчужина среди колхозов Карелии — коммуна «Сяде», — говорили в Каргосплане.

— Образцово-показательных колхозов у нас четыре, — говорили в Наркомземе,—коммуны «Сяде», «Заря», им. товарища Гюлинга и сельскохозяйственная артель им. Ярвисало Они выделены нами для изучения вопросов эффективности отдельных меропри-

тий, правильной организации производства, расстановки сил, оплаты труда, политико-просветительной и культурной работы. Поезжайте в любой из этих образчиков социалистического сельского хозяйства, хотя бы в «Сяде», если хотите убедиться, чего можно при желании достигнуть на болотистых и бесплодных землях бывшей Олонии.

Ночью почтовый туго набитый поезд увозил меня из Петрозаводска к станции Лодейное Поле. Отсюда 55 километров до коммуны «Сяде» надо проехать автобусом.

Автобус мчит по Олонецкой равнине, к месту, где река Олонка соединяется с рекой Мегрегой. Сюда, в равнину русской ссыльной губернии, горсть упорных людей завезла лучшее из всего виденного ими в Канаде. Здесь, на бросовой земле, на заболоченном кочкарнике, покрытом кустарником и мелким лесом, блеснул им, вторично нашедшим свою родину, луч новой жизни.

Поэтому, должно быть, назвали они детище своих рук — коммуну — именем «Луч» («Сяде» по-фински означает луч).

2

О людях, бежавших из царской России в Америку, ставших в Канаде коммунистами, вернувшихся в советскую Карелию и создавших на болоте Олонецкой равнины замечательную коммуну „Сяде".

Под эгидой его императорского величества самодержца всероссийского, царя польского, князя финляндского, жилось финскому пролетариату не слаще, чем олонецкому крестьянству.

На родине дышалось трудно. Искали счастья в чужих краях. Еще до войны группа рабочих и батраков

(финнов) эмигрировала за океан и там тяжелым трудом добывала свой хлеб насущный. Быть может память о неприветливой родине современем выветрилась бы из их сознания, когда б не закружился над ней вихрь революции, не смел царя польского, князя финляндского и всех, на кого опирался его трон.

В России упрочилась советская власть, а на второй заокеанской родине, в Америке, финским эмигрантам приходилось не многим лучше, чем во времена самодержца всероссийского...

Правда, зарабатывали не плохо, но как изнурял многочасовый рабочий день в подземных рудниках и в фермерских хозяйствах, сколько силы и здоровья отнимал каждый месяц тяжелого труда на хозяина у этих выносливых финских ребят! Они работали в дремучих лесах Канады, но чутко прислушивались к тому, что происходило в покинутой ими стране, несколько лет изучали систему советской власти и в конце концов, поразмыслив сообща над создавшимся положением, твердо решили порвать с фиктивной американской свободой, взять курс к советским берегам. В 1925 г. план был осуществлен.

Осенью того же года неподалеку от старинного города Олонца появилась группа хорошо одетых людей, никому не известных и никого не знавших в этих местах. Целыми днями бродили они по болотам и кочкарникам, их широкополые пальто мелькали в разных концах пустующих или покрытых кустарником и мелким лесом земель.

Крестьяне с недоумением поглядывали на щупавших почвы, рисковавших измазаться «господ» в белых воротничках и ярких галстуках, которые упорно искали пригодной для разработки земельной площади и ко всеобщему удивлению остановили свой выбор на боло-

тистых, испокон веков пустовавших землях, отстоящих в полутора километрах от древнего Олонца, в то время бывшего уездным центром.

Еще больше удивились крестьяне, узнав, что «господа», разговаривавшие по-фински и по-английски, намерены на гиблом болотистом месте устроить коммуну и на коллективных началах вести в ней сельское хозяйство. Если припомнить, что было это в 1925 г., когда в Карелии вследствие неумелой организации работы с трудом держались колхозы, получившие готовые хозяйства, дома, давно распаханные земли и множество льгот, еще понятнее станет удивление, вызванное решением «иностранцев», получавших для своей затеи голую, неосвоенную землю, незавидную, никогда не вызывавшую посягательств ни с чьей стороны.

Удивлялись смелой затее не одни лишь крестьяне. Ответственные работники земельных органов, будучи в курсе тогдашних колхозных дел Карелии, тоже не очень верили в удачный финал затеваемого эксперимента, но делали все необходимое, чтобы начинание не потерпело краха.

Кто абсолютно верил в благополучный исход дела — это смелые зачинатели его, энергичные возвращенцы из Америки, упорные, как большевики, финские рабочие.

Первую зиму прибывшие провели в соседней карельской деревне, под чужими кровлями, но ранней весной на облюбованной ими земле закипела жизнь, и невиданными в этих краях темпами продвигалась работа по осушке, очистке и раскорчевке участка, по возведению построек.

Хозяйство решено было сделать в основном животноводческим, с упором на молочный скот. Поэтому с самого начала приходилось строить не только обще-

жилие для коммунаров, но одновременно помещения для скота, для корма, для машин, привезенных из Америки для лесопилки — среди заокеанского оборудования имелась циркульная пила для распиловки досок.

Вместе с людьми долгий путь из Канады в Карелию совершил купленный там на трудовые сбережения трактор и тракторный плуг, молотилка, мельница усовершенствованного типа, множество различного инструмента и необходимой в обиходе утвари. Ко всему этому следует приложить то, что не покупается, но что имелось у будущих коммунаров в большом количестве: они привезли солидные технические познания, навыки в организации труда, финскую настойчивость и трудоспособность.

Со всем этим арсеналом машин и энергии приступили к стройке четыре весны тому назад и продолжают строиться до сих пор, потому что хозяйство «Сяде» неуклонно растет; двор коммуны и сейчас завален строительными материалами, с большого дома еще не сняты леса, телятник только заканчивается, крытая красной черепицей рига без слов говорит о своем недавнем появлении, и еще какие-то заканчиваемые и вновь затеваемые постройки вырастают на Олонецкой равнине, где так недавно были лишь болота да кочки.

Все строительство проделали девятнадцать пар рук девятнадцати членов коммуны «Сяде», из которых двенадцать — в партии большевиков (многие стали коммунистами еще в Канаде).

Эта группа недавних рабочих и батраков, служивших у канадских фермеров, сыграла большую, почетную роль в коллективизации сельского хозяйства молодой республики. У них оказались немалые навыки в организации труда, хозяйства и внутренней жизни коллектива.

Сумев отказаться от фермерских тенденций, они применили на советской земле все лучшее и самое интересное из опыта сельского хозяйства Америки.

На первых порах коммунары довольствовались более чем неприглядными, наспех сколоченными помещениями для жилья, но зато скот, на который делала ставку коммуна, с первых же минут оказался поставленным в абсолютно благоприятные условия. Для него выстроили помещения, полностью отвечающие требованиям современной гигиены: светлые, чистые, просторные, ничего общего не имеющие с темными навозными сараями, в которых веками содержалась крестьянская скотинка.

Коммуна «Сяде» электрифицирована, надо сказать, не «вплоть до скотного двора», а «начиная со скотного двора». Город Олонец по проводам подает сюда ток, и с наступлением темноты в скотнике щелкает выключатель.

Правильный уход и хорошие скотные дворы делают неузнаваемой самую безнадежную, пользующуюся скверной репутацией в смысле удоя, карельскую худобу.

Эксперименты, проделываемые над коровами в этой коммуне, настолько показательны, что слава о них идет по всей Карелии, и нет такого колхоза или сельхозартели, где не мечтали бы добиться таких же результатов.

Скотный двор «Сяде» напоминает павильон на выставке. По существу, «Сяде» и является своего рода постоянной показательной выставкой. Сюда, в Олонецкую равнину, в последние годы идут, как паломники, экскурсанты со всех колхозов Карелии.

В стойлах «Сяде» стоят племенные матки восточнофинской породы. Финские фермеры годами выраще-

вали их как отборную породу и добились исключительно высоких удоев. Но олонецким коммунарам удалось превысить рекордные цифры, поставленные по ту сторону границы.

Выросшая на болотах коммуна умудряется уже конкурировать со старым и высококультурным хозяйством Финляндии!

И еще показала коммуна, что при хорошем уходе и кормлении даже местная, «безнадежная» карельская буренка становится неузнаваемой. В первый же год пребывания в «Сяде» карельские коровы удваивали свои удои, на второй год повышали их еще на 50—70%, а по сравнению с крестьянскими хозяйствами коммуне удалось превысить количество получаемого молока от местных об'ектов больше чем на двести процентов.

Когда карелу-колхознику, пришедшему сюда поучиться из далекого района, показывали этих дотоле не замечательных коровок и называли цифры удоя по годам, он слушал говоривших коммунаров с большим почтением, но в то же время рассматривал эти явления как некие чудеса.

— Вот эта корова Линну дала в прошлом году 1 700 килограммов молока, а в этом году — 3 100. В будущем даст больше. У нас некоторые уже превысили эту цифру. Надо только уметь правильно подойти к нашей «карелке».

В «Сяде» вначале на первом положении были восточно-финские коровы, о которых ничего худого не скажешь — товар высшей марки, не чета карельской тасканке.

Проходит год, другой, и коммуна, скупая лучших местных коров, давая им исключительный уход, добивается поразительных результатов: местные «плебейки» дали уже пять очков вперед патентованным за-

граничным аристократкам, кстати, записанным в племенные книги в Финляндии.

Спросите в пределах Карелии любого агронома, наркомземца, крестьянина:

— Чьи коровы приносят наивысший удой?

Все единогласно ответят: «Сяде».

За недалеким отсюда пограничным столбом, в фашистской Финляндии, тамошние фермеры тоже при-

Ученики финской советской школы на своем огороде.

знают, что их доселе рекордные удои превышены советской коммуной «Сяде».

Какими же путями достигнуты эти результаты, в чем секрет успеха?

Не зря Наркомзем премировал коммуну за агрикультурные мероприятия по животноводству! Не говоря

уже об упорном труде и терпении, об исключительной настойчивости, надо признать за людьми из коммуны еще и наличие известной изобретательности, выдумки.

Во дворе коммуны есть колодезь. Пойди коммунары по линии наименьшего сопротивления, им пришлось бы таскать из него воду ведрами. Долго, неудобно, непрактично.

Выход найден: вдоль одной из стен скотного двора прокладывают водопроводные трубы, соединяют с колодцем — и водопровод готов. Вода подается по назначению — прямо к кормушкам.

В распоряжении коммуны нет пастбищ. Концентрированные корма для скота приходится доставлять за 50 с лишним километров, из Лодейного Поля. Это не выход из положения: «Сяде» нуждается в собственном корме и умудряется получить его на бросовой земле.

Коммунары находят оригинальный, неизвестный в Карелии способ приведения заболоченных участков в культурное состояние. Они осушают их канавами, отстоящими одна от другой на расстоянии, примерно, 25 метров, раскорчевывают кустарник, срезают кочки и заполняют ими ямы. Земля с канав разбрасывается по всей полосе, и все это подвергается поверхностной обработке универсальными финляндскими боронами «Ганкмо». Подготовленная таким способом площадь засевается овсом, викой и сразу же семенами трав. Удобрения применяются искусственные, главным образом, минеральные, и лишь наиболее тощие почвы получают немного навоза. Подготовка почвы путем вспашки производится осенью на зябь.

Обходится это недорого и дает на следующий год первый укос клевера, поверхность же поля, оттого что

корни оставляются в земле нетронутыми, дает возможность применять все имеющиеся орудия и машины уборки. Полученное коммуной сено сушится на вешалах, или ределях, — способ, позволяющий не бояться дождей.

Сено получается сплошь сухое, ни одного попорченного или гнилого клочка не бывает.

Благодаря обильному и хорошему корму каждая корова в «Сяде» — живой агитатор за коллективизацию.

Люди из «Сяде» до сих пор понять не могут, отчего местное крестьянское население не считает сельскохозяйственный труд основой обеспечения своего существования.

— Вся беда в том, — утверждают коммунары, — что население края ни в прошлом, ни в настоящем не привыкло к упорному, непрерывному труду в сельском хозяйстве. Смотрят на него как на побочный источник доходов, полагая, что средства к существованию необходимо добывать где-то на стороне. Между тем возможности под руками. Надо лишь взяться за них по-настоящему, отойти от старинки, ознакомиться с культурными способами ведения хозяйства...

И коммунары немедленно иллюстрируют свои слова показом собственных дел и достижений. У них урожаи хлебов и трав значительно выше местных и на добрых пятьдесят процентов выше средних урожаев всей РСФСР.

Еще в 1928 г. благодаря полному использованию минеральных удобрений коммуна достигла исключительных результатов: клевер на некоторых полях дал по 6½ тонн с гектара, овес «золотой дождь» — около 3 тонн с гектара, ячмень — по 2½ тонны, турнепс — 55 тонн с гектара, другие культуры дали не менее благоприятные результаты.

Минувшей весной сядевцы честно боролись за большевистский сев и вышли победителями: весенний план они перевыполнили на 40%.

Победа досталась не легко. Ее принесла коммуне упорная работа, исключительно добросовестное отношение к труду девятнадцати энергичных людей, не останавливающихся на достигнутом, ищущих нового, пускающихся на самые любопытные эксперименты.

Свиноводство в «Сяде» поставлено не в столь широких масштабах, как молочное скотоводство. Цель свиноводства — удовлетворение потребностей коммуны в мясе и отчасти снабжение окрестного населения поросятами от крупных белых английских свиней для откорма на племенные цели.

Но и этот незначительный участок поставлен коммуной образцово.

Свинарник оборудован, как все и в «Сяде», по последнему слову техники, в нем растут и плодятся прекрасные, выхоленные белые свиньи и один боров.

— Свиноводство у нас затеяно недавно, с 1929 г., — поясняют коммунары, — и промышленного значения не имеет. Однако, за этот срок продали мы окрестным крестьянам с дюжину племенных поросят и хорошенько научили их уходу за ними.

Маленький свинарник «Сяде» делает большое дело по внедрению культурной английской свиньи в хозяйство карельского крестьянина.

Кроме сельскохозяйственных предприятий, есть в коммуне одно промышленное — лесопилка. Привезенная из Америки циркульная пила выручила коммуне не одну тысячу рублей, хотя за работу у заказчиков взимали плату, на треть меньше существующих в этих краях цен.

Лесопилка механизирована. Ее приводит в движение трактор. Бревна подаются вагонеткой, поставленной на рельсы Зубья пилы глубоко впиваются в толстые бревна и раскраивают их с абсолютной точностью.

— Клад для нас эта лесопилка, — сказал кто-то из коммунаров. — При здешней дороговизне распиловки каждое наше начинание, каждая постройка тормозились бы. А тут сами себе хозяева: ни очереди, ни возни, ни перевозок. Благодаря лесопилке у нас так: задумали постройку и сейчас же возвели ее. И знаете, какая экономия у нас в строительстве? Мы подсчитывали. Не меньше 40%.

И вновь слова подтверждаются делом.

Вот два жилых, свежеобтесанных дома, состоящие из пятнадцати комнат. Это новые просторные общежития, пришедшие на смену неудобным первоначальным. Затем конюшня, скотный двор, баня, прачечная, свинарник, кузница, ледник, рига, помещения для горючего, для тракторов; вся серия построек обошлась коммуне всего в 26 тыс. руб.

Механизация, технические познания, опыт сыграли не малую роль в создании коммуны, но есть еще нечто более значительное, чему «Сяде» обязана своим расцветом. Это — трудовая дисциплина. Коммунары работают девять часов в сутки, и не было за все годы существования коммуны случая, чтобы кто-нибудь увильнул от работы. И это на всем заметно: каждая мелочишка, точно так же, как и всякая крупная вещь, сработаны одними и теми же руками. Сядевцы выстроили дома, службы и все, что находится внутри. Мебель в жилых помещениях — столы, шкапы, стулья, кровати — сколочена в столярной мастерской коммуны. Ремонт инвентаря, машин, мелкие части к ним — все это коммунары делают сами в своей кузнице.

Каждый год увеличивает площадь посевов коммуны. И вчерашние мелиораторы, кузнецы, столяры, плотники становятся жнецами, трактористами, мельниками.

Сейчас в пользование коммуны переданы 18 га естественных покосов, после этого предстоит еще приняться совместно с соседними коммунами и об'единениями крестьянских хозяйств за большие болотные массивы. Пройдет немного времени, и на «гиблой» земле будут зреть наливные колосья.

Коммуна «Сяде» явилась для Карелии пионером огромной работы по реорганизации крестьянского хозяйства на социалистических началах. В этом направлении ею сделано много хорошего, но и в этом же направлении допущен один крупный промах. За пять лет существования коммуна выросла во всех направлениях, кроме одного: «Сяде» не знает почти людского притока, она чересчур замкнута; растет хозяйство, но прежним остается количество коммунаров. За несколько лет прибавилось считанных несколько человек, три или четыре. Полное несоответствие с общим размахом, какой присущ «Сяде».

В заключение несколько слов о культурной жизни коммуны.

Обычно под вечер, когда рабочие костюмы сменяются чистым домашним платьем и заканчивается вкусный, сытный обед в общей столовой, коммунары переходят в красный уголок, где можно слушать радио, играть в шахматы и шашки, прочитать книгу, журнал, газету на родном языке или устроить беседу на интересующую всех тему.

Коммуна справедливо назвала себя лучем. Она и впрямь луч для отсталого карельского крестьянина, научающегося у нее жить и работать по-новому.

3

Факты, об'ясняющие успех коллективизации в АКССР.—Десятилетие республики на границе — Село Видлицы десять лет назад и сейчас.—Открытие Дома культуры и закладка электрокомбината —Коммуна на рубеже.—О честности карел.

Автобус легко несется вперед, приближаясь с каждой минутой к финляндской границе, в те дни не очень-то спокойной, потому что под покровом ночи на ней соседние фашисты проделывали довольно странные упражнения по переброске неугодных им людей на советскую территорию.

Спутник мой, агроном, рассказывает о внутренних врагах — кулаках, — как и всюду, вредящих коллективизации, несущей им бесспорную и бесславную гибель.

— На пути коллективизации, проходящей в Карелии достаточно успешно, встало кулачество, получившее, правда, основательный отпор. Но не таков кулак, чтобы, потерпев поражение, оставить попытки вредительства. Он бешено сопротивляется коллективизации, всячески стараясь завоевать середняка и привлечь его на свою сторону. Но не везет кулаку в этих попытках... Наши колхозы и коммуны — лучший агитатор.

Вот в «Сяде», к примеру, вам, наверное, пришлось наблюдать экскурсантов из молодых колхозов и единоличных хозяйств. Вы обратили внимание, с какой жадностью рассматривают они каждую коровку и свинью, как приглядываются к каждой незнакомой им мелочи, упрощающей крестьянский труд. Вот отсюда, из этого живого показа достижений, вытекают и наш успех и неудачи кулака. В колхозах Карелии середняки составляют почти 48% колхозной массы. Середняк в колхозе вместе с бедняком и рабочим активно строит новое, обобществленное хозяйство. У нас в колхозах среди ру-

ководящего и хозяйственного состава не меньше 40% составляют середняки. А ведь завоевать середняка — это значит победить!

Так у нас и обстоит дело. В области хозяйственных достижений наши колхозы достигли определенных успехов.

В той же «Сяде», к примеру, урожаи достигают тридцати и выше центнеров с гектара. В колхозных скотных дворах худая карельская коровенка превратилась в дородную, высокоудойную корову. Расширение посевных площадей никогда не было поставлено в этих краях так широко, как после появления колхозов. И крестьяне, видя большие перемены, не могут не реагировать на происходящее.

Реагируют же они тем, что входят в колхозы, в артели и сообща делают то, чего не сделали бы в одиночку: в их руках бросовые земли превращаются в удобные сельскохозяйственные угодья. В прошлом году колхозы расширили посевную площадь на 29%, в то время когда прирост посевной площади в индивидуальном секторе превысил 8%.

Вот такого-то рода факты и говорят в пользу коллективизации лучше всякого агитатора. Надо прямо сказать, десятилетняя советская Карелия добилась на фронте социалистического переустройства сельского хозяйства громадных достижений, и не только количественных, но и качественных. Факт!

В разговоре путь до Видлиц прошел незаметно, некогда было наблюдать за незнакомой местностью, за дорогой, по которой несся автобус. Между тем на тихом обычно тракте стояло заметное оживление. По направлению к Видлице неслись автомобили, крестьянские телеги, какие-то вышедшие давно из моды тарантасы и брички.

Вскоре показалось село, принаряженное по случаю открытия нового Дома культуры флагами, огромными полотнищами с лозунгами на них, гирляндами, портретами. Пограничное местечко осадили машины и кони.

В полдень все были в сборе, и торжество, посвященное десятилетию АКССР, началось в Доме культуры. Жаждавших попасть в него было вдвое больше, чем

В карельской деревне.

он мог вместить, и милиция с трудом справлялась с напором толпы.

Ровно в двенадцать часов дня на трибуну взошел председатель местного райисполкома, карел Мюзиев, об'явил торжественное заседание открытым и на родном языке стал рассказывать о достижениях советской Карелии за прошедшие десять лет.

Затем Мюзиев напомнил о трагическом инциденте, происшедшем в этом селе тоже десять лет назад, на том самом месте, где в данный момент отмечалось торжество.

— Жители Видлиц не забыли еще 22 апреля 1919 года... Мы помним многое из того, что происходило во время нашествия белофиннов на Карелию, но лучше всего нам запомнилась трагедия, разыгравшаяся в местной церкви.

22 апреля 1919 г. рано утром в селе появилась разведка белобандитов. Милиционер Герасимов заметил ее и сообщил комиссару батальона Розову, еще спавшему в тот момент. Белофинны проникли в коридор штаба, раньше чем Розов успел одеться.

Розов не растерялся. Выстрелом в упор он скосил начальника разведки, прапорщика Трофимова, и потерявшие руководителя белофинны откатились от красного штаба.

По селу тем временем пронесся слух: белые на улицах села.

Узнав об этом, организатор партийной ячейки Розенштейн, маленький, черный человек, талантливый оратор, тотчас же оповестил всех партийцев, и большевики быстро заняли окопы.

Защищать село от белых остались всего шестьдесят человек, выбравших своим оборонительным пунктом каменную церковь села. Но кучка храбрецов, подвергшись сильному натиску белых, не выдержала и подалась в близлежащий лес. Не успевшие уйти остались в церкви и в ожидании подкрепления из Тулоксы отстреливались больше суток. Тем временем белые окружили церковь, и засевшие в ней оказались в кольце. Их было не больше тридцати человек, вооруженных несколькими охотничьими ружьями и парой винтовок.

Белогвардейцы насчитывали впятеро больше людей, в их распоряжении имелись огнестрельные орудия, и целые сутки били они по церкви, в которой спасалась горстка большевиков. Взрывались снаряды, бомбы, гул стоял над Видлицами, но красные не сдавались. Тогда белые решили взорвать здание.

Первый взрыв своротил угол церкви, второй уничтожил лестницу на колокольню. Красные не выходили. От третьего взрыва отлетела часть стены, двое погибли, остальные вынуждены были выйти. Но вышли не все.

Не желая сдаваться белым, Розенштейн, у которого имелось охотничье ружье и наган, отстреливался до конца. Последнюю пулю он пустил в себя. Белые напрасно искали его среди людской добычи, им остался лишь труп отважного большевика, который они сбросили с колокольни вниз. Остальных расстреляли после короткой комедии суда здесь же, возле видлицкой церкви.

— И вот, сегодня на месте храма дурмана трудящиеся Карелии воздвигают Дом культуры, — говорит предрика Мюзиев по-карельски. — Есть предложение назвать его именем рабочего Путиловского завода, погибшего в боях за Октябрь, большевика, товарища Розенштейна.

— Правильно. Имени Розенштейна!..

Предложение встречено бурными овациями собравшихся. Видлицкие крестьяне, аборигены села, хорошо помнящие Розенштейна, сочувственно кивали головами в знак согласия и лестно отзывались о нем короткими, отрывистыми фразами.

Когда Мюзиев сошел с трибуны, его сменил товарищ из Петрозаводска, представитель Карельского ЦИКа, народный комиссар земледелия, выступивший с боль-

шим докладом о десятилетии республики. Потом появился на трибуне представитель карельской коммуны «Узи виделе», очень подробно рассказавший, как зародилась и куда растет предприятие, созданное руками отсталых и недавно беднейших крестьян республики.

Видличане внимательно выслушивают доклад и рапорт, одобряют их и выносят предложение о необходимости «поздравить именинника». Сегодняшним именинником является целая страна, затерявшаяся в веках и вновь всплывшая на поверхность Автономная республика Карелия. У страны есть вожди и руководители, им предназначено приветствие пограничного села.

Первое — Карельскому областкому коммунистической партии, второе — товарищу Гюлингу.

Эдуард Гюлинг — председатель карельского Совнаркома — финн по национальности, популярнейший в республике человек, возглавляющий ее второе десятилетие.

Еще в 1920 г., когда по декрету ВЦИКа из двух губерний — Олонецкой и Архангельской — образовали Карельскую трудовую коммуну, товарищ Гюлинг был членом тогдашнего ревкома.

Он подготовлял первый с'езд советов Карельской трудовой коммуны. На этом с'езде Гюлинг был избран в члены президиума.

Последовательно он являлся председателем исполнительного комитета КТК, председателем военно-революционного комитета Карельского района и с момента создания Карельской республики — бессменным председателем Совета народных комиссаров.

Гюлинг пользуется исключительным уважением во всей Карелии. К нему идут со всякими жалобами, зная наверняка, что Гюлинг примет, выслушает и поможет.

Доступ к нему — председателю Совнаркома — более прост и легок, чем в кабинеты многих и многих менее значительных должностных лиц.

Мне не удалось лично познакомиться с товарищем Гюлингом, находившимся в отпуску, но от многих довелось слышать о нем, и ни одного худого слова. Он— доктор философии по образованию, старый революционер и, по общим отзывам, удивительно тактичный и мягкий человек.

При его деятельном и энергичном участии создавалась и ныне ширится советская Карелия.

Приняв решение о посылке телеграмм, собравшиеся покинули Дом культуры и вышли на улицу, где собралась вся Видлица. Сам собой назрел митинг. Митинг, замечательный тем, что происходил он в нескольких шагах от границы государства, которое пыталось и до сих пор не оставило намерения захватить в свои руки Карелию и сделать молодую советскую республику своей вотчиной.

Последний оратор об'явил митинг законченным и пригласил собравшихся пройти к огромной гладкой ложбине, где должна была состояться закладка здания будущего электрокомбината. Над ложбиной стояла нарядная трибуна, и с нее доносились обрывки приветственных речей.

— Этот комбинат будет новой победой на фронте строительства социализма...

... он зажжет лампочку Ильича и ее увидят трудящиеся на той стороне, увидят и враги, делающие сегодня все возможное, чтобы помешать гигантскому строительству Карелии...

... на протяжении всего десятилетия в Карелии работает на ответственном посту товарищ Гюлинг. Есть предложение назвать электрокомбинат именем това-

рища Гюлинга и возбудить ходатайство о награждении его орденом Трудового красного знамени...

Электрокомбинат постановили назвать именем человека, который на виду своей фашистской родины, под самым носом у нее, крепит социализм в Карелии.

Видлицы запомнят большой день, посвященный десятилетию республики, и долго будут говорить о нем. Дом культуры, электрокомбинат, митинг, осмотр коммуны людьми из центра, товарищеский обед, прибытие автобусов и катание в них детей, кино, выступление карельских красных партизан, наконец концерт — все это забудется не скоро тысячами карельских крестьян, так недавно еще пришибленных и не смевших даже мечтать о собственном государстве.

Клонился к концу бесконечный летний день, но не были еще закончены все связанные с торжествами задания. Люди из центра готовились покинуть Видлицы в разгар празднеств; им предстояло до захода солнца выехать на самую границу, в Погран-Кондуши, где расположена коммуна «Заря». Отсюда видно все происходящее на противоположном берегу, что бывает иной раз причиной занятных случаев. Мне рассказывали, что финских крестьян во время свадебного сезона усиленно развозят вдоль границы в самых лучших авто.

— Это они специально на показ крестьян развозят, чтоб нам показать, как, мол, без коммун и колхозов люди живут да на машинах гульню устраивают. Будто мы тамошних делов-то не знаем. Не ихние это автомобили. Только так, демонстрацию устраивают.

Другое дело, когда у нас тракторы работать начинают. Им оттуда хорошо все видно, а главное знают ведь, что тракторы не наемные. Полная собственность коммуны. Вот это — подлинная демонстрация. Лучшей агитации за советскую власть не придумать.

Коммуна на границе в этот день рапортовала карельскому правительству и парторганизации о состоянии своего хозяйства, о достижениях и перспективах. Рапорт пересыпан был цифрами, которые, если вдуматься в них, могли заинтересовать не меньше увлекательного романа. Цифры рассказывали о том, что в коммуне состоит 346 человек, включая детей и подростков, что большинство составляющих ее — бедняки и середняки.

В распоряжении коммуны 155 коров, из них полтора десятка племенных.

В конюшнях коммуны шестьдесят три лошади, из них восемь племенных и четырнадцать жеребят. В телятнике 108 голов «молодого пополнения». Дальше — овцы, их полтораста, больше сорока свиней, почти столько же поросят и дюжина нетелей.

Коммунары рассказали об успехах в полеводстве, достигнутых упорной повседневной работой, которую вели под руководством парторганизации и местных пограничников.

— У нас весенняя посевная кампания прошла дружно, потому работали коммунары сознательно и выполнили план весеннего сева не на сто, а на 110%. Теперь начали сенокосную и уборочную работы, про которые можем сказать, что все наши колхозники втянуты в ударные группы и соревнование. А сегодня, по случаю значит, десяти лет нашей республики, правление коммуны постановило выдать премиальное вознаграждение 25 колхозникам за сознательное, социалистическое отношение к труду.

— Мы живем на границе, и нам, колхозникам, хорошо виден разгул финляндских фашистов, отчего мы в день юбилея Автономной советской Карелии шлем от имени своей коммуны привет зарубежным братьям, ра-

бочим и трудящимся крестьянам, а правительству Карелии заявляем то, что постановили на своем общем собрании: при первом зове все, как один, выступим на защиту СССР и трудящихся Финляндии!

Рассказали колхозники о том, что очищали они свою коммуну от ненужного элемента, тормозившего боевую работу коллектива и разлагавшего массу колхозников.

— Здесь, на границе, нельзя давать промахов. Нужна большая точность, потому — смотрят за тобой не только свои единоличники, но и с той стороны во все глаза наблюдают. Если допустишь здесь промах, там его на все сто процентов используют. Поэтому мы в коммуне всех агентов классового врага особенно тщательно выявляли, а потом и вытряхнули, как полагается.

И это делали карелы, отсталые, мягкие и уступчивые по характеру, но при необходимости умеющие быть настойчивыми и упрямыми. Этих честных, гостеприимных и общительных людей пытались подчинить своему влиянию с давних времен финские националисты. Их угнетало царское правительство, проводя активную политику руссификации Карелии и самой Финляндии; тот период гнета еще жив в памяти многих под названием «бобриковщины», по имени Бобрикова, тогдашнего диктатора этих мест.

По наружности карелы ближе всех финских племен подходят к русским. Широкоскулые, русые, голубоглазые, они лишь приподнятостью глазных прорезей, «раскососостью», отличаются от коренных великороссов-поморов. У карел открытое, ясное выражение лица, в движениях заметна бодрость, проворство, выработанные долгой борьбой с неподатливой природой севера, с его бурными, порожистыми реками и опасностями.

Честность и хлебосольство карела поражают впервые попавшего в этот край. В деревнях не редкость увидеть пустые дома, на которых ни замков, ни запоров. Хозяева уходят, уезжают, нимало не беспокоясь о своих пожитках. Карелу не нужно чужого, и воровство среди карелов — редчайшее явление.

Я видел в лесах, на рыбацких пристанях, в глухих селах избушки с оставленными в них рыболовными и охотничьими принадлежностями, бочками соленой рыбы, грудами дичи и вяленой рыбы, но нигде не видел запоров и охраны. В отношении честности карелы схожи со своими одноплеменниками финнами.

Зато в смысле общительности карел отличается от замкнутого, скупого на слова финна. Поговорите с карельским крестьянином и через час-другой узнаете все вас интересующее о нем, его семье, вплоть до четвертого поколения. Если карел позовет вас в гости, можете быть уверенным, что прием будет оказан самый радушный и на столе окажется самое лучшее из имеющегося в его доме.

Если вы забыли в доме приютившего вас карела какую либо вещь, нет нужды возвращаться за нею; гостеприимный хозяин примет все меры к тому, чтобы вернуть ее по принадлежности. Нередко на глухих лесных тропах, на старом-престаром дереве можно обнаружить какую-нибудь засечку. Это — примета. Значит где-нибудь поблизости на ветке путник найдет забытую или утерянную им вещь.

Бывает и так, что, зная ваш дальнейший маршрут, карел с оказией передает забытый предмет, который в конце концов будет передан по принадлежности. Мне рассказывали, что одному путешественнику, позабывшему какую-то мелочишку в хижине карела, вещь была вручена спустя много месяцев у него на дому, кажется

в Ленинграде. Все это время она двигалась за ним, переходя из рук в руки...

Жилища карелов расположены чаще всего вдоль берегов рек и озер. Это характерно для севера вообще и для Карелии в особенности. Здесь реки и озера во многих уголках края являются единственным путем для поддержания связи с остальным миром, кроме того они изобилуют рыбой, а она — главное подспорье в пище карела.

Когда ездишь долго вдоль Карелии, особенно по местам, густо населенным карелами, начинает утомлять однообразие похожих друг на друга деревень. От русских деревень они отличаются разбросанностью строений. Карелы не стремятся проложить в деревне улицы: свой дом устанавливают там, где считают наиболее удобным для себя, и оттого карельские деревни, состоящие из двух-трех десятков домов, бывают растянуты на два-три километра. Лишь в крупных селах карелы стали в последние годы строиться так, что получается некоторое подобие улицы.

Дома в деревнях строят главным образом деревянные. Леса в Карелии достаточно, поэтому дома большие, просторные и очень часто двухэтажные.

4

Карельская деревня внутри и снаружи.— Обряды, доживающие свои дни.—Разоблачение мощей преподобного Елисея.

Если внешний облик карельской деревни изменяется медленно, зато быт, взгляды и взаимоотношения в ней с каждым годом отходят от старинки, отталкиваются от обрядов глубокой древности, навеянных и взятых из «Калевалы».

Сложный и длинный обряд сватовства и свадьбы с «плачами» и причитаниями, являющимися прямыми от-

рывками из «Калевалы», сейчас встречается в Карелии не так уж часто; новое поколение, комсомольцы, предпочитают всей многосложной церемонии короткую запись в загсе. Свадьбы с «плачами» и падивашками у карел отмирают, точно так же, как упростились и почти исчезли свадебные обряды у великороссов.

Карельские крестьяне.

В наши дни смешными кажутся старинные карельские свадебные церемонии, описанию которых посвящено несколько книг, виденных мною в Петрозаводске в публичной библиотеке. Среди них есть даже пьеса в нескольких актах, и называется она, если не изменяет мне память, «Карельская свадьба».

Чтобы дать некоторое представление об отмирающем ныне обряде, заимствую несколько десятков строк из описаний Иванова карельского свадебного церемониала.

«В большинстве случаев свадьбы в Карелии происходят в зимние месяцы — январь, февраль. И больше свободного времени и все родные дома, а не на далеких мурманских промыслах или на опасных лесных сплавах.

Место, где постоянно встречаются молодые люди, называется «кизяпирти» — изба для игр или место праздничных сборищ карельской молодежи. Здесь жених подает намеченной им невесте платок и спрашивает:

— Желаешь ли итти за меня замуж?

В случае согласия девушка берет кончик платка и отвечает утвердительно. Свадьба совершается сразу же по окончании сватовства. Денежный залог является гарантией со стороны того, кто просит об отсрочке дня для свадьбы.

До венца невеста приготовляет приданое, прощается с родными и подругами. Прощание сопровождается специально сложенными «плачами», при чем невеста льет обильные слезы и низко кланяется, а особая «плачея» — большая мастерица своего дела — произносит складные причитания, в которых восхваляется то или другое лицо. За это «плачею» вознаграждают пятаками, идущими в пользу невесты.

Если плакальщица самое дорогое лицо п е р е д свадьбой, то в о в р е м я брачного обряда таким незаменимым человеком является «падивашка» (карельское название колдуна). Там, где мало школ и фельдшерских пунктов, к сожалению, роль падивашек очень значительна.

В день свадьбы жених в сопровождении падивашки, шаферов, свата и своих родных отправляется к невесте. Здесь падивашка ножом делает в хлебе, принесенном сватом, круглую выемку, насыпает туда соль и закры-

вает вырезанной хлебной корочкой. Немножко соли завязывает в узелок платка и передает невесте с соответствующими заклинаниями от «порчи» и от «дурного глаза». Затем происходит взаимный обмен подарками, при чем падивашка получает шейный платок и вышитое полотенце, которым он подвязывается до конца обряда.

В это время невеста, одетая в лучшие девичьи наряды и под покрывалом, помещается за занавеской в углу комнаты, не показываясь ни жениху, ни гостям. Из своего убежища она выходит тогда, когда подросток, пройдя к ней за занавеску, приподнимет покрывало, взглянет ей в лицо и сядет на колени. Затем невесту под покрывалом выводят к жениху и спрашивают, та ли это девушка, за которую он сватался. Жених отдергивает покрывало и ведет ее к столу, где приготовлено небольшое угощение.

После угощения все встают, долго молятся, и невеста с плакальщицей садится в переднем углу, крепко держа косу с лентами, а подружки силой расплетают ее и поочередно расчесывают. Ленты тут же раздаются матерью невесты ее подругам: кончилась «вольная волюшка девичья». Во время всей этой процедуры расплетания косы плакальщица и невеста причитают, при чем большинство причет взято из «Калевалы».

Когда коса расплетена, невеста кланяется в ноги падивашке и просит его сберечь ее замужнюю жизнь от всяких несчастий и лишений. Начинается последнее прощание с родными; невеста прежде всего просит мать простить ее и снабдить приданым. После этого ее уводят за занавеску и одевают «по-замужнему»: волосы заплетают в две косы, а на голову, вместо повязки, одевается сорокка (повойник). Уже в этом наряде отец обводит невесту три раза вокруг сундука с приданым, с каждым кругом присаживаясь на нем. Занавеска от-

крывается, и невеста некоторое время, закрыв лицо руками, сидит на сундуке, пока падивашка не положит на полку над ее головой топор, чтоб устранить злого духа порчи, и пока жених, подойдя к невесте и взяв за руку, не обойдет с ней трижды же вокруг стола.

Начинается пир, а после него невеста отправляется в дом жениха. В церковь, в виду ее отдаленности, идут не сразу, а иногда спустя год-два. Вообще карел довольно равнодушен к церковному обряду и очень часто совсем не прибегает к «помощи» священника».

Советские годы еще больше оторвали карельскую деревню от церкви и ее служителей.

Не только свадебные обряды, но и церковные праздники почти вывелись из быта, даже воскресенье перестает быть днем отдыха, оттого что в коммунах, колхозах и артелях давно перешли на непрерывку и установили для всех работающих выходные дни.

Даже в архирелигиозном пункте, каким несколько столетий было село Сумский посад на севере Карелии, произошел случай, характеризующий огромный перелом в верованиях карельских крестьян. Этот Сумский посад стал очагом мракобесия только потому, что в нем якобы пребывал некогда преподобный отец Елисей, сумский чудотворец, чьи нетленные мощи до прошлого года находились в селе.

Не было, кажется во всей Карелии более выгодного предприятия, нежели мощи, которыми долго и выгодно торговали в розницу и оптом сумские церковники.

В Сумский посад тянулись люди из других деревень, и у них не мало денег выкачивали попы и монахи, честно делившие свои доходы с урядниками; наживались и кулаки, отводившие паломникам помещения для постоя и продовольствие.

Но миновали золотые дни Аранжуэца...

Тонкая ниточка рельсов, связавшая заброшенный край с пролетарскими центрами, нанесла первый удар очагу религиозного дурмана, кулачья и поповщины. В Сумском посаде зазвучали новые песни, продиктованные идущей на смену заплесневелому быту новой жизнью. В марте минувшего года местные безбожники об'явили бой церковникам, заявив, что нетленные мощи — сущий обман и их следует вскрыть.

Кутерьма поднялась необычайная. Кулаки, древние кликуши, знахарки и прочее отребье призывали верующих не давать в обиду святого, кричали, что отсохнут руки, которые посмеют прикоснуться к мощам преподобного, что Елисей непременно явит чудо, указывали даже, в чем оно будет заключаться.

— Чудотворец преподобный вознесется на небо, а село наше поглотит Белое море...

Крестьяне с ужасом прислушивались к этим бабьим сказкам. Им с раннего детства прививали почтение к церкви, особливо к мощам Елисея, а тут люди собираются потревожить реликвию, смеются над нею, утверждают, что нетленность вздор и выдумка попов.

Сорокский союз безбожников твердо решил разоблачить обман перед населением и добиться у жителей Сумского посада разрешения на вскрытие «нетленных» мощей. Наметили план действий и твердо придерживались его; в избе-читальне систематически устраивали антирелигиозные лекции, заинтересовали ими крестьян, добились высокой посещаемости.

На одной из лекций произошел случай, ускоривший события. Виною всему оказался местный житель, сорокский старичок по фамилии Житейный, по профессии плотник. Он приходил на лекции, слушал и молчал, молчал и слушал. Но однажды старичок не выдержал и взял слово.

— Вы тут, — сказал Житейный, — кой день уже спорите про эти мощи, а того не знасте, что я знаю. Скажу я вам правду, вот как перед истинным... Было это 27 лет назад, не больше, не меньше, когда вызвали меня наши отцы духовные и под большим секретом заказали новый гроб для мощей преподобного. Втайне от народа сколотил я его и собственными глазами видел, как положили в этот гроб одни кости... Череп там, ребра да косточки, в роде как от рук и ног. Истинная правда...

Для пущей убедительности Житейный осенил себя крестным знамением и умолк. После него заговорил священник местной церкви, но в словах его не было прежней убедительности и веры в поддержку масс. Священник упавшим голосом сообщил:

— Собственно, о чудесах преподобного указаний не имеется, мы по нем просто, как по усопшему, панихидки служим...

Отвиливание было налицо, отрицание того, что утверждалось годами, — также. Нечисто сделанная в самом начале игра вела к явному проигрышу. Так и случилось. Подавляющее большинство крестьян села Сумский посад, несмотря на застращивания кликуш, вынесло постановление о вскрытии «нетленных мощей» отца Елисея.

В тот день, когда это постановление проводили в жизнь, собрались поглядеть на вскрытие все обитатели Сумского посада, приехали сотни крестьян и крестьянок из ближних и дальних деревень, явились рабочие с лесозавода и железнодорожники с окрестных станций.

Специальная комиссия, куда включили трех представителей от церкви, извлекла гроб с мощами из усыпальницы и поставила на возвышение так, чтобы всем соб-

равшимся процесс вскрытия хорошо был виден. Спросили священника, намерен ли он совершить какой-нибудь обряд. Тот отказался. Вновь выплыл из толпы старый плотник Житейный, чтобы еще раз во всеуслышание заявить о содержимом гроба. Он истово крестился и утверждал:

— Только и есть там, что кости. Череп да ребра...

Через несколько минут отодрали крышку, и точно подтвердились слова Житейного. Вместо мощей — кости, череп, труха всякая, куски ваты, ржавые гвозди и прочая дребедень.

Акт о вскрытии прочитали присутствующим, воспользовались благоприятным случаем для митинга и открыли доступ к «нетленным мощам». Сотни людей подходили и разглядывали труху, которую годами выдавали за святого и преподобного. Среди них очень много было тех, кто прикладывался к гробу, сделанному местным плотником, и оставлял на нем не раз свои трудовые рубли.

Люди чувствовали себя обманутыми. Перед ними стоял поверженный с высоты идол, оказавшийся ничтожеством. Даже женщинам было не по себе. Не они ли сызмальства несли к этому гробу свои молитвы, желания и чаяния, надежды и упования? А теперь обнаружилось, что тысячи людей были обмануты кучкой рясофорных мошенников.

Мощи оказались лекарством, навсегда излечившим Сумский посад от религиозных предрассудков и поставившим село на первое место среди безбожников Карелии. Если будете в столице Карелии, в Петрозаводске, посетите музей: в одной из комнат увидите гроб, крытый стеклом. В нем и находится «лекарство», вылечившее Сумский посад.

5

Старая и новая «Калевала».

Все изменяется, все течет...

Даже в руны «Калевалы» вливается новое содержание, даже на смену кантеле приходит более современный инструмент.

«Калевала» и кантеле — самые популярные слова в Карелии.

Где-нибудь в деревне в тихий вечер нетрудно набрести на такую сцену: на табуретках друг против друга сидят, взявшись за руки, два старика и поют, покачиваясь взад и вперед. Запевала споет строчку, ее тотчас же повторяет его помощник. Запевала тем временем обдумывает следующую. И все слушатели знают, о чем поют старики. Они воспроизводят отдельные руны «Калевалы».

«Калевала» — это замечательный сборник произведений карело-финского песенного эпоса, близкий по своему построению к гомеровскому эпосу «Илиады» и «Одиссеи». Песни «Калевалы» называются р у н а м и; они дают богатейший материал, знакомящий нас с пережитками прежних религиозных формаций в их тесной переплетаемости с новыми наслоениями. В «Калевале» обнаруживается первобытная песня и музыка. На ряду с повествовательными рунами имеются также обрядовые, заговорные, семейные. Характерным для финского эпоса является полное отсутствие исторической основы: похождения богатырей отличаются чисто сказочным характером; никаких отголосков исторических столкновений с другими народами в рунах не сохранилось.

В «Калевале» не действуют государства, народы или общество. Здесь доминирует семья, богатыри совер

шают подвиги не во славу народа, но для достижения личных целей, точь-в-точь, как в сказке. Типы богатырей находятся в связи с древними языческими воззрениями финнов: они совершают подвиги не столько при помощи физической силы, сколько посредством заговоров. Они могут принимать разный вид, оборачивать других людей в животных, переноситься с места на место, вызывать атмосферические явления — морозы, туманы и пр.

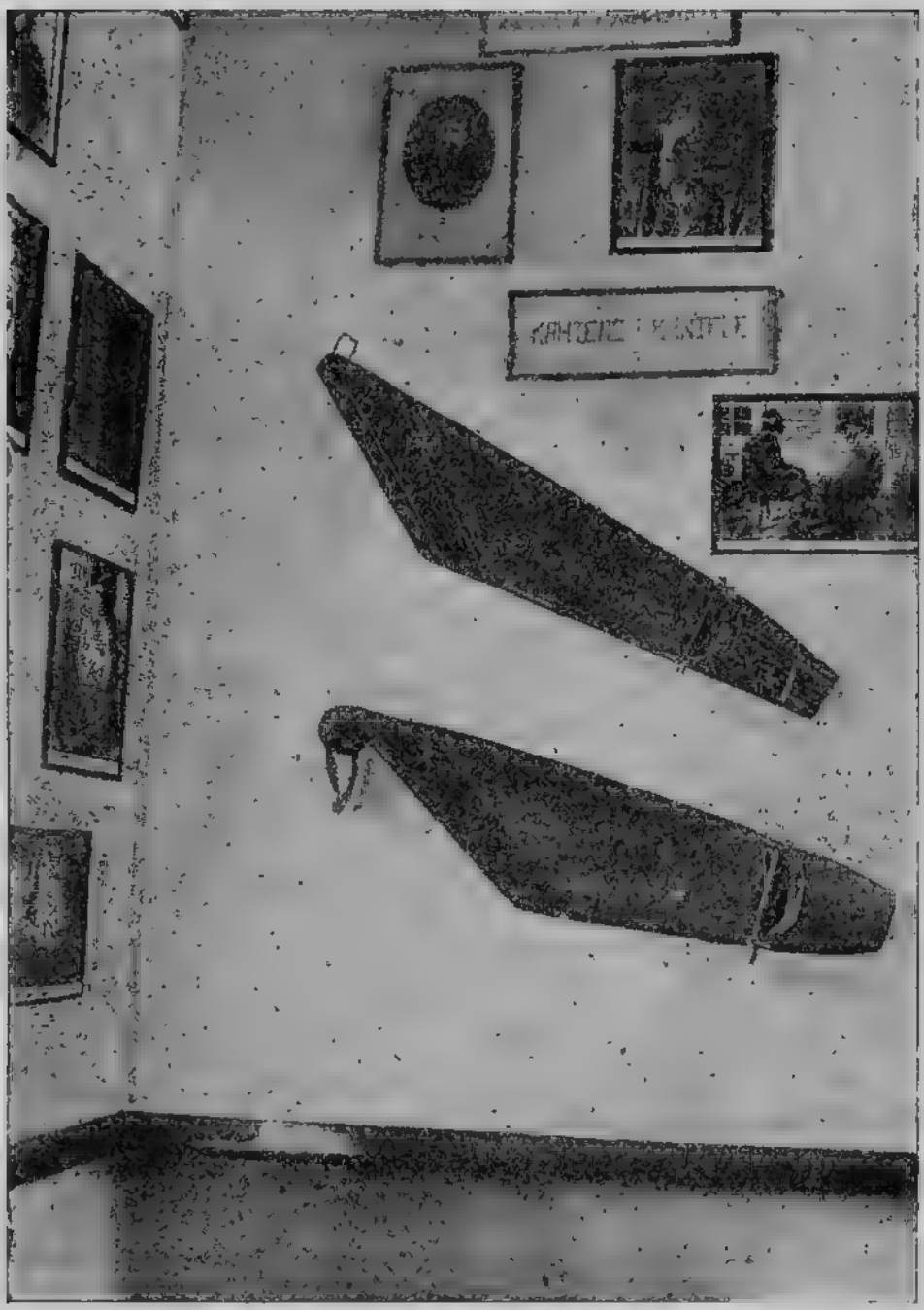
«Калевала» — эпическое имя страны, в которой живут и действуют воспетые в рунах народные герои. Калевала и Похьола — сказочные страны, упоминаемые в поэме, по мнению ученых, являются Финляндией, Карелией и Лапландией.

Мифологического родоначальника финских богатырей звали Калева, поэтому место его жительства названо Калевала. Его потомки и главные герои «Калевалы», во-первых, Вейнемейнен — сын девы воздуха и матери вод, изобретатель необыкновенного инструмента «кантеле», подчиняющий себе природу, людей и животных. Вейнемейнен мудр. Он постиг происхождение вещей, он первый засеял родную землю, он сохранил жизнь остальным героям «Калевалы».

Брат Вейнемейнена, кузнец Ильмаринен, который выковал небо, крышу воздуха, — второе замечательное лицо в поэме. Дальше — Лоухи, хозяйка страны Похьола (подразумевается Лапландия), владелица чудесной «сампо» (нечто вроде сказочной мельницы-самомолки или скатерти-самобранки), обладание которой делает человека счастливым, и целый ряд младших героев «Калевалы».

Родина «Калевалы» — нынешняя Карелия.

Самые интересные руны записаны на территории бывшей Олонецкой губернии, в Реболе и Химоле, затем



Национальный инструмент «кантеле» и портреты сказателей, выставленные в Карельском гос. музее.

в Кемском районе, в бывшей Вокнаволоцкой волости. Свыше ста лет тому назад по северо-восточной части Финляндии, по некоторым районам нынешней Карельской республики, из села в село, пешком ходил нестарый еще крестьянин. Его интересовали люди, знавшие песни. Он останавливался в домах певцов и сказателей, выслушивал весь их репертуар и терпеливо записывал все слышанное.

И никто не подозревал в высоком крестьянине, одетом в грубые одежду и обувь доктора Элиаса Леннрота, человека, окончившего академию в Або и забросившего впоследствии практику, чтобы по крупицам, по разрозненным клочкам собрать замечательное творчество своего народа. Благодаря Леннроту сохранено «драгоценнейшее сокровище эпической поэзии», как называет «Калевалу» профессор Гримм.

В 1828 году Леннрот выпустил первый сборник народных песен, под названием «Кантеле», но впоследствии, записав со слов стариков-певцов полсотни рун, впервые выпустил полностью «Калевалу». Это произошло в 1849 г. Его труд стал достоянием всего культурного мира и был переведен на четырнадцать языков.

В старой энциклопедии имеется справка об открытии Леннротом «Калевалы», где говорится, что собранные им руны, хотя и связывались в устной передаче певцами по-нескольку (например, несколько похождений Вейнемейнена или Леминкейнена), но они так же мало представляют цельную эпопею, как русские былины.

«Сам Леннрот признавал, что при соединении им рун в эпопею некоторый произвол являлся неизбежным. Действительно, как показала проверка работы Леннрота, ему приходилось делать добавления. Для большей связности рассказа он присочинял отдельные стихи, а последняя руна может быть названа его сочинением,

хотя и основанным на народных легендах. Для своей поэмы он искусно утилизировал все богатство финских песен, вводя на ряду с повествовательными рунами песни обрядовые, заговорные, семейные и этим придавая «Калевале» капитальный интерес как средству изучения мировоззрения, понятий, быта и поэтического творчества простонародья».

Пение рун «Калевалы» обычно сопровождалось аккомпанементом на кантеле. Созданию этого инструмента посвящена сороковая руна, об'ясняющая происхождение народного инструмента, изобретателем которого был якобы Вейнемейнен. По преданию, он, поймав щуку, распластал ее своим ножом на части и отдал девам варить ее. Остались рыбьи кости.

Старый верный Вейнемейнен
Посмотрел на эти кости,
Он со всех сторон их смотрит,
Говорит слова такие:
— Что могло б отсюда выйти,
Из зубов от этой щуки?

После недолгой беседы с кузнецом Ильмариненом Вейнемейнен приходит к заключению, что:

Из костей, однакож, может
Выйти кантеле, пожалуй,
Если б мастер здесь нашелся,
Чтоб их сделать инструментом.

Не найдя мастера,

Начал старый Вейнемейнен
Сам вязать те рыбьи кости,
Сам он мастером явился,
Инструмент он сам устроил,
Вещь на вечную отраду.
Выгиб кантеле откуда?
Выгиб—челюсти той щуки.
Штифтики его откуда?
Из зубов огромной щуки.

Струны кантеле откуда?
Из волос коня Хииси.

Предание отмечает, что первое кантеле погибло во время сильной бури, и старый Вейнемейнен заменил инструмент, сделанный из рыбьих костей, другим, сделанным из березы, снабдив его дубовыми колками и волосяными струнами.

И тогда вновь под его руками

. . . струны гусель зазвучали:
Скачут горы, рвутся камни,
Даже скалы задрожали,
Рифы треснули морские,
Хрящ по волнам закачался,
Сосны в радости плясали,
Ели прыгали в равнине.
И все жены Калевалы
Тут работу побросали.
Все мужчины, что там были,
Все стояли, снявши шапки...
Очи девушек в слезинках,
Парни стали на колени.
Все животные лесные,
Подобравши когти, сели,
Чтобы кантеле послушать...

В «Калевале» несколько рун посвящено описанию устройства кантеле — инструмента, слава которого среди карельского населения так велика. Правда, время несколько изменяло первобытный облик кантеле, описанный в рунах. Струны на нем, по мере цивилизации, стали заменять металлическими вместо волосяных, к тому же увеличивалось их количество, дошедшее от полудесятка до девятнадцати.

Кантеле, изменяясь в некоторой степени по внешнему оформлению, постепенно исчезает из карело-финского быта. Оно становится редкостью в нынешней Карелии. Иванов в своей книге рассказывает, как трудно было

раздобыть еще в 1913 г. экземпляр кантеле для этнографического музея.

В нынешнем государственном музее в Петрозаводске этот редкий экспонат имеется в нескольких экземплярах, отличающихся по построению друг от друга.

На смену кантеле пришли другие музыкальные инструменты, главным образом скрипка. Поэтому в большинстве деревень «Калевала» распевается ныне без всякого аккомпанемента, медленным речитативом, при чем певец слегка покачивается взад и вперед. Но несмотря на постепенное исчезновение кантеле, народные массы хорошо помнят любимый инструмент. Есть сведения о том, что в селах некоторых районов Карелии сохранилось несколько экземпляров старинного инструмента, а в селе Пряжа, Святозерского района, живет мастер, умеющий изготовлять кантеле и даже играть на нем.

Еще в прошлом году журнал «Карело-Мурманский край» поднял вопрос о необходимости наладить массовое изготовление кантеле. Мотивировка такова:

«Музыкальные способности широкой массы карельского населения несомненны; следует принять решительные меры к возрождению кантеле, наладить их массовое изготовление. Новые песни, песни не идеалистического характера, песни, отражающие жизнь и культурное развитие советской Карелии, Карелии, строющей свое социалистическое хозяйство, должны отразиться в национальном музыкальном оформлении. Кантеле не исчезло, кантеле еще живо в глубинах карельских деревень. Его надо возродить, и чем скорее это будет сделано, тем быстрее будет достигнуто одно из мероприятий национального развития».

...Новые песни, не идеалистического характера, песни, отражающие жизнь, культурное развитие, стройку

советской Карелии, будут исполняться под аккомпанемент старинного народного инструмента — кантеле.

В «Калевале» воспеваются люди, обладающие вещим даром совершать чудесное. Но разве люди, ныне превращающие глухую, заброшенную губернию, слывшую в прошлом «чортовыми куличками», в богатейшую страну с громадными возможностями, не творят замечательных вещей?

Не они ли превосходят своей мудростью Вейнемейнена и славного кузнеца Ильмаринена, когда заставляют гиблые болотистые земли давать превосходные урожаи, извлекают из рек, озер и водопадов электричество, проникающее в избы крестьян, приводящее в движение новые фабрики, заводы, когда изыскивают в глубинах гор минералы, идущие для удобрения земли, раскупаемые всем миром апатиты?

В глубине Карелии, в самых глухих деревнях люди видят и понимают значение совершившегося перелома и, понимая, делают первые попытки отобразить новую эпоху новыми рунами. Но не сразу приходят новые песни, они нарождаются вместе с новым бытом, строительством, вместе с изменяющимися взглядами карельских масс.

«Калевала» — выразитель начала сильного под'ема национального самосознания карело-финнов. Так характеризуют ее ученые.

Если так, то сейчас, когда национальное самосознание карельского народа, после веков борьбы нашедшего свою родину, стоит на небывалой высоте, новая «Калевала» должна выразить новый под'ем, охвативший страну. Пройдет пять-десять лет мощного строительства в стране лесов, озер и водопадов, перестанет Карелия быть «краем непуганой птицы», как назвал ее писатель Михаил Пришвин, посетивший республику в

те времена, когда никто не нарушал покоя девственных лесов, и вместе с делами новых людей зазвучат руны новой «Калевалы», и новый Леннрот будет собирать и опубликовывать народный эпос советской Карелии.

О том, что содержание «Калевалы» должно быть обновлено, заговорил стихами карельский поэт Аркадий Флорин в небольшом произведении «Две Калевалы». Оно интересно потому, что поэт указал темы будущих рун, указал словами карельского комсомольца Элиаса, показавшего слушателям наметку грядущей «Калевалы».

Стихотворение распадается на две части, обе коротки и заслуживают быть приведенными полностью.

«ДВЕ КАЛЕВАЛЫ»

1. Сказатель Ойле

Разлилася в далеких карельских деревнях
О сказателе слава немалая:
Знает много он песен красивых и древних,
Эти песни зовут «Калевалою».
Как-то в ночь рыбаки у костра золотого
Видят—возится Ойле со струнами,
И сказали ему: «Ты нам спой из былого
Сердцу милыми старыми рунами».
И старик заиграл и запел о героях
Ильмаринене и Леминкейнене
И о том, кто карельскую землю устроил,
О влюбленном в мечту Вейнемейнене.
Как он сеял ячмень под полуночным солнцем,
Как увлекся полярной красавицей,
И как лодку он строил ей из веретенца,
Чтобы с нею в Похьолу отправиться.
Оживали в полярной медлительной руне
Звуки кантеле, мир усыпляющей,
И звенели о Сампо старинные струны,
О колдунье, его охраняющей.
Угасала последняя песнь «Калевалы»
На устах у певца утомленного,

И молчали суровые люди и скалы,
Волны темные моря студеного.
«Пусть не мало чудесного, Ойле, в Похьоле,
Я не верю, что Сампо утрачено,—
Произнес молодой Элиас-комсомолец,
В гимнастерке, ремнем перехваченной.—
Устарел ты, отец, с «Калевалой» твоею
(Не сердись же, старик, это к слову я),
Дай мне гусли твои, до зари я успею
Проиграть и пропеть руны новые».

2. Песня комсомольца Элиаса

Не пою я, Ойле,
Сказок для детей,
В нынешней Похьоле
Не найдешь чертей.
Крепкий Ильмаринен
Кузнецом в депо,
Служит Леминкейнен
В лавке ТПО.
Увязал он с новью
Севооборот,
И его любовью
Баба не собьет.
Он сидит за лампой,
Роясь в чертежах:
Парень ищет Сампо
В хибинских горах.
В реченьках амперы
Ходят ходуном,
У Надвойц без меры
Железняк кругом.
Ходят неустанно,—
Други-рыбаки,—
Сампо в океане
Косяком трески.
Я бы спел немало
Всем набором струн
Новой «Калевалы»
Расчудесных рун.

Сколько новых вёсен
Есть у Октября,
Столько ж есть и песен,
Да близка заря.
В наше новолунье
Колдунам зарез,
Лоухи-колдуньи
След давно исчез.
Вейнемейнен в Коле—
Первый агроном,
Засевает поле
Славным ячменем.
Не до веретенца
Миновавших дней,—
Вейнемейнен солнце
Любит для полей.
Сампо—древесина,
Селенит и шпат,
Сампо—гнев турбины,
Сжатый в киловатт.
Залежью тюленей
Сампо спит у вод,
Табуном оленей
Ягель достает.
Когда Сампо солят,
Кантеле звучат
В песнях комсомола,
В смехе октябрят.
Хмурая Похьола
Ожидает нас...
Кончил комсомолец,
Юный Элиас.

Поднималось огромное солнце над морем
И скользило лучами-ресницами
По нагруженным шнякам, что, с волнами споря,
Мерно плыли спокойными птицами.
Рыбаки говорили про «Две Калевалы»,
Вспоминая их между уловами,
Сампо в мокрых сетях серебром отливало
И скользило на днища еловые.

В Карелии есть деревни, славящиеся тем, что в них проживают дряхлые сказители и сказительницы (так их там называют), знающие старинные песни, сказы и руны «Калевалы». В музее найдете уголок, увешенный портретами умерших сказителей.

Сказителей приезжают слушать из других деревень, иногда их привозят в города. Мне рассказывали о проживающем в Пудоже дряхлом старике, начиненном огромным зарядом рун и сказаний, обладающем способностью говорить их несколько часов под ряд. Недавно он был вывезен в Москву, где вечера его проходили на редкость успешно.

Народный песенный эпос, сложенный столетиями, представляет большой интерес и ценность, но поколение Октября требует иных песен, сложенных на канве не сказок, а фактов. Их споют старики, сказители Ойле, их создадут и будут петь в свободной Карелии творцы новой «Калевалы», молодые комсомольцы Элиасы.

ЧУДЕСА НА ПОЛЯРНОЙ ЗЕМЛЕ

На рассвете холодного августовского утра продрогшие от долгого ожидания люди увидели вдали сначала клубы сливавшегося с серым небом дыма, затем движущуюся точку. Поезд из Ленинграда в Кемь приближался к станции Лодейное Поле.

Лодейным Полем начинается Карелия.

Отсюда автобусы увозят в самый густонаселенный карелами Олонецкий район, сюда со всего района стекаются те, кому предстоит совершить дальнейший путь по Мурманке. Оттого что поезд опаздывал, людей на Лодейном Поле скопилось много, и некуда было деваться. Станция стояла, забаррикадированная лесами, залитая красками и известкой, усыпанная опилками, сорванной штукатуркой и кусками вылинявших обоев. Ее подвергли капитальному ремонту.

Люди стояли и сидели на платформе, мерзли, боролись со сном, а над ними в морозном воздухе вились струи пара.

Поезд нагонял упущенное время и на остановке долго не задерживался. Пассажиры рассосались по вагонам раньше, чем заспанные проводники появились у входов в них, и наслаждались теплой духотой прокуренных купе.

—Ваше место верхнее, — сообщил мне встретившийся внутри вагона проводник.

Купе оказалось двухместным. На нижней койке, укрывшись с головой, кто-то крепко спал. Мой приход

не встревожил его, он продолжал спать и так основательно, что мне пришлось последовать его примеру.

Продрав глаза, я выглянул в окно и увидел на фронтоне вокзала знакомую надпись «Petroscoi» и под собою — наслаждавшегося чаем спутника. Знакомство началось обычным в таких случаях вопросом: «далеко едете?» и предложением выпить стакан чая.

Мой спутник возвращался из Ленинграда к себе домой, в Кандалакшу. Туда, за сто километров от полярного круга, забросила его шесть лет назад путевка партии, и он не разочаровался спустя две недели в «жуткой глухомани», не поддался влиянию тоски и скуки, не сбежал оттуда. Он прочно осел в Кандалакше, работает на железной дороге, проводит (в этом я убедился позже) не малую культурную и политическую работу в северных медвежьих углах.

Биография его, рассказанная за стаканом чая, становится интересной с того момента, когда он, призывник, чтобы избавиться от царской казармы, подкупив трешницей дальневосточного жандарма, бежал через границу — в Куанченцзы.

— Это было в девятьсот одиннадцатом году. Тогда я усиленно посещал рабочие кружки, водился с партийцами. Служить царю-батюшке не больно хотелось. Убег в Китай, оттуда подался в Австралию. Позже приехала жена, появились ребятки. Жили там до революции, ходил я в чернорабочих, землекопом был. После революции со всей семьей назад на родину перекинулся, в город Владивосток. Пошел по специальности, на железную дорогу. Работал в депо Первая Речка, там и в партию приняли. Ныне служу на Мурманке. Выдвинули, теперь в выдвиженцах пребываю. Из рабочего, извольте видеть, в начальники превратили: Ведаю материальной частью.

От Петрозаводска до Медвежьей Горы поезд шел быстро. Из окна все время видны были луга и березы.

После Медвежки изменился пейзаж, а с ним и скорость поезда. Березы и луга сменились хвойным лесом и бесконечным количеством озер.

Мой спутник об'яснил, что причина замедления хода поезда — извилистость профиля дороги вследствие обилия озер, и рассказал, как каждый год изменяется к лучшему профиль Мурманки, выстроенной небрежно и наспех, и как ежегодный упорный и тщательный ремонт убыстряет постепенно движение в трудных местах. По-моему, мы шли чрезвычайно медленно, сносный конь обогнал бы наш поезд на этом перегоне, но Георгий Алексеевич — мой спутник — утверждал, что по сравнению с прошлым и позапрошлым годами, когда поезд шел здесь с быстротой черепахи, мы мчимся, как вихрь...

О дороге он мог говорить много и подробно, разбираясь во всех неведомых мне технических деталях. Его, знающего и умеющего водить паровоз, интересовала дорога, меня, только-что побывавшего в карельских районах, интересовали карелы. И осторожно я перевел разговор на них. За шесть лет пребывания в Карелии он, как и следовало ожидать, хорошо ознакомился с этим народом и полюбил его.

— Не так давно это было,—рассказал мне Георгий Алексеевич, — минувшей зимой. Послал меня районный комитет партии в деревни Верхнее и Нижнее Нильмозеро. Там, понимаешь, каша заварилась на почве переманивания рабочей силы. У нас ведь людей в обрез, сколько не приезжают — все мало... А там такая вышла история: жителей этих деревень, карелов, подрядил на работу по лесозаготовкам Кареллес. Вышли они на за-

готовки, поработали некоторое время, когда вдруг сбил их с пути коварный искуситель — Желлес. Переманил к себе всех до единого, совсем без рабсилы в этом районе Кареллес оставил. Ну, послали меня расхлебывать эту кашу.

Поезд замедлил ход и совсем почти остановился. Я выглянул в окно, ища причины, но вокруг все было безмятежно, спокойно.

— Это здесь часто бывает. Под'ем крутенек, — об'яснил Георгий Алексеевич и, закурив, продолжал прерванный рассказ.—Приехал, выходит, в эти два Нильмозера, отыскал одного паренька карельского, комсомольца, который и по-нашему и по-ихнему хорошо разговаривает, созвал всех жителей на собрание, стал речь держать, доказывать карелам, как нехорошо они поступили, поддавшись уговорам Желлеса и оставив своего первого нанимателя без людей. Тут сразу и выяснилось, что пошли на удочку все оттого, что Желлес схитрил, прямо скажу, обманул их.

Карел — человек честнейший, никогда чужого рубля не зажилит, касательно трудолюбия карела тоже худого слова не скажешь. Как только удалось раз'яснить собравшимся, как все это нескладно получилось, они и постановили: отработать Желлесу весь взятый у него аванс и немедленно начать заготовки для Кареллеса. Тогда решил я их еще получше подтянуть и говорю:

«Вы, товарищи карелы, работаете, я знаю, быстро, на редкость дружно и всем коллективом. Так вот, поднажмите получше, чтоб у Кареллеса из-за вашей ошибки прорыва не получилось. Дадим лес для своей страны к летнему строительному сезону, дадим его за границе в обмен на машины — скорее пятилетку выполним...»

Выслушали они меня очень внимательно, и сами, понимаете, выдвинули предложение: решили вызвать ле-

сорубов соседней русской деревни Черной Речки на социалистическое соревнование. Идея, нет спора, хорошая, да только узнал я, что в Черной Речке сорок домов, а в обоих Нильмозерах — Верхнем и Нижнем — всего семнадцать. Меж тем нильмозерские карелы вызывают чернореченцев выполнить одинаковую с ними программу по заготовке леса.

«Как же вы с ними беретесь тягаться, ежели ихнего брата, мужика, больше вашего в два с половиной раза?»

А они на своем. Решили не снижать цифру.

— И что же, состоялось это соревнование? — заинтересовался я.

— Обязательно. Уж карелы, если что задумают, — выполнят непременно.

— А результаты этого соревнования известны?

— Да уж известно какие результаты. Вышли карелы победителями, превзошли чернореченских растяп. У них разгильдяйства в работе не полагается. Слыхал я, что, достигнув успеха в этом соревновании, оба Нильмозера слились в один коллектив.

Поезд прошел станцию Масельская, и через несколько минут мы почувствовали едкий запах гари. Выглянув в окно, увидали лес, завуалированный дымом, стлавшимся у самого окна вагона, проникавшим внутрь.

Где-то, очевидно, недалеко, был лесной пожар. Дышать становилось с каждой минутой труднее. Закрыли окно, и через несколько времени стекло из прозрачного стало опаловым — так густо заволок его дым.

Поезд приближался к Кеми, конечному пункту своего следования. Мне предстояло там остаться, моему спутнику — пересесть на другой поезд, идущий до самого Мурманска.

О Кеми я знал страшно мало. Однажды в Петрозаводске заглянул в пожелтевший за 35 лет своей жизни том энциклопедии старика Брокгауза и в нем отыскал сведения о Кеми. Словарь дал исчерпывающий ответ о тогдашнем городе и его уезде.

Чем была Кемь?

Брокгауз ответил обстоятельно: «Уездный город Архангельской губернии под 64° 56″ с. ш. при вершине Кемской губы, главным образом на левом берегу реки Кеми. В XV столетии Кемь была волостью посадницы Великого Новгорода Марфы Борецкой и в 1450 г. ею подарена Соловецкому монастырю. В 1579—1580 гг. финляндцы (каянские немцы) сделали опустошительный набег на Кемь; соловецкий воевода Озеров и многие стрельцы были убиты, но воевода Аничков разбил и прогнал каянцев. В 1590 г. шведы разорили Кемскую волость. Спустя год вся волость с Меузерским монастырем, крестьянами, варницами и промыслами была отдана Соловецкому монастырю, который в 1657 г. выстроил здесь двухэтажный острог и вооружил его пищалями и пушками.

В 1764 г. Кемь вошла в состав Онежского уезда и спустя тридцать лет сделана была уездным городом Олонецкого наместничества».

Здесь целесообразно прервать повествование Брокгауза. Оно немногим отличается от сохранившейся до наших дней «Истории о новоучрежденном городе Кеми, состоящем в Олонецкой губернии, в Петрозаводском ведении, при пределах Белого моря, Северного океана, на реке Кеми».

Древний документ рассказывает, что:

«...оная Кемская волость в лето 1579 и 1590 от шведов дважды была воюема. Храмы божии и обывательские дома выжжены, жители побиты, иные в полон

взяты, другие разбежались. По наступлении лета 1591 года, по грамоте царя и великого князя Федора Иоанновича, Кемская волость отдана Соловецкого монастыря игумену Иакову с братией. Того же лета, августа 29 дня, по таковой же царя и великого князя грамоте, велено ему, игумену с братиею, ведать суд и расправу над крестьянскими властями Соловецкого монастыря или кому они прикажут».

После бесконечных войн и набегов Кемь в 1764 г. вернулась в ведение «государственной коллегии»; спустя год ее об'явили городом, и открыть его приехал олонецкий губернатор Державин.

В девяностых годах прошлого столетия в Кеми был проведен телеграф, уже нащупывавший пути к поселку Кандалакша. К Мурманску телеграф не проводили. В те годы не было такого города. Не ищите его поэтому в старых картах и энциклопедиях.

В Кеми и уезде насчитывали 125 церквей и часовень, но каменный дом был лишь один. Знали, что в уезде имеются серебро-свинцовые залежи, что по реке Выгу встречается золото, что немало есть медных и железных руд, но никто их всерьез не разрабатывал, не делал предметом промысла.

Жители ловили рыбу, рубили лес, нуждались в хлебе, которого местным хлебопашцам-карелам хватало самое большое на 4-5 месяцев. Вместо разработки естественных богатств занимались охотой, извозом, перевозкой товаров водою. Сокровища природы оставались нетронутыми. Монастырь и острог не брали на себя этой сложной миссии. Правительство не очень интересовалось окраинами, и потому Кемь развивалась медленно, едва насчитывая к концу прошлого столетия две тысячи жителей.

С этим запасом устаревших сведений под'езжал я к

Старинная церковь — былая достопримечательность Кеми.

районному городу Карельской республики Кеми, расположенному на реке Кеми, в восьми верстах от впадения ее в море.

Вокзал в Кеми, как и по всей Мурманской дороге, составляют несколько невзрачных деревянных домишек. За плечами этого вокзала появился ряд более поздних и значительно лучших зданий. Но до центра деревянного города Кеми, чью биографию я привел в двух выдержках, минут двадцать ходьбы.

— Пошли вместе, — предложил мне Георгий Алексеевич. — В моем распоряжении около семи часов, да и поезд, вероятно, опоздает.

Сырую ночь сменил знойный, солнечный день. Улица от вокзала в город «вымощена» вязким песком и застроена лачугами, сохранившимися должно быть со времен Марфы Борецкой или каянских немцев. Все они заселены, и, повидимому, плотно. Позже я узнал, что прирост населения в Кеми происходит достаточно быстро, и ныне количество жителей города превышает четыре тысячи.

Без расспросов и указаний местных аборигенов можно разглядеть контрасты, внесенные в жизнь города советской эпохой. Старая Кемь представлена разбросанными, наставленными без плана деревянными домиками, плюгавенькими и древними, а рядом нарождаются распланированные улицы, с деревянными же, но уже двух- и трехэтажными жилыми домами, среди которых выделяется новый Дом просвещения, новое здание пожарной команды с каланчой и наконец мощное сооружение из бетона и железа — трехэтажный универмаг. Он — местная примечательность.

Десятки строящихся домов, груды лесоматериалов, близость моря и порта, кипение стройки — все вместе взятое заставило мою правую руку машинально потя-

... мой спутник извлек несколько древних книг.

нуться к висевшему сбоку на ремне футляру с фотоаппаратом. Из-за аппарата мне частенько приходилось держать ответ в соответствующих учреждениях и отныне, умудренный опытом прошлого, я посещаю их раньше, чем извлекаю аппарат из удобного футляра.

Вместе с попутчиком заходим в административный отдел узнать, не будет ли препятствий для фотос'емки. Там нам не только дают разрешение, но и напутствуют советом:

— Не забудьте, товарищи, снять старую церковь. Она в нашем городе главная достопримечательность. Выстроена в шестнадцатом или семнадцатом столетии. Ее всегда во всех журналах печатали. Старинная архитектура.

Старую церковь отыскали быстро. Прошли улицей, расположенной вдоль берега Белого моря, и очутились подле дряхлой многоглавой церкви, сооруженной, повидимому, вскоре после нашествия на Кемь каянских немцев.

Подле деревянной церкви — могила, — и на ней каменный памятник купцу Антонову, уроженцу Кеми, приказавшему долго жить более полувека назад.

Антонов не был выдающейся в истории личностью, не спасал отечества, не призывал закладывать жен и детей. Золотые буквы надгробной надписи рассказывают его бесхитростную биографию. Оборотистому купчине тогдашняя Кемь показалась слишком незначительным пунктом для его торговых предприятий, и он перекочевал в Москву. Богатый Антонов не забывал о посмертной славе и в заботах о ней положил в купеческий банк некую сумму денег, завещав выстроить в Кеми новый собор, когда капитал с процентами достигнет такой-то цифры. Себя Антонов велел похоронить в той же Кеми подле старинной церкви.

Его волю исполнили в точности. Похоронили, поставили дорогой памятник, позже выстроили и собор.

Все четыре стены памятника испещрены высеченными в камне, покрытыми золотом надписями, в роде «Господи, прими дух мой с миром», а на лицевой стене золотыми буквами выбиты три строфы, очевидно, заказанные и оплаченные Антоновым задолго до смерти. В дюжине строк бард из охотнорядского трактира честно воспел «подвиги» кемского купца Антонова.

На хладных тундры берегах
Под мраком северной природы
Провел в заботах и трудах
Своей ты молодости годы.
Когда же телом и умом
Окреп ты, сильный и могучий,
Не мог ты жить в краю родном
С своей энергией кипучей.
Но не забыл ты край печальный,
Всегда любил его душой,
И в город Кемь, на север дальний,
Ты прах велел отправить свой.

Бегло осмотрев церковь и памятник, мы собрались в дальнейший путь. Оба мы слабо разбирались в красотах стародавней архитектуры, и восхищение наше перед старинной постройкой было кратковременным.

Много длительнее было наше возмущение. Мы обнаружили, что в окне старой церкви, уставленном плотными рядами древних книг, нехватает стекол. Тисненые муаровые, шелковые и свиной кожи переплеты оказались подмоченными. Мой спутник извлек из неостекленных квадратиков окна несколько книг; это были древние издания, насчитывающие десятки, сотни лет. Нет сомнения — им место в музеях, на полках специальных хранилищ или библиотек, но не здесь, на омываемой дождями книгосвалке.

При желании мы могли бы унести несколько уникумов из древней кемской церкви и никто этому не стал бы препятствовать. Мимо ограды проходили люди, равнодушно смотрели на нас, вытаскивавших книги, и спокойно продолжали свой путь.

После Петрозаводска самым крупным центром Карелии — экономическим и административным — считается Кемь. В ней имеется значительный морской порт, железнодорожные мастерские. Два лесопильных завода, работающих на местном сырье, находятся близ Кемь-Кеми, на острове Революции. Несколько клубов, своя газета, школы, гостиница — эти непременные показатели культуры и роста — в Кеми налицо.

Кемский порт, как и центр Кеми, энергично застраивается. Мы видели постройку приемо-передаточной радиостанции и двухэтажного жилого дома водников, при нас началась подготовка к постройке мастерских для ремонта судов с механической, слесарной, медно-литейной, кузнечной и деревообделочной мастерскими. Об этих мастерских много толкуют в порту. Они будут сооружены по новейшему способу, включат комнату для отдыха и завтраков, удобную раздевальню, души, умывальные комнаты — словом все то, о чем не имеет пока представления рабочий северной окраины.

Люди авансом проникаются уважением к будущим мастерским. Они не будут сплошь деревянными, как все строения Кеми. Наполовину новые мастерские будут состоять из кирпича. В будущем году, помимо мастерских, в кемском порту появится еще пожарное депо, материальный склад и новые жилые дома.

В Кеми работает лесозавод, по вечерам зажигаются лампочки над клубами и кино, сюда приезжают из столиц гастрольные ансамбли, слышна непрерывно мелодия пароходных гудков и свистков паровозов.

Новая и старая Кемь.

В Кеми центральный театр ставил полностью гоголевского «Ревизора» и анонсировал интересный концерт. В клубе «Профинтерн» давал спектакли прибывший из Ленинграда молодой украинский театр, клуб имени Минина показывал новую советскую пьесу, летний сад — спортвыступления, а в клубе водников было торжественное собрание в ознаменование десятилетия Карелии. Это — в один день, не считая разных докладов, кружковых занятий, совещаний.

Прежним хозяевам здешних мест, занимавшимся промышленностью монахам, никогда и не снились даже частично те возможности, которые можно извлекать на этих землях. Монахи промышляли главным образом добыванием соли из морской воды посредством выпаривания ее на сковороде. Дух наживы, предпринимательства был характерною чертою для тогдашнего монашества.

Все население тогдашней Кеми, посадское и городское, экономически было связано с монастырем и находилось в зависимости от богатого работодателя и вотчинника. Кустари и ремесленники были связаны не с рынком, а со скупщиком-монастырем.

Оттого, что все почти рыбные реки принадлежали монастырю, крестьяне, занимавшиеся рыболовством, вынуждены были отдавать одну десятую часть улова кемской таможне, а всю остальную рыбу делили пополам с Соловецким монастырем. Тогдашний хозяин этих мест, монастырь, одним из первых применил в своих вотчинах барщину; крестьяне платили монастырю оброк зерном и обязаны были в определенные праздничные дни делать приношения продуктами сельского хозяйства.

Среди целой плеяды купечествовавших монахов, мало отличавшихся друг от друга, был один незаурядный

человек, попавший, правда, в монастырь поневоле. Происходивший из боярского рода Филипп Колычев после опалы, в которую попал весь его род, бежал из Москвы в монастырь, расположенный «на краю вселенные в океанистой пучине» и там очень быстро выдвинулся, став в 1546 г. игуменом.

Этот игумен Филипп проявлял не малые способности изобретателя-конструктора, к тому же был толковым предпринимателем, о котором соловецкий летописец говорит, что он «был не только добрый пастырь словесных овец, но и мудрый эконом и механик обители своей». Игумен Филипп всю свою энергию применил к строительной деятельности. Он основал на острове кирпичный завод, работавший по упрощенной им системе при помощи блоков, приводимых в движение запряженными лошадьми.

Филипп усовершенствовал квасоварение: вместо сливания кваса в чаны ручным способом устроил систему труб, которые вели в погреб к бочкам. На мельнице по его указанию устроили телегу, которая «сама насыплется, да и привезется, да и сама высыплет рожь на сушило». Устроен был механизм для сева, так что «десятью решеты один старец сеет». Устроено было решето, которое «само сеет, и насыпает, и отруби и муку разводит розно, да и крупу само же сеет, и насыпает, и разводит розно крупу и высейки».

Изобретательный игумен соединил каналами систему озер на острове. Он пытался наладить на материке железные промыслы, но сделать это ему не удалось. В то время главная масса продаваемого в крае железа производилась карелами.

«Техника» игумена Филиппа с небольшими изменениями продолжалось несколько столетий, потому что Олония отставала от мира на века, отставала даже от

своей отсталой страны, от мало интересовавшейся окраинами российской империи.

И лишь теперь, окончательно избавившись от современных «каянских немцев» — монахов, белофинских и прочих бандитов, — Кемь и Соловки по-большевистски начали разрабатывать богатства полярной земли. На смену кустарщине идут заводы, комбинаты, фабрики, оборудованные по последнему слову техники; жалкие пристани, порты и дороги перекраиваются на европейский лад, ветхие бараки сменяются просторными, высокими домами.

Державинской Кеми больше нет. Посад Марфы Борецкой приказал долго жить. Еще недавно здесь царила старинка и в облике города и в быту.

Советская Кемь выветривает дух старины, энергично заливая край новью. Кемь охвачена стройкой, Кемь будет индустриальной, кемский порт, часто видящий в своих водах иностранные суда, займет должное место среди советских портов. У многострадальной Кеми отныне есть свое будущее.

2

Мимо обломков титанических ледников.— Станция Полярный Круг. — Несколько сведений о далеком и недавнем прошлом Кандалакши.

По стальным нитям Мурманки густо дымивший паровоз увлекал зеленую цепь вагонов к полярному кругу.

Цепь подвигалась вперед солидно, неспешно, но заметно суровее становился с каждым часом пейзаж, все реже попадались станционные постройки, мельчал лес, пустыннее были поляны. По обе стороны дороги, сквозь окна вагонов виднелись огромные камни, валуны и «бараньи лбы», обломки пород, некогда отточенных титаническими ледниками, разрушившими горные по-

роды и разбросавшими остатки их по всему краю, перенося их на тысячи километров от родных мест.

Поезд полз из Кеми в Кандалакшу, расположенную, как известно, за полярным кругом.

Поезд действительно ведет себя неважно, плетется, словно делает кому-то одолжение. Люди входят и выходят на ходу, обгоняют его, осыпают градом насмешек; это нисколько не помогает поезду, не заставляет убыстрить черепаший шаг.

Приближался вечер, не заметный, потому что в августе в полярной части Карелии ночи стоят светлые, почти белые. Подходили к станции Боярская. Это не было достижением. К Боярской должны были притти еще днем, но мы так безнадежно отстали от расписания, что перестали даже подсчитывать часы опозданий.

На Боярской пассажиры, ехавшие впервые по этому пути, толковали о том, что до Полярного Круга осталось всего две станции. Я пишу здесь Полярный Круг с прописной буквы лишь потому, что речь идет о станции Полярный Круг. Радость оказалась преждевременной. В нескольких километрах от Боярской паровоз застонал, тяжело выдыхая пар, и остановился.

Выяснилось, что скверно отремонтированный паровоз не может осилить крутого профиля пути, не может взобраться на под'ем. Главному кондуктору пришлось взять жезл и пешком направиться назад к Боярской, чтобы вытребовать для нашего злополучного состава другой паровоз.

Остановка обещала быть длительной, вагоны быстро опустели: пассажиры рассыпались по обе стороны состава, разбрелись по лесу, собирая в изобилии северную ягоду. На паровоз поглядывали искоса, с нескрываемым отвращением, точно он—самый злостный вредитель.

Через несколько часов тронулись дальше, ведомые каким-то захудалым паровозиком, отстегнутым второпях у товарного поезда, оказавшегося где-то поблизости. Ночью проводник с полным равнодушием бросил в пространство вагона:

— Станция Полярный Круг. Кому выходить?

Вышли, кажется, все. Во всяком случае все, ехавшие этим путем впервые. И разочарованными вернулись тоже все. Люди ожидали небычайного, арктического, а оказалась самая заурядная деревянная станция с кипятком, каких десятки на Мурманской дороге. Нет никакого круга, и полярности не больше, чем на предыдущих станциях.

— А все-таки, север начинается здесь, вот на этом самом невзрачном месте,—пытается кто-то придать авторитетность разочаровавшей всех станции.

— Отсюда открывается путь на Норд, — щегольнул еще кто-то познаниями и зевнул.

Светлая ночь плохо содействовала нормальному сну. Люди скучились, спали скверно, путали время.

Опоздание томило. Путь от Кеми до Кандалакши, длящийся при нормальном движении десяток часов, тянулся уже больше двадцати, а конец поездки еще не был виден. Проводник, правда, уверял, что при всех случайностях достигнем Кандалакши не позже рассвета, и это меня чуть печалило.

Я уговорился заехать к своему прежнему попутчику, Георгию Алексеевичу, но адрес данный им, смущал меня.

В самом деле, что за чудовищный адрес: Кандалакша, дом номер такой-то, квартира такая? Или еще проще:

— Приедешь в Кандалакшу, спроси меня, там и покажут.

— А улица как называется?

— Какая там улица. Приедешь—найдешь.

Одним словом, все было бы хорошо, когда б поезд пришел во-время, не глубокой ночью; я рисковал очутиться без приюта до наступления утра. Про себя я был уверен, что никто не выйдет навстречу опоздавшему поезду, и Кандалакша, в отместку за неаккуратность, встретит его полным безлюдьем.

О Кандалакшском районе я знал, что он упирается на севере в границы Мурманского округа, на юге соприкасается с Лоухским районом, что в нем 20% занимают водные пространства, 50% площади находится под лесом, 29% — под болотами и тундрами и лишь один процент занят сельскохозяйственными угодиями.

Главным источником существования населения является рыболовство.

Центр района—село Кандалакша — расположен на восточной стороне Кандалакшского залива Белого моря. По-фински Кандалакша означает край залива. Кандалакша относится к числу древних северных поселений, окончательно сложившихся в результате боярской промысловой колонизации «Господина Великого Новгорода».

Новгородцы не были первыми обитателями Кандалакши.

История рассказывает, что карелы еще в восьмом веке осели у берегов Онежского и Ладожского озер, откуда затем расселились по Карелии и Финляндии. Уже в те времена Кандалакшский залив должен был привлечь внимание карел богатством рыбы, место же, где расположена нынешняя Кандалакша, в силу своего географического положения (река Нива, защищенность залива лесистыми возвышенностями), было наилучшим для поселения. В летописях имеются указания на то,

что новгородцы посылали сюда своих священников для насаждения христианства среди карел.

Отсюда заключение, что в одиннадцатом веке Кандалакша уже существовала как населенный пункт. Это подтверждает каменный лабиринт древней архитектуры, находящийся вблизи Кандалакши. Местные жители называют историческое сооружение «Вавилоном».

Но не глубокая старина интересовала меня. Гораздо любопытнее было узнать, что представляла собою Кандалакша в начале двадцатого века, когда была частицей империи, не связанной с центром железной дорогой. Об этом периоде начала девятисотых годов мне говорил Георгий Алексеевич.

Сообщение с Архангельском, Александровском и Кемью до сооружения Мурманки поддерживалось санным путем и было затруднительно из-за крайне плохих дорог, из-за частых вьюг и снежных заносов. Летом сообщение поддерживали пароходы Мурманской коммерческой компании. Почти до самого 1910 г. в Кандалакше имелось не больше сотни дворов и человек шестьсот населения, преимущественно русских поморов» (поморами на Мурмане называют жителей Поморского берега Белого моря) и карел.

Главнейшим источником существования населения служило рыболовство, особенно сельдяной промысел. На девяносто процентов население черпало свой доход от рыбы. Но в те годы беломорская селедка не имела еще сбыта внутри империи. Из-за бездорожья и дороговизны тогдашнего транспорта самыми отдаленными рынками сбыта ее служили Архангельск и Вологда. Кроме того обработка, посол сельди до революции делался самими рыбаками, и, конечно, очень не важно.

Зеленая цепь вагонов добрела, наконец, до Кандалакши.

3

Контрасты двух строек. — Победители неприступной земли. — Лесозавод на пустынном берегу залива. — Мой спутник Георгий Алексеевич о себе и о жизни за полярным кругом. — Свадебное путешествие касаток. — Легенда об исчезающем озере.

День намечался хмурый, дождливый. Небо заволокли свинцовые тучи, станция тонула в опаловом тумане.

Сквозь всю эту муть я умудрился отыскать финского типа деревянный домик, был ласково в нем принят и через несколько минут крепко уснул под пушистым одеялом, вывезенным Георгием Алексеевичем из Австралии. Белые ночи окончательно сморили меня; они гнали прочь сон, и в последнее время мне приходилось спать не больше трех-четырех часов в сутки.

После сна и чая я почувствовал себя окрепшим.

Георгий Алексеевич сообщил, что по случаю моего приезда взял на сегодня выходной день и решил сопровождать меня, чтобы самолично показать Кандалакшу и все ее достопримечательности.

Кандалакша предстала перед нами пронизанной дождем, неряшливо разбросанной грудой черных деревянных строений. Вокзал в ней выглядит самой незатейливой хибаркой, более убогой, чем телятник у хорошего деревенского хозяина. Позже мы смотрели сохранившиеся кое-где бараки строителей Мурманки, выглядевшие немногим лучше вокзала.

Это памятники дореволюционного строительства. Жить им осталось недолго. Самое большее до конца первой пятилетки. Рядом с жалкими домишками четко вырисовывается облик будущей Кандалакши, не только экономического центра севера Карелии, но и крупного железнодорожного узла, распространяющего свое влияние от Кеми до Мурманска, между которыми он находится.

Строившаяся на живую нитку Мурманка не очень-то заботилась в прежние годы о возведении хороших построек вокруг полотна дороги. По-новому стали строить уже новые хозяева дороги, успевшие за несколько лет возвести на юге Кандалакши, ставшей узлом, прекрасное здание депо, а на севере гордость села — большой и очень красивый клуб имени десятой годовщины Октября. По сравнению с клубом и депо все то, что настроили былые воротилы дороги, кажется не только смешным, но и мерзким.

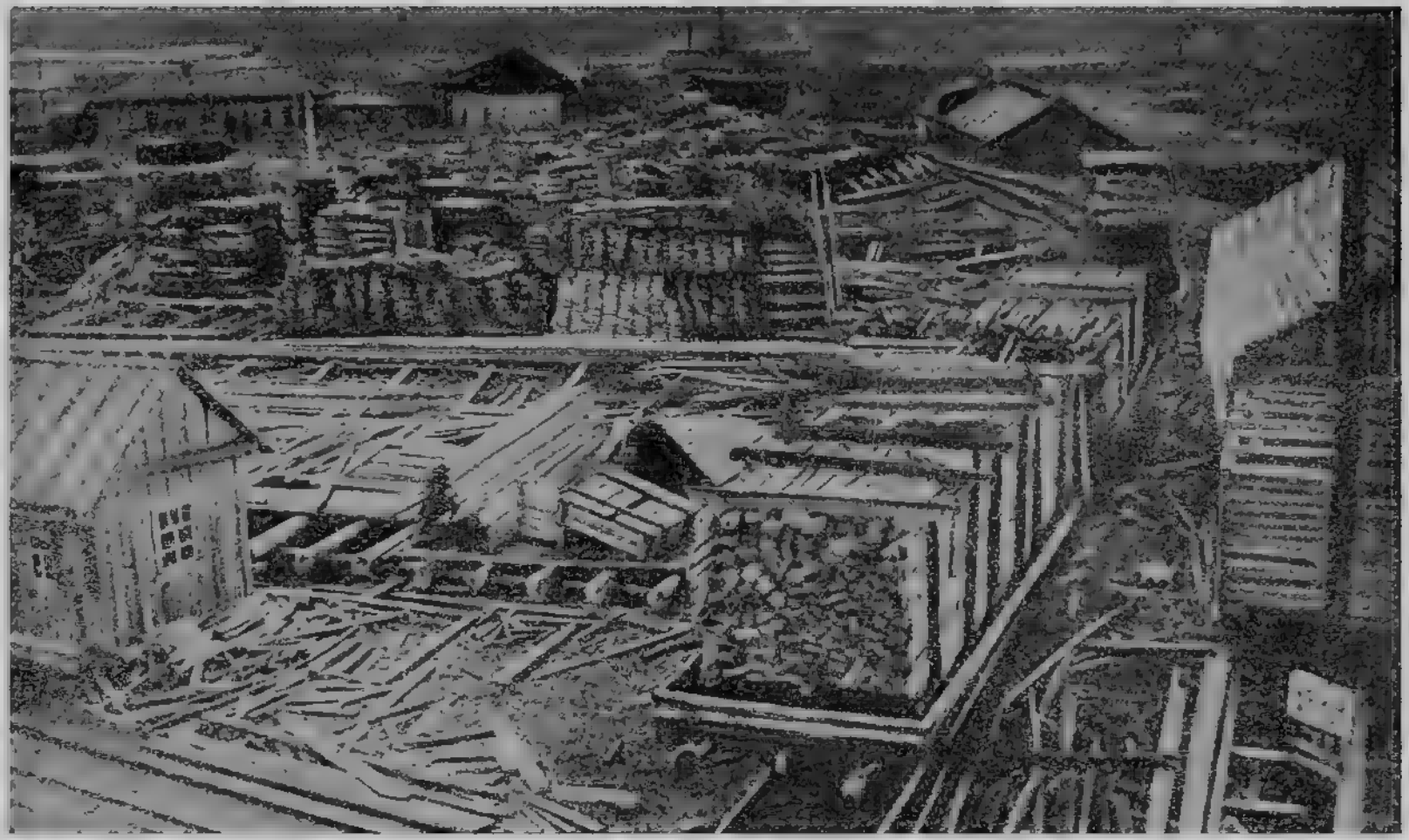
Если бы старое строительство имело хоть столетнюю давность—другое дело. Но ведь всю эту рухлядь строили каких-нибудь 14-15 лет тому назад: и вокзал и халтурные домики железнодорожников, глядевшие серым пятном в дождливый день и кажущиеся еще более жалкими при сравнении с новыми зданиями и множеством новых двухэтажных деревянных жилых домов.

Мы шли к клубу и по пути разглядывали новые дома и созданные заодно с ними новые улицы. Георгий Алексеевич рассказывал, что в тридцатом году дорога выстроила в Кандалакше пятнадцать двухэтажных домов для железнодорожников, интернат, поликлинику и больницу. Клуб тоже готов и работает. На очереди снос с лица земли жалкого и унылого здания вокзала.

— Года через два в Кандалакше будет выстроен большой вокзал, — сказал мой спутник, когда мы поравнялись со старым бесколесным вагоном, ушедшим на треть в землю, указал на вагон и сердито добавил: — тогда и этого безобразия не будет...

— Какого?

— Да вот такой багажной. В этом старом товарном вагоне помещается багажное отделение. Позор! И это на узловой станции, с таким депо, таким клубом...



За полярным кругом, в Кандалакше, появился огромный лесозавод.

Клуб оказался замечательным.

Прекрасные два зала — зрительный и спортивный, читальня, вестибюль, не уступающий столичным, вместительная сцена, словом, помещение, где забываешь о том, что за стенами его находится всего-навсего приземистая Кандалакша, недавний бедный рыбацкий поселок.

Этот клуб — один из лучших домов, имеющихся за полярным кругом.

Выходя из клуба, попадаешь словно в другой мир.

После фундаментальных комнат, залитых электричеством зал, вестибюлей, вновь извилистые тропинки так называемых улиц, вновь бессистемно насаженные дома, словом, колорит старой, глухой российской деревни, не тронутой культурой и новью.

Однако, Кандалакша основательно захвачена тем и другим — и культурой, и новью, и строительством.

Георгий Алексеевич вел меня к одной из крупных единиц промышленности, недавно выстроенному лесозаводу, несколько лет назад появившемуся на полярной земле. Мы удаляемся от станции, идем вдоль рельс, по насыпи, в чаянии наскочить на какой-нибудь паровоз или состав, идущий по направлению к заводу. Пешком путь от вокзала до него можно одолеть минут за сорок, но в дождливый день эта прогулка удовольствия не представляет.

Как назло никакой оказии к заводу на пути не встретили; оттуда к станции плелся небольшой состав, с огромным напряжением влекомый вперед, в гору, паровозом, пыхтевшим так же тяжело и устало, как тот, вчерашний, не довезший до Кандалакши поезд. Со стороны, говорят, виднее. Мы вместе наблюдали усилия, при помощи которых машинист пытался вытащить несколько теплушек на крутой под'ем, видели,

как он отводил поезд вниз, по уклону, набирал побольше паров и, сделав разгон, осилил крутизну.

— Видал?—спросил Георгий Алексеевич. — Не езда, а борьба сплошная. И так по всей Мурманке. И это уже благополучие по сравнению с тем, что застал я здесь шесть лет назад. На этих под'емах вечно составы рвались на несколько частей, приходилось паровозу потом возвращаться собирать их. Легко ли при нашей одноколейности? Теперь каждый год меняет профиль пути, постепенно облегчает работу машинистов, но до полного благополучия Мурманке далеко. Многое изменилось на ней с тех пор, как дорога в наших руках, но впереди еще работы непочатый край.

Дорога, по которой мы приближались к заводу, не была сплошь пустынной. Лес заметно отступал и сдавал позиции людям. На раскорчеванных участках желтели свежеотесанными домами поселки железнодорожников и переселенцев; участки, усеянные пнями, ждали вмешательства людей. Новые люди творят здесь новую жизнь и делают полярную землю плодородной, заставляют буйно разросшийся лес давать валюту стране, поднимают до небывалых размеров улов рыбы.

Мурманке нужен в первую голову лес, и брать отсюда сырье, отправлять куда-то на заводы в переработку, привозить обратно — это было б не по-хозяйски, было бы чудовищной расточительностью. И правление дороги находит выход из положения. Есть лес, прибывают люди.

Сырье и рабочая сила налицо. Нехватает лишь завода, который превращал бы сырье в строительный материал. По инициативе бывшего директора дороги Арнольдова в Кандалакше, которая за полярным кругом, на полярной земле, был создан в 1925 г. лесопильный завод.

Земля была неудобная, вся в ямах, рытвинах и ухабах, оставшихся после выкорчеванного леса. С первых же дней существования заводу пришлось бороться за улучшение территории, на которой он расположен. В ход были пущены четыре русских рамы и два обрезных станка, при чем их приводили в движение не паром, а электричеством. Это было новшеством, потому что даже многие находящиеся в центре страны лесозаводы до сих пор приводятся в движение паром.

Лесозавод, созданный дорогой, вначале служил ей одной. Полтора года он снабжал Мурманку высокосортным лесом, но однажды, на середине второго года работы, обнаружили, что выработка продукции превышает требования, пред'явленные ему хозяином — дорогой. Тогда появились заказчики со стороны.

Это повлекло к росту находившегося в младенческом возрасте лесозавода. Понадобились новые люди. Их привозили со всех концов Союза, ими до краев заселили три жилых барака, выстроенных одновременно с заводом. Приток людей продолжался. Селились и жили в старых теплушках, облепивших площадь завода так густо, что называли ее «красной деревней».

Рост, конечно, обязывает.

Завод крупнел, становился солиднее, мог думать о подлинном строительстве, и халтурная «красная деревня» становилась бельмом на заводском глазу. В 1927 г. ее снесли, стали заменять приветливыми деревянными домами, и вот сейчас, спустя два с лишним года, на месте покосившихся гнилых теплушек мы видим крупный рабочий поселок, окаймивший лесозавод.

Когда вопрос о жилье рабочих урегулировался, благополучнее стало с кадрами.

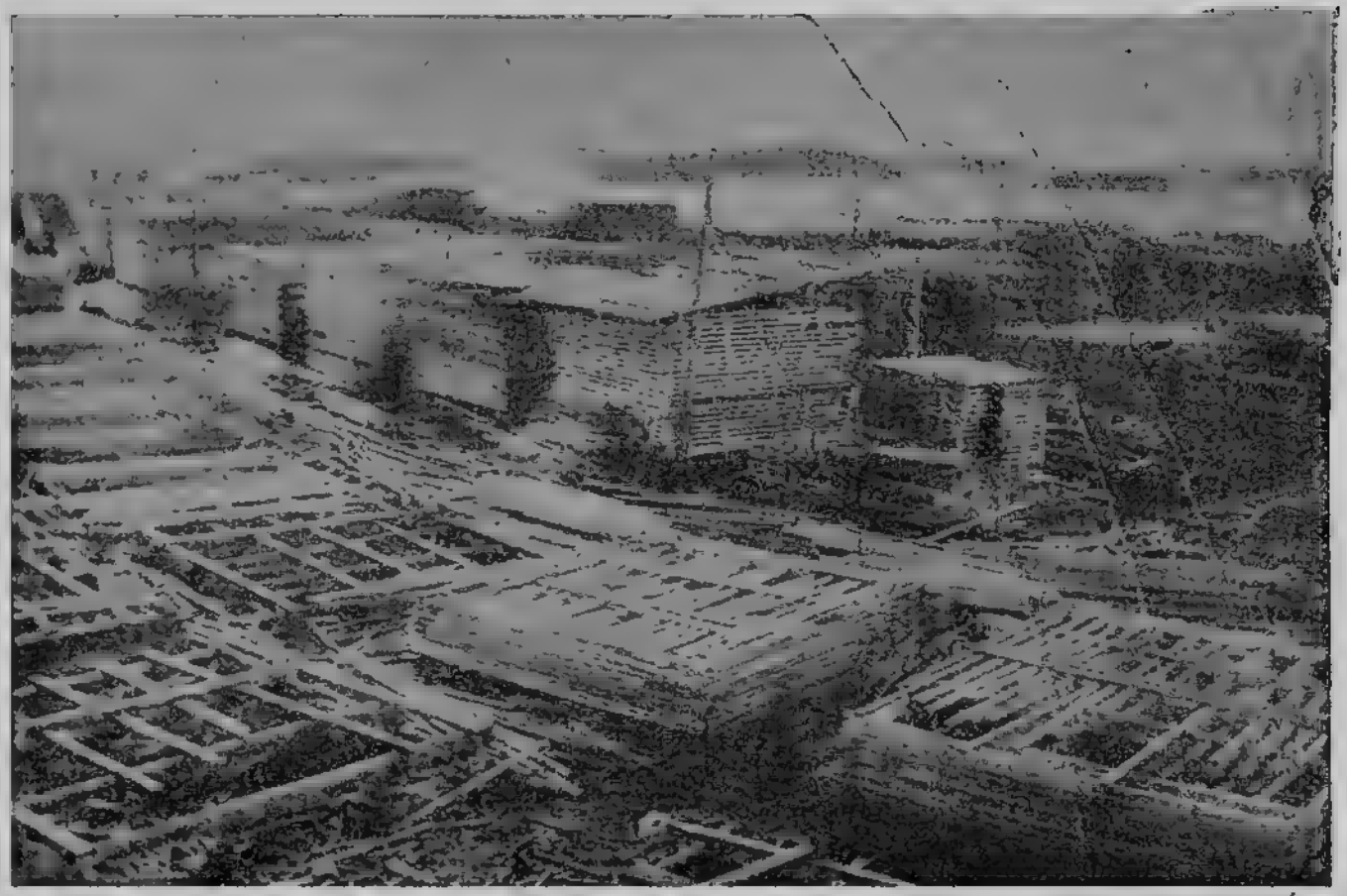
Нигде, кажется, текучесть не бывает так сильна,

Лес для экспорта.

как на Севере, куда прибывают люди, гоняющиеся за «длинным рублем». Крестьяне из окрестных деревень шли на завод больше подрабатывать, нежели работать, но, получая постепенно квалификацию и хорошее жилье, привязывались к заводу, завоевывали знания, пролетаризировались и оседали уже в качестве постоянной рабочей силы. Сумев побороть одну из бесконечных «об'ективных причин» — жилищный кризис, завод-младенец таким путем стал обрастать кадрами постоянных квалифицированных рабочих.

Со дня возникновения до 1929 г. никакой реконструкции завод не подвергался. Пять лет работали на одном и том же оборудовании, оно изнашивалось, но производительность неуклонно повышалась. Выполняя все заказы внутреннего рынка, завод сумел одновременно поставлять лес для экспорта. Он помогает стране строящегося социализма получать машины в обмен на зеленое золото Карелии. Прошлый год для кандалакшского завода им. Арнольдова был годом великого перелома.

Его полностью переоборудовали. Старые рамы заменили новыми, более усовершенствованными, специально привезенными из-за границы. Рамы эти делают по 310 оборотов, почти на сто оборотов больше, чем делали прежние рамы. Еще поставили три новых обрезных станка, и все это вместе взятое, плюс завоеванные заводом собственные кадры, увеличит его продукцию по сравнению с прошлыми годами на добрых сто процентов. В минувшем году завод впервые «дебютировал» на внешнем рынке. Карельский лес пошел за рубеж не сырьем, а в обработанном виде. В первый же год завод дал экспорта три тысячи стандартов, а на следующий ему предложили послать пять тысяч. Но план удалось превысить: вместо пяти завод бросил за границу семь тысяч стандартов.



Шесть лет назад здесь был пустырь. Теперь на берегу Кандалакшского залива работает лесозавод им. Арнольдова.

И когда в производственной программе на 1931 г. в графе вывоза появилась внушительная цифра—16 тысяч, — завод от низа до верха встретил ее по-северному спокойно.

— Будет выполнено, — говорили люди, и заверение их поддерживали своим громыханием мощные лесопильные рамы и станки.

У завода, как видите, есть достижения, но завод во многом уподоблен человеку, — становясь старше, он строже подходит к оценке своих успехов. Пять лет назад, при пуске производства, электростанция, питавшая его энергией, казалась крупным завоеванием.

А сегодня заводская электростанция плетется в хвосте, не поспевает за темпами. Ее сил недостаточно, чтобы прокормить энергией выросший завод и промышленный район Кандалакши. Электростанция доживает на заводе свои дни. На смену ей строится новая, мощностью в тысячу сто лошадиных сил. Она уже устанавливается и в недалеком будущем приведет в движение весь завод и зажжет во всех домах Кандалакши лампочку Ильича.

Наступивший год несет заводу им. Арнольдова новое расширение. Прибавятся две быстроходные рамы, шпалорезная станция, ящичное производство, где будут утилизированы все отходы и отбросы.

Рост завода заставляет подумать о новых запасах людей. Имеющихся опытных рабочих уже недостаточно, как недостаточна энергия старой электростанции. Нужен сырой человеческий материал, который пройдет учебу и войдет в рабочий строй.

Об этом подумали: при заводе созданы технические кружки, выпустившие вполне подготовленных мотористов, кочегаров, машинистов, технических строителей-десятников.

Шесть лет тому назад на берегу Кандалакшской губы был пустырь. Ныне на нем раскинулся завод, мощный, европейски оборудованный завод, по территории которого разгуливают паровозы с платформами, плотно нагруженными пиленым лесом. Прямо с завода составы поездов, груженные лесом, расползаются в разные концы нашей страны или идут в порт, в близлежащий город Мурманск, где советского леса дожидаются и иностранные корабли.

Площадь, занимаемая заводом, растет, на берегу становится тесно, и завод отвоевывает пространство у воды. Для этого на дно Кандалакшской губы бросают отходы леса. С течением времени их набирается столько, что вдоль берега образуются новые причалы, массивные, как суша.

Еще новшество вводится на заводе — теплый бассейн для подачи бревен к распиловке зимой. Это даст увеличение производительности на 20%. Обычно зимой приходится пилить замерзшие и обледенелые бревна. Работа тормозится. В бассейне вода будет отепляться отработанным паром от устанавливаемой машины.

Бревна, оттаивая в бассейне, легче поддаются распиловке.

Это тоже по-европейски.

Через несколько времени, распрощавшись с заводом, мы вскочили на отходивший от станции паровоз и вскоре прибыли обратно в Кандалакшу. Так прошел первый день моего пребывания в ста километрах за полярным кругом.

Вечером Георгий Алексеевич сказа́л мне:

— Завтра пошатаемся вместе. Уговорился я с помощником: будет меня еще денек замещать. Пойдем наше рыбное царство осматривать.

Весь вечер толковали на эту тему. Я поражался осведомленности этого железнодорожного рабочего в экономических вопросах. Рыбное дело он знал до того основательно, что я спросил Георгия Алексеевича, не приходилось ли ему работать в этой отрасли.

— Мне здесь во всех отраслях работать доводилось. Ежели с путиной неблагополучно — меня туда немедля партия посылает, на лесозаготовках что не так вышло — опять же на выручку ехать приходится. И апатиты продвигать приходится, когда транспорт для погрузки не во-время подают. Но тут уж работа по прямой специальности. А насчет рыбы и леса досконально все знаю. Шесть лет здесь отбарабанил не зря. Помимо основной работы, во все свой нос совал. На безлюдьи и я в роде хозяйственника схожу...

Передо мною был низовой партиец, зарывшийся в полярную глушь, одна из многочисленных песчинок коллектива, перестраивающего на советский лад жизнь за полярным кругом.

— Богатство Кандалакши — сельдь. Богатство большое, но извлекать его как следует мы не умеем. Система лова до сих пор у нас примитивна и несовершенна. Промысел производится главным образом у берегов, не в открытых местах залива. Разве это дело? Наш рыбак привык сидеть на берегу и ждать, когда сельдь к нему пожалует; нет того, чтобы самому выйти на поиски. От такой техники лова рыбаки частенько жалуются на худой «урожай». А откуда ему быть хорошим, ежели рыбаки на берегу сидят, ждут погоды, да слухами питаются о том, что сельдь где-то видели, где-то она имеется в больших количествах?..

Георгий Алексеевич вскочил со стула, нервно пересек комнату, зажег погасшую папиросу и, несколько повысив тон, заговорил снова.

— Такую технику в три шеи гнать надо. Косность, безобразие. Никакой предприимчивости, никаких знаний. Старинка, будь она неладна. Полная зависимость от случая. Правда, появились новые орудия лова — сети, но у рыбаков почти нет опыта в их применении, работают с ними наощупь, не имея никаих теоретических знаний. До сих пор в таком «рыбном» месте, как Кандалакша, не было ни одной рыбацкой школы. Только теперь наш райком партии начал принимать меры к созданию ее. А без школы трудненько внедрить в рыбацкую массу новые, более совершенные орудия лова...

Кандалакшские рыбаки по сей день остаются суеверными людьми, обоготворяющими морских чудовищ. Белуху, огромную, полуторатонную морскую корову, они до сих пор считают главным божеством, и горе смельчаку, который вздумает за нею поохотиться! Не простят ему этого рыбаки. И не только охотнику-одиночке не спустят они такой дерзости, но даже моторным судам будут мстить при первой возможности. Белуха — примета для рыбаков. Она гуляет позади огромных косяков сельди и пожирает ее в несметном количестве, и рыбаки знают, что, где — белуха, там впереди сельдь. Белуха — указатель сельди, и за это ее рыбаки боготворят.

Иногда появляются в Кандалакшском заливе гости из Ледовитого океана — чудовища, проглатывающие живьем тюленей, наводящие страх даже на кита, набрасывающиеся на него стадами и разрывающие в клочья. Их появление ближе горла Белого моря рыбаки считают знамением предстоящего народного бедствия. Огромные десятитонного веса звери носят ласкательное прозвище к а с а т о к. О них среди рыбаков существует множество легенд, но страшнее всяких рас-

сказов было появление подле самых рыбацких амбаров стада в полсотни касаток, загнанных в Кандалакшский залив весной и любовью.

— Представляешь себе картину: несколько десятков этаких чудовищ идут по заливу, рассекая плавниками воду. Идут, пускают фонтанами воду, то и дело выставляют наружу свои гигантские туловища, одним словом, состязаются в силе, соперничают из-за самок. Рыбаки, увидав такое дело, побросали снасти, добычу,

Касатка весила добрых десять тонн, длина ее равнялась семи метрам.

еле живые от страха, давай удирать из воды на берег, только бы спастись от клыков зверюги. Касаткам ведь лодки потопить недолго. Что творилось на берегу в этот памятный день! Вся Кандалакша высыпала к заливу поглядеть на редкое зрелище, свадебное путешествие страшных океанских чудовищ, сбившихся в припадке страсти с пути. Если бы на берегу имелось необходимое оборудование для охоты на этих касаток,

не одну тысячу рублей заработали б в этот день кандалакшские морские промышленники, на долю которых приходится ежегодно лишь немного нерпы, приходящей сюда из моря.

Богатая добыча часто подплывала почти вплотную к берегу и ударами плавников по воде обливала находившихся на берегу, отступавших при каждом приближении чудовищ.

Долго никто не решался выйти на хищников, слишком велик был риск. И жажда победы в результате одолела риск. На виду у всей толпы два человека стали спускать с берега легкую лодчонку; это были не рыбаки, привыкшие глядеть в глаза морской пучине и бороться со стихией, не старые опытные охотники — скромные работники Мурманской дороги отважились выйти на огромных млекопитающих.

Легкая лодка, приблизившись к касаткам, показалась еще меньше, совсем скорлупой. Люди на берегу следили за ней, затаив дыхание. Первые звуки одобрения раздались, когда прянул выстрел. Берег восклицаниями подбодрял двух смельчаков, очутившихся в живом кольце из морских громадин.

Снова прогремели над заливом выстрелы, и один зверь оказался раненым. Озлобленный, он раскрыл пасть и грозно бросился на лодку, чтоб затопить ее. И это ему, вероятно, удалось бы, если б несколько метких выстрелов в упор не заставили его отступить навсегда. Спустя несколько минут убитая касатка стала медленно погружаться на дно. Звериное стадо тем временем ушло за Крестовую гору, назад, в море, в океан... Через несколько минут залив кишел десятками карбасов с людьми, вооруженными гарпунами, дробовиками и карабинами. Они бросились вдогонку атаковать уходящих касаток.

Толпа любопытных на берегу не рассасывалась. Весь остаток дня, всю солнечную ночь люди на берегу ждали результатов необычайной охоты. Но извлечь убитую касатку не удалось ни в день одержания победы, ни назавтра. Праздник повторился вновь, когда море выбросило труп жертвы, и два карбаса, привязав к плавнику зверя канаты, едва приволокли его к берегу.

Касатка весила добрых 10 тонн, длина ее равнялась семи метрам. Позвонок жертвы весеннего праздника выставлен для обозрения в Ленинградском зоологическом музее. Появлением касаток в Кандалакшском заливе заинтересовались и ученые Ленинграда. В самой же Кандалакше рыбаки превратили этот случай в легенду и рассказывают о том, как было дело, всякому новому человеку, все больше и больше сгущая краски.

Пройдет несколько лет, о свадебном путешествии обитателей океана, вероятно, сложат легенды, песни, и местные сказители включат их в свой несложный репертуар.

В краю лесов, озер и водопадов каждое природное явление вызывает к жизни новую легенду. Во время поездки по Онего мне рассказали старую легенду о Куштозере и об'яснили, чем вызвано ее появление. Среди двух тысяч озер Карелии есть несколько, исчезающих на неопределенный срок. К ним относится и Куштозеро. Вода из этих озер уходит в так называемые пучины, точнее — воронкообразные отверстия на дне.

Когда вода уходит из озер, рыба появляется в колодцах. Это подтверждает существование подземной связи озер с колодцами. Бывает так, что на дне исчезнувшего озера образуются покосы, рыба не всегда успевает уйти, и жители ловят ее руками. Темнота народная об'ясняла такие «страшные явления», как ис-

чезновение озер, вмешательством водяного. Отсюда и пошла лёгенда о Куштозере:

Куштозерский водяной царь, большой любитель азартных игр, только и занимался тем, что резался в карты. Познакомившись с водяным царем Онежского озера, он немедленно стал играть с ним, но все время проигрывался. Все проиграл: деньги, воду, рыбу, наконец, самого себя. Чтобы покрыть проигрыш, куштозерский водяной должен был по временам уходить в Онего отрабатывать свой карточный долг. И когда он уходил, в его озере не оставалось ни капли воды, пока не возвращался обратно. Приходя назад, он снова приводил с собой воду и рыбу.

5

Три превращения беломорской селедки. — От примуса к автоматическому станку. — Почему кандалакшские консервы заменили прибалтийские. — Про консервную коробку. — Как молодежь без специалистов изучает заграничное оборудование. — О леших, водяных, гидростанции и лампочке Ильича. — Когда Кандалакша станет городом.

В Олонецкой губернии рыба водилась в изобилии, купцов и всяких промышленников тоже хватало, однако, никто из предпринимателей не решился построить хотя бы захудалый консервный заводишко.

С давних пор повелось, что консервы изготовляли вдоль берегов Черного моря, в Одессе, Балаклаве, Феодосии и других городах Украины и Крыма. Оттуда шли вначале консервированные фрукты и томаты, затем уже различные «бычки в томате», «скумбрия в маринаде», изредка осетрина и белуга.

Незадолго до войны впервые дебютировал своими консервами Дальний Восток, и еще где-то в Сибири работала небольшая консервная фабрика Плотникова. Вообще же консервным делом север охвачен не был.

После Октябрьской революции количество консервных заводов значительно увеличилось, их стали создавать не только на благодатном юге, но по всему северу, вплоть до далекой Камчатки. Не обойдена и Карелия.

Первый завод в этом крае появился в девятьсот двадцать третьем году, в Сороке. Маленький, невзрачный, деревянный, кустарно оборудованный, он обрабатывал исключительно сельдь. Работал два сезона. Кустарный завод приносил только убытки. И его пришлось закрыть.

На смену ему в 1924 г. выстроили новый консервный завод. В деревянном зданьице нового завода чадили примуса и воняло не столько рыбой, сколько керосином. Кустарщина давала себя знать во всем, и примуса были ее главными показателями. Нетрудно представить себе этот чуть ли не первобытный завод, где крышки на каждую жестянку приходилось надевать ручным способом и запаивать паяльником для каждого случая, отогреваемого на примусе...

Неудивительно, что из намеченной программы в полмиллиона коробок консервов в год завод едва выполнял немного больше половины и уж, конечно, при таком количестве выработки серьезного промышленного значения иметь не мог.

Он просуществовал столько же, сколько его сорокский предтеча, а затем сгорел. Очень жаль, конечно, что его постигла столь печальная судьба, но одновременно нельзя не сознаться, что пожар этот привел к лучшему...

Он дал Кандалакше лучший завод.

Впрочем, это слабое определение — лучший завод. Здесь нужна какая-то степень сравнения, и я попробую найти ее. Разница между сгоревшим в 1926 г. заводом и новым, каменным, возведенным ему на смену у под-

ножия Крестовой горы, так же велика, как если бы поставить рядом первоначальный, смахивающий на самовар, паровоз Стефенсона и огромную махину современного бесструбного паровоза.

На новом заводе нет ни одного примуса. Их сдали в архив, вместе с чадом и вонью, потому что на смену керосину пришло электричество.

Оборудование нового завода привезено из Германии и Норвегии. Здесь есть резательные машины, штамповальные пресса, заклепочные и закаточные станки, автоклавы, необ'ятные чаны и бочки. Здесь нет чада, копоти и грязи, имевшихся в избытке на «покойном» заводе.

Много воздуха и света, много упращений в производстве, еще недавно бывшем таким сложным и недатливым.

Механизация сделала свое дело. Производство консервных коробок упрощено установкой клепального станка до пределов возможного. Я наблюдал, как делаются цельнотянутые коробки для анчоусов. Кусок плоской жести одним ударом машины превращается в готовую коробку, не требующую никакой решительно пайки. Даже крышка на нее не напаивается, а накатывается станком. Этот способ в Кандалакше, которая за полярным кругом, стали применять одновременно с заграницей.

Несложная на вид консервная коробка вызывает на производстве не мало возни, и внимание к ней там не ослабляется. Если выпустить на рынок жестянку с отверстием, которое можно рассмотреть разве лишь в микроскоп, — воздух просочится внутрь, и самые лучшие консервы окажутся испорченными. Для контроля над качеством коробок на заводе имеется специальное приспособление.

Сработанную жестянку (без крышки) погружают в ванну с водой, плотно прижимают к каучуковому диску и накачивают в нее воздух из компрессора: там, где имеется малейшая трещина или дырочка, воздух начинает выходить пузырьками, заметными в воде.

Одна из сложнейших операций — стерилизация консервов в автоклавах. Мощное чрево автоклава вбирает до полуторы тысячи коробок, погружаемых в особом кожухе с дырками в стенках. Секрет процесса в том, чтобы не разварить содержимое коробок в кашу и, сохранив цельность кусков рыбы, размягчить одновременно кости настолько, чтобы их можно было прожевывать вместе с мясом. После автоклава жестянки очищают в сухих опилках, проверяют возможность вздутия, наклеивают этикетки и пускают на рынок.

Хороша ли продукция завода и сумела ли скромная Кандалакша заменить продукцию бывших прибалтийских губерний?

Очевидно, продукция хороша и замена вполне удачна, иначе притязательные зарубежные гастрономы не пред'являли бы такого спроса на кильки и шпроты, изготовляемые на заводе им. Гюлинга, принадлежащем Карелторгу. А из Кандалакши во все концы света ежегодно рассылаются несколько миллионов банок, наполненных кильками, анчоусами и шпротами, и с каждым годом производственная программа завода повышается такими темпами, которые возможны только в Советской стране. От двух с половиной миллионов коробок в прошлом году молодой завод сделал скачок к выработке немногим меньше пяти с половиной миллионов жестянок в 1930 г. и намерен неуклонно повышать количество свой выработки.

Для выполнения расширенной программы необходимо увеличить лов рыбы. Кое-что в этом направлении

было сделано Желрыбой, которой принадлежал раньше завод. Ею был организован собственный сельдяной промысел на Белом море и на Мурмане, но и сейчас еще многое надо сделать: надо увеличить количество запорных неводов, развивать лов сельди ставными сетями и вынести его подальше от берега. Косность кандалакшских рыбаков должна быть ликвидирована.

Когда цеха были осмотрены, все достопримечательности выявлены и продемонстрированы, разговор о заводе перенесся на второй этаж, где в двух комнатах тесно сбиты в кучу столы всей администрации, канцелярии и бухгалтерии завода.

— Помимо достижений, следует поговорить о недостатках. Садитесь, потолкуем на эту тему, — сказал мне директор завода и указал не то на стул, не то на стол. У него не было отдельного кабинета, и стол его, атакованный другими столами, стоял в дальнем углу комнаты. Теснота в конторе такая, что негде поставить лишний стул. Одному из нас пришлось взгромоздиться на стол.

— Во-первых — теснота. Администрация и контора у нас, сами видите, как кильки в банке. Но и в некоторых цехах немногим лучше. Завод растет, повышается выработка, прибывают новые рабочие, а здание, к сожалению, не резиновое...

Укладчицам приходится работать в тесноте. Их стало много. Шутка ли, от двух с половиной миллионов банок в год шагнули чуть ли не к шести миллиончикам. Летом, когда не работает коптилка, переводим туда часть укладчиц. Приходится переносить туда и обратно рыбу, коробки, получается волынка, затрата средств и времени. Словом, не выход из положения.

— Малютка вырос, новое платье надобно, — подсказал кто-то с соседнего стола.

— Пусть не совсем новое, но старое подточать необходимо. Надо пристроить несколько новых корпусов. Цехи растут. Три-четыре года назад, когда строили этот завод, кто мог предполагать, что дело разовьется с такой быстротой? Правда, немалую роль сыграло и качество нашей продукции. Кто, например, мог думать, что мы — Кандалакша — станем монополистами по выпуску анчоусов?

Директору молодого завода хотелось потолковать о недостатках, и он быстро переключил разговор на них.

— Оборудование наше вам, конечно, понравилось.

— Бесспорно,—ответил я.

— А знаете ли вы о том, что люди, работающие за новыми станками, в большинстве не знают их конструкций? У завода нет технических сил. Специалисты не хотят ехать за полярный круг. Все, что мы делаем на новом оборудовании, — сплошная практика, никакой теоретической базы у нас нет... Все делается практически...

— Но делается не плохо, — захотелось почему-то вставить мне.

— Да, недурно, но какой ценою все это покупается... Заводская молодежь путем упорных трудов и опытов доходит до познания станков, научается не только быть автоматами при них, но становится хозяином нового оборудования. Некому подать ей технический совет. Был у нас некоторое время назад один специалист. С Соловков его к нам прислали. Работал он больше двух лет, не плохо дело знал, но была у него, как у многих специалистов, дрянная привычка: все свои знания при себе держал. С молодежью никогда не делился, ничего никому не об'яснял. А после него сами работаем, без руля и без ветрил, в смысле техники, значит...

И все же борьба за новые кадры проходит здесь, на далекой полярной земле, достаточно успешно. Работа на заграничном оборудовании автоматизирована и значительно упрощена, секрет же станков новые рабочие познают постепенно, в процессе производства.

— В общем, можете это отметить, — сказал мне при уходе с завода директор, — наш завод оборудован вполне удовлетворительно, и некоторые неизбежные в новом деле недочеты будут исправлены в недалеком будущем. А уж техникой овладеем во что бы то ни стало.

Мы распрощались с полярным директором и покинули здание кандалакшской рыбной фактории. За воротами завода я сказал моему гиду по Кандалакше, Георгию Алексеевичу:

— Директор ваш на лебедя не похож, в облака не рвется, успехов своих не превозносит, по-моему, даже умаляет.

— Северный народ, что с ним поделаешь. Много говорить не любит, не зарывается. Вот он тебе об опытах ничего и не сказал, а ведь у них опыты были интереснейшие, и результаты оказались превосходные... Попробовали они вырабатывать консервы из оленины, гусятины. Послали для пробы в Москву, там очень хвалили. Пробовали вырабатывать грибы и местную ягоду — чернику, голубицу, бруснику—на компоты и варенья. Опять же хорошо получилось. Я, признаться пробовал. Не хуже южных компотов выходит. Чтобы начать систематическую выработку всех новых видов консервов, мясных и фруктовых, нужны несложные приспособления и обеспечение сырьем. Надо наладить сбор ягод, которых здесь множество, девать некуда. Осенью их к поездам ведрами выносят и продают за гроши. А можно бы за них новую валюту получать.

Разговаривая, мы отошли далеко за пределы консервного завода им. Гюлинга и оказались в самом сердце рыбацкой Кандалакши. Среди приземистых халуп рыбаков, сползших к самому берегу залива, мне бросился в глаза огромный крест из дерева, стоящий подле одного из домиков и превышающий его раза в два. Я знал, что среди местных рыбаков распространены

Помор рыбак.

различные суеверия — верят в леших, в водяных, в заговоры, наговоры и прочую ерунду. Но крест оказался не талисманом против различных духов, он просто был водружен рыбаками в честь какого-то замечательного улова, память о котором не изгладилась до сих пор.

Несловоохотливые заполярные кандалакшские рыбаки на вопрос, ловят ли они, помимо сельди, другие виды

рыб, ответили, что надо сперва научиться по-настоящему брать сельдь, которая одна уже может прокормить досыта тех, кто ее добывает.

В продолжение десяти лет из Кандалакши ежегодно вывозили на 3 500 рублей сельди.

— Однако, мы кроме сельди ловим еще сига, семгу, кумжу, но селедка, она у нас самая главная рыба.

С тех пор, как на рыбном фронте Карелии не стало частников и все операции с рыбаками перешли к государству, не только принимающему рыбу, но и помогающему совершенствовать способы лова, доходы от рыболовства заметно поднялись в Кандалакше, количество же вылавливаемой сельди, по сравнению с прежним временем, возросло в пять раз.

Сдвиг, огромный сдвиг произошел за полярным кругом в период последних десяти лет. Поговорите даже с отсталыми местными рыбаками, прислушайтесь к их воспоминаниям о недавнем прошлом и приглядитесь к тому, что есть уже сегодня — этого довольно, чтоб убедиться в наличии огромных перемен.

Вот в этой самой заброшенной, беспорядочно строившейся Кандалакше, начиненной суевериями, слывшей недавно самым пьяным селом, не имевшей даже фельдшера (о враче здесь и не мечтали), со школой, насчитывавшей всего двадцать пять учащихся, в Кандалакше, не знавшей книг, газет и журналов, имевшей в своих пределах несколько считанных грамотеев, произошел крупнейший перелом.

Оживившая край Мурманская дорога превратила Кандалакшу из типичного северного села, не имевшего экономического значения, в быстро растущий промышленный центр. За год до начала прокладки дороги, в 1914 г., село населяло шестьсот человек. В 1929 г. количество жителей Кандалакши перевалило за пять тысяч.

Пришли новые люди, и по-новому стало выглядеть село. Собственно, сейчас даже неудобно называть Кандалакшу селом, до того изменилась ее внешность. Стоявшей некогда плотной стеною лес вырублен на два квадратных километра: его место заняли недавно отстроенные дома колонистов.

«Там, где когда-то были для охотников заманчивые глухариные тока, теперь все заковано в рельсы и застроено железнодорожным вокзалом, мастерскими, депо и различными дорожными сооружениями», пишет историк заполярного советского села.

На смену халупам и хибаркам идут каменные и деревянные большие дома, каменное здание клуба, громадный корпус двухэтажной школы второй ступени, где обучается с полтысячи местных ребят, правее—только что построенные большие двухэтажные дома для жилья рабочих и служащих дороги, каменное здание консервного завода и конец залива, который упирается уже не в пустынный каменистый берег, а в строения лесопильного завода и его опрятного рабочего поселка.

Большая библиотека, амбулатория, больница, радио—все это постепенно вошло в быт рыбака и стало необходимым дополнением его жизни. И все это вместе взятое медленно, но верно уничтожает последние остатки суеверия, безраздельно властвовавшего над рыбацким поселком. Окончательный удар суеверию будет нанесен весною 1931 года.

В этот период в Кандалакше, на реке Нива, начнется постройка мощной гидростанции, которая даст энергию не только всему Кандалакшскому району, но и району разработки апатитов.

Электричество зальет все поселки, позволит упростить работу многих промышленных предприятий,

дающих отсюда, из-за полярного круга, продукцию на заграничный рынок. Лампочки Ильича зажгутся в домах коллективизированных рыбаков, разбросанных вдоль берега губы, осветят суровые места горных промыслов Кандалакшского района, где трест «Карелгранит» извлекает почти треть своей продукции—шпата, кварца и пегматита.

За полярным кругом веками лежали нетронутые пласты самых разнообразных богатств, но огромная, погрязшая в лени и косности страна не решалась извлечь их из-под спуда северной природы.

В республике, рожденной Октябрем, люди не побоялись хмури, неприветливых вод и гор.

Они привезли сюда заграничную технику, заставили реки давать энергию, заставили отступить лес и упорно ищут в горах ценные минералы. Они обогащают свою республику, создают в ней приемлемые для жизни условия, и пройдет не так уже много времени, одна-две пятилетки, и эта самая Кандалакша станет заправским городом, новые людские массы потянутся к ней, забыв даже о том, что находится она в ста километрах за полярным кругом.

Чудеса на полярной земле происходят сейчас, в период реконструкции страны и небывалой стройки, охватившей ее.

И великое счастье быть живым свидетелем того, что происходит сейчас на наших глазах. Быть может, лет этак через десять человек, впервые приехавший в город Кандалакшу, крупный экономический центр северной Карелии, застав на месте приземистого поселка заправский город, нисколько не будет этим удивлен. Таким стал порядок вещей в советском государстве — превращать места, не значущиеся на географической карте, в крупные промыш-

ленные и заводские центры, строить на пустырях новые города.

Но сейчас, когда Кандалакша обретается на стыке двух эпох, когда одновременно с титаническими проектами создания гидростанции на горной реке еще ужи-ваются легенды о леших и водяных, когда рядом с заводами, оборудованными германскими и норвежскими машинами, рыбаки ловят рыбу первобытными способами и поджидают на берегу ее прихода, когда подле европейского здания клуба стоят лачуги, возведенные в прошлом столетии,—сейчас особенно интересно жить и работать в этом заполярном пункте, ищущем и ожидающем нужных и толковых советских людей.

В КРАЮ ЗЕЛО ДАЛЬНЕМ И ОТЛЕГЛОМ

Мурманск разметался на белой постели
Окутанный снегом, как мехом песца.
Там дико взвывают седые метели,
И северной ночи не видно конца.

(А. Спиридонов, «Лопарская невеста)».

1

Максим Горький и полуночное солнце. — Несколько строк о шестнадцатом столетии.—Город без церквей.— Союзники и белогвардейцы в роли хозяев Мурмана.— Старожилы об интервентах.— Как растет Мурманск.

«Когда поезд подкатился к Мурманску, часы показывали время около полуночи, а над океаном, не очень высоко над его свинцовой водой, сверкало солнце.

Разумеется, я читал, что здесь «так принято», но видя первый раз в жизни солнце в полночь, чувствуешь себя несколько смущенным и сомневаешься: честно ли работают часы? Вспоминаешь истины, еще не опровергнутые наукой: земной шар делится на два полушария, земля вращается вокруг солнца... Один глупый мальчик спросил учителя:

— А зачем земля вращается?

— Это не твое дело,—мудро ответил учитель.

Зрелище добела раскаленного полуночного солнца, которое торчит над бесконечной водной равниной, нето всходя, нето заходя, — зрелище очень странное, Поведение великолепного светила кажется настолько нерешительным, что думаешь за него:

«Давненько я торчу в этой точке пространства. А не перекатиться ли мне со всеми спутниками куда-ни-

будь за пределы этого млечного пути? Свободного места много».

Вообще здесь у приезжего человека возникают смешные мысли. Но как я убедился, местные люди примиряются с изменением небесных явлений гораздо легче и быстрее, чем с необходимостью изменить древние условия жизни на земле».

Эти строки заимствованы у Горького и приведены для того, чтобы дать представление о впечатлениях человека, впервые под'езжающего к полуночному краю. Все равно лучше Алексея Максимовича об этом явлении никто не расскажет.

Поезд миновал старинный город Колу, где до шестнадцатого века лопари и карелы вели обильный торг с русскими, голландцами, норвежцами, датчанами, французами и англичанами. Но к концу шестнадцатого века московское правительство запретило торг в Коле из боязни, что оно не сумеет защитить свои интересы в краю, «зело дальнем и отлеглом».

От Колы до Мурманска несколько минут езды.

Быстро пролетят эти минуты, и поезд в'едет в центр Кольского полуострова, составляющего часть той первой суши, которая, по определению академика Ферсмана, образовалась на расплавленном океане раскаленного земного шара.

Уже около семи веков назад далекая окраина Мурман была известна русским, занимавшимся здесь звериным промыслом и рыболовством. С юга—с Онежской губы и Карельского берега—приходили сюда новгородцы и через Белое море с «печерской стороны» проникали в край москвичи. В середине XVI века в бухтах Мурмана появилось великое множество иноземных купцов, завязалась бойкая торговля, оживившая север и придавшая русским гаваням на Мурмане

Улица в Мурманске.

крупное значение. Московское правительство приглушило начавшийся расцвет, и край немедленно захирел и замер на несколько столетий.

На смену ему правительство выдвинуло Архангельский порт, и даже ходатайство датского правительства об отмене закрытия мурманских гаваней действия не возымело. Расцвет Колы-волости сменился долгим захуданием. Кольский полуостров вновь ожил лишь в начале нынешнего столетия, когда империалистическая война заставила осуществить проект Мурманской железной дороги.

И вот по полотну этой дороги мы попадаем в самый центр одного из наиболее молодых городов на советской земле. Опрятный деревянный вокзал, перронная суетня, сразу открывшаяся с вокзала панорама Мурманска, с одной стороны, и его порта—с другой, обилие товарных составов, которые во время маневров окружают вокзал со всех сторон, так что приходится выжидать, пока пройдут все вагоны и откроется доступ в город,—таковы впечатления первых минут.

Затем следует приятная неожиданность: город не находится в нескольких километрах от чугунки, как бывает в большинстве случаев в провинции, не надо заботиться о лошадях или иных способах передвижения. Город начинается здесь же, в нескольких десятках шагов от вокзала; он весь под рукой.

Вспомнились прочитанные в одном из старых номеров «Вестника Карело-Мурманского края» строки о том, что Мурманск—

«...едва ли не единственный город на севере, на котором не лежит печать русской старины, где нет зеленых или голубых куполов церквей, ни высоких каменных домов среди массы деревянных домиков, ни традиционных рыночных рядов; даже неизменной камен-

Порт в Мурманске.

ной, высокой тюрьмы на окраине города не видно здесь».

Оглядываюсь вокруг и нахожу полное подтверждение этим словам. Действительно, ни намека на церковь. Много городов и деревень в разных концах страны пришлось мне повидать на своем веку, но никогда еще не было случая, чтобы, под'езжая к ним, взор первым делом не наткнулся на кресты и купола.

Достаточно, однако, вспомнить, что прошлое Мурманска короче воробьиного носа, и все немедленно раз'яснится. Ведь Мурманск по существу—советский город; империя, приступившая к созданию его в 1915 г., рухнула, как известно, в самом начале семнадцатого года, не успев начать постройку церквей, которыми обычно зачинался всякий русский город. Война заставила начать не с церкви, а с порта, который с первых же дней стал базой союзников на севере; через него они получили единственную возможность импортировать военное имущество в Россию.

Ради этого был создан город, заставивший отойти в сторону горные хребты, сжимавшие Кольский залив и оттеснивший, уничтоживший огромное пространство, покрытое лесом. Еще до официальной закладки Мурманска, когда леса занимали его нынешнюю территорию и гудок паровоза не прорезал тишину полуострова, у будущего города оказались два жителя. Однажды на пустынный берег выбросило барку, из которой вышли два человека, боровшиеся со стихией и не надеявшиеся на спасение. Это были финны-плотники, обосновавшиеся в потерпевшей аварию барке и ставшие поневоле первыми жителями Мурманска.

Если обратиться к «историческим» справкам, насчитывающим, самое большое, полтора десятка лет от роду, вся история юного города будет на виду. Дата

основания Мурманска приурочивается к первому мая 1915 г.; в это приблизительно время началась постройка первых рабочих бараков, последовательно превращавших Мурманск в поселок, затем в город. Шестого мая того же года сюда прибыла первая партия рабочих. Ехали они из Пензенской губернии через Норвегию...

Это может показаться дичью в наши дни. Ехать из Пензы в Мурманск через Норвегию... Но вспомните, что Мурманской железной дороги тогда не существовало, и первые строители ехали кратчайшим по тем временам путем.

Появление железной дороги и порта вызвало к жизни сначала небольшой поселок, нареченный первоначально «Романов на Мурмане», затем переименованный в Мурманск; на двух нижних террасах берега Кольского залива настроили бараки для железнодорожных рабочих, раскидали их беспорядочно и бесплановo.

История рассказывает о прошлом только что созданного города не очень-то лестные подробности: редкое население, отсутствие всякой культурной и политической жизни, обилие пришлого, чрезвычайно текучего элемента, состоящего, главным образом, из транспортников, чиновников и военнослужащих, и над всем этим полное господство полицейского участка. Положение не изменилось и после Февральской революции, прошедшей на Мурмане бесцветно.

Советским Мурман стал не сразу.

Далекая окраина прошла сквозь интриги английской и немецкой политики, предательство краевого совета, интервенцию и разгул белогвардейщины, раньше чем Октябрь своим дыханием коснулся ее и окончательно закрепил свои позиции.

Октябрьский переворот Мурман принял в первое время пассивно, растерянно и как бы нейтрально-выжидательно. Наравне с директивами совправительства публиковались и «приказы» Керенского. Но вскоре симпатии руководителей местной политики как из городского совета рабочих и солдатских депутатов, так и из временного военно-революционного комитета были направлены в сторону эсеро-меньшевистского комитета «защиты родины и революции».

Бывшие союзники империи, в первую голову англичане, с первых же дней Октября стали проявлять чрезмерный интерес к Мурману и повели скрытую подготовку для его захвата, на случай, если не удастся втянуть Совроссию в войну с Германией. В крае не было еще подлинной советской власти, но оттого, что солдат и матросов не удовлетворяла политика социал-соглашателей, стала постепенно разворачиваться политическая борьба.

Мурманский совет того времени был создан не на основе советских конституционных начал, не представлял собою классовой организации рабочих, солдат и матросов. Классовые интересы здесь сознательно заглушались агентами английского империализма. При наличии такого совета союзники почувствовали себя господами положения. И несмотря на категорические директивы Москвы, запрещавшей совету обращаться за всякой помощью к союзникам и указывавшей, что их поддержка примет впоследствии враждебную нам форму, предатели из крайсовета продолжали гнуть свою линию, сдавать одну за другой свои позиции. Они не возражали, когда англичане разоружили советский флот, находившийся у берегов Мурмана, не препятствовали появлению английских и американских отрядов, сухопутных и морских. Словом, совет честно

Памятник жертвам интервенции 1918—20 г.г., поставленный мурманскими рыбаками и рабочими.

лил воду на мельницу империалистов, которые, запасшись военной силой и почувствовав твердую почву под ногами, в июне 1918 г. заявили, что отныне, будучи самой сильной властью на Мурмане, они не покинут его до конца войны.

Мурманский крайсовет на требование Москвы удалить союзников ответил разрывом с центральной советской властью; так под флагом крайсовета, против воли рабочих, крестьян, солдат и матросов, произошла интервенция на Мурмане.

Дальше все пошло, как бывает при оккупации:

«Союзники» расстреливали рабочих и большевиков, затем, обнаглев, принялись за предателей, расчистивших им дорогу в Страну советов, и бросили их в тюрьмы. Укрепившись на Мурмане, интервенты при помощи белых офицеров, находившихся на советской службе, русских эсеров и меньшевиков захватили Архангельск.

Когда англичане покинули в конце 1919 г. негостеприимный север, в нем остались русские белогвардейцы, отлично вооруженные и снабженные союзниками. При них реакция усилилась, тюрьмы и Мурманский концентрационный лагерь наполнились заподозренными в большевизме, крестьян же, не желавших вступать в белые войска, расстреливали по суду и без него. По краю рыскали карательные экспедиции, искавшие красных партизан, расстреливавшие их семьи, сжигавшие их жилища. Но дела белогвардейцев шли не блестяще; в начале 1920 г. восстал третий северный полк, фронт стал слабеть, и командовавшему генералу Миллеру пришлось бежать из Архангельска, не успев принять мер против Мурманска. В Мурманске же в феврале восстали железнодорожники и транспортные рабочие и заставили другого генерала — Скобельцына — и его

Рыбацкая пристань в Мурманском порту.

приближенных бежать в Финляндию. Многие белогвардейские заправилы бежать не успели и были переловлены восставшими рабочими и партизанами.

Так по вине эсеров, меньшевиков, белогвардейцев и интервентов Октябрь на крайнем севере страны наступил с опозданием на два с половиной года по сравнению с ее центром. Но ни предательство, ни хитрость, ни измена, ни вооруженные силы не смогли остановить победы пролетарской революции.

В июне 1921 г. создалась Мурманская губерния, состоялся учредительный с'езд советов, был избран первый губисполком. В это время начавшееся строительство советского Севера попыталась сорвать кровавая белокарельская авантюра, закончившаяся в марте следующего года крахом. Это было последнее препятствие на пути к огромной стройке советского Мурмана.

Я посетил город Мурманск спустя восемь лет после всех авантюр, имевших место на его территории. С тех пор многое изменилось, преобразился внешний вид молодого города, появились новые улицы, десятки новых домов, продолжает расширяться радиус города без церквей, или, как еще его называют, города-пионера.

Попробуйте потолковать с местными постоянными жителями, русскими, китайцами и корейцами, привезенными больше пятнадцати лет назад на постройку дороги, уцелевшими и обосновавшимися в далеком краю, с татарами, которых здесь не мало, с финнами и лопарями, среди которых ведется активная общественно-воспитательная и политическая работа, и тотчас же убедитесь, что самое темное пятно в его истории—период английской оккупации. Интервенты оставили о себе недобрую память—огромную братскую могилу в самом центре города, над которой в десятую годов-

щину Октября соорудили памятник-трибуну с надписью:

«Жертвам интервенции 1918—20 гг. мурманские рабочие и рыбаки».

Жители Мурманска вспоминают оккупантов по-своему.

Мне рассказывали о деятельности сынов Великобритании, проделывавших с присущим им хладнокровием омерзительные вещи; взять хотя бы знаменитые регистрационные бланки, заведенные на всех мурманских граждан.

Английская контрразведка перенумеровала всех жителей города, завела на них бланки, снабженные фотоснимками и дактилоскопическими оттисками большого пальца. Даже царская полиция и охранка не додумалась бы до такого массового, поголовного оскорбления, «как взятие под подозрение» целого города!

На ряду с этим англичане раздавали жителям подарочки: они распространяли булавки в виде флажков с русской надписью «Из Англии», пачками дарили открытки, изображавшие физиономию лорда Джорджа Бьюкенена, подпись под которой восхваляла священный союз России с Англией. Они пытались завоевать симпатии школьников, снабжая их тетрадками из сквернейшей бумаги, с изображением британского льва на обложке и умильной надписью:

«Эта тетрадь издана в Англии для России, ее союзницы».

На некоторых домах Мурманска поныне еще можно разобрать надписи британского «агитпропа» о том, что «все русские должны уметь читать по-английски». Читать, очевидно, предлагалось вывешивавшиеся тогда еженедельно расписания католических и православных богослужений, прикреплявшиеся к висевшей на пло-

щади доске с надписью «Churc Services», что означает—церковные службы. Оккупанты навезли в Мурманск всякого сорта священнослужителей, дав им задание: «натравливать серую скотину» на безбожников-большевиков.

— А вот здесь, в этом доме, было французское кафе,—сообщил мне местный абориген тоном, обещавшим интересные подробности.

— Кафе! Что может быть примечательного в кафе? Вероятно, в нем кутила оккупационная верхушка? — выспрашивал я.

— Бывали, конечно, и кутежи, но не в том суть. Кафе запомнилось мне по другой причине. Здесь, видите, двор, а во дворе и находилось это самое... примечательное...

В этот момент я определенно ожидал романтики. Быть может, здесь же, под носом у оккупантов, был склад партизанского оружия... или собирались революционеры, устроили свой штаб в самом пекле, чтобы избежать слежки, подозрений.

...во дворе и находилось это самое, примечательное—уборная...—рассказчик смутился на миг и вновь продолжал:—Она состояла из трех кабинок. Над первой красовалась надпись «Pour officiers», т. е. для господ офицеров, изволите ли видеть. Над второй «Pour sous-officiers», что означает для унтер-офицеров, а третья, многоместная кабинка, та была, извините, «Pour soldats», т. е. для нижних чинов...

* * *

Положительно нет смысла знакомиться с недавним прошлым, с историей этого города, начавшего принимать городской облик в советские годы. Каким жалким кажется оккупантское строительство, основанное на

клозетном чинопочитании, когда выходишь на сегодняшнюю мурманскую улицу, бурлящую невиданной на севере стройкой!

Мурманск разбросанных деревянных, приземистых домиков, громоздящихся друг на друга, дощатых бараков, иногда обитых снаружи толем, складов английского образца с полуовальными крышами, пустых площадей и одиночками разбросанных по центру лавок торговцев — этот старый Мурманск, строившийся десять-пятнадцать лет назад и напоминавший своим видом поселок, ныне отходит на задворки, уступая место возведению социалистического города Новый Мурманск.

Население Нового Мурманска к концу пятилетки достигнет пятидесяти тысяч жителей. Учтите, сколь велика эта цифра для города, где в конце 1920 г. население достигало около двух с половиной тысяч, и поглядите, с какой стремительностью оно возрастает: проходит год, и это количество увеличивается в два с лишним раза.

В 1923 г. в пределах Мурманска обитает 5 100 человек. Еще год — и население подходит к шести с половиной тысячам. В 1927 г. число жителей достигает десятки тысяч.

Можно почти предсказать, что к концу пятилетнего плана Мурманск наберет свои 50 тыс. жителей, возможно с избытком. Цифры говорят о том, что город, на месте которого три пятилетки назад было пустое, поросшее полярным березняком плато, что порт, на месте которого были островки, соединявшиеся во время отлива материком и насчитывавшие одну единственную рыбачью вежу, обитаемую лишь во время промысла, никогда не росли с такой быстротой, как в советские годы.

Ни во времена империи, ни при интервентах.

Население нынешнего Мурманска преимущественно трудовое. Даже в нэповский период нетрудовой элемент города не составлял и одного процента. Большинство жителей молодого города тоже молодо. И благодаря этому здесь меньше неграмотных, чем в ином крупном городе центральной части нашего Союза.

Старый Мурманск. Справа — универмаг, один из немногих каменных домов в городе.

Административная сводка 1924 г. утверждала, что Мурманск «город без городской физиономии, в то же время без малейших признаков сельской местности. Возникший в военное время, он до сих пор представляет собою лагерь. Слово «дом» не существует в обиходной речи мурманца, а есть слово «барак», указывающее на лагерный характер города».

За несколько лет утекло много воды. Мурманская дорога строит новый город, согласно постановлению Совета труда и обороны о колонизации края, и потому сводка, составленная всего год, два, три назад, становится исторической.

В городе создаются новые улицы.

На смену раскиданным баракам пришли прямые, правильно распланированные улицы с выстроившимися по обеим сторонам деревянными двухэтажными домами. По всему Мурманску проведена узкая железнодорожная ветка, по ней мчатся небольшие, похожие на дрезину, моторчики и тянут за собой по нескольку вагонеток, наполненных строительным материалом. Кроме существующих улиц, создаются новые.

Даже и сейчас можно наблюдать рождение города, там, где еще вчера был лес. Вот невыкорчеванные пни срубленных деревьев, рядом роют длинные глубокие канавы для прокладки водопровода и канализации, сбоку, спеша, пролетают вагонетки с грузом, техники и инженеры производят съемку местности. Это — начало создания новой улицы на пустыре. Несколько таких улиц уже готово. Они похожи одна на другую, одинаково широкие, прямые, с однотипными двухэтажными домами.

И хоть десятками строятся в Мурманске дома, город испытывает жилкризис; темп строительства не поспевает за ростом населения.

Взрослых уроженцев Мурманска пока не существует в природе. Здесь все наезжая публика, даже милиционер на просьбу дать какую-то справку, сконфузившись, ответил: «Простите, не знаю. Сам недавно приехал».

Тяга к Мурманску очевидна. Город и его порт расширяются до колоссальных размеров, и об этом трубит изо дня в день боевая газета мурманского пролетариата «Полярная правда», ведущая энергичную борьбу за наилучшее использование трех богатств края—леса, рыбы и апатитов.

Несколько дней или ночей, не помню точно, потому что солнце светило круглые сутки, пришлось мне провести над комплектами этой газеты за несколько лет,

И история Мурмана за советский период, его роста и под'ема пронеслась с кинематографическими подробностями. «Полярная правда» переживала все радости и печали города на краю земли, позже других ставшего советским, и отразила все этапы его жизни по сегодня.

Проглядим, чему посвящала свои полосы самая северная газета в Европе.

2

Слово предоставляется «Полярной правде».— Разрешить проблему кадров, сделав Мурман молодежным краем. — Первые годы тралового лова рыбы.— Биологическая станция в Александровске. — Мурманский порт и проходящее через него. — Апатиты и иностранцы.

Лет пять тому назад «Полярная правда» жаловалась на прибывавших из столиц журналистов: они, дескать, слишком красочно расписывают Мурманск, это вызывает чрезмерную тягу к нему людей, которые, приезжая сюда за длинными рублями, сталкиваются с тяжелым явлением — безработицей.

Быть может, пять лет назад такое заявление соответствовало действительности, но сейчас бойкая «Полярная правда», во всю ширь своих газетных легких ратующая за выполнение плана по заготовке рыбы, леса, апатитов и экспорт оленины, жалуется на нехватку людей, нужных развивающейся промышленности и развертывающемуся на севере строительству.

В дни моего пребывания в Мурманске происходило интереснейшее совещание, выявившее слабые места в ходе большевистской путины и по траловому лову; организовали его редакции двух газет — «Комсомольской правды» и «Полярной правды»—совместно с окружкомом мурманского комсомола.

Помимо прорыва в плане путины обсуждался еще вопрос о создании кадров — резервов рабочей силы для рыбного промысла, о подготовке квалифицированных рыбаков. На этом совещании толковали о необходимости покончить со ставкой на самотек в Карелию, лесное хозяйство которой также ощущает острый недостаток рабочей силы. Чтобы покончить с безлюдьем, «Комсомольская правда» выдвинула проект колонизации Мурманского округа за счет молодежи.

Насколько своевременно это предложение, можно судить по словам представителя рыбного треста, давшего исчерпывающие сведения о людском дефиците в рыбопромышленности на Мурмане, на развитие которой пятилетка даст 420 миллионов рублей.

— И несмотря на столь крупное вложение, чуть не полмиллиарда, мы не можем добиться отпуска трехсот тысяч рублей для постройки морского техникума,—жаловался докладчик из треста. Если мы сейчас имеем 3 тысячи рабочих, то на будущий год должны будем иметь 12½ тысяч. Нужны жилища, стройматериалы, ФЗУ и другие учебные заведения, могущие обеспечить нормальное выполнение намеченных планов.

Мы выполнили план на 80%. Причины невыполнения в значительной степени зависели не от нас. Мы потеряли один тральщик, другой был поставлен на прикол, стояла сильная штормовая погода. Наши тральщики довольно мощные и то вынуждены были стоять 7 суток в дрейфе.

Нам нужны тральщики из Германии и с отечественных заводов без задержки. Особую остроту приобретает вопрос с рабочей силой. Чтобы завербовать 63 человека, потребовалось на каждого из них послать телеграмму, хотя предусматривали прибытие 200 человек. Из Карелии вместо 500 человек получили 100.

Квартал нового рабочего поселка в Мурман.ке.

Представитель «Комсомольской правды» сообщил мнение газеты о способах изжития нехватки людей. Он отметил, что совещание уделило много внимания вопросу о кадрах, что каждая организация готовит специалистов только для себя, и нельзя строить расчеты на приход рабочей силы из других округов.

— Дело здесь не в одном годе, — доказывал он. — Рабочая сила для развития рыбной промышленности вообще нужна будет.

Здесь же у себя, в Мурманском округе, нужно воспитывать кадры, которые будут впоследствии заняты на рыбных промыслах.

Нужно сказать, что Карелия также претерпевает экономическую хозяйственную революцию. Лесная кампания, которая отобрала от Мурманска рыбаков,—это кампания не только сегодняшнего дня, лесное хозяйство в Карелии развивается и дальше, как и рыбное хозяйство на Мурмане. На будущий год Мурманск получит еще меньше рыбаков, в то время как рыбная промышленность из года в год растет.

Необходимо думать о создании кадров на месте. Для этого нужно колонизировать Мурманский край молодежью. ЦК комсомола имеет уже некоторый опыт в этом деле — послано на Сталинградский тракторный завод 7 тыс. комсомольцев и беспартийной молодежи.

Почему бы и Мурманскому краю не стать молодежным краем, в смысле заинтересованности в морском промысле? Молодежь—самый подходящий материал, к тому же лучше ее обучать, чем старого рыбака, который имеет старые навыки в работе.

Можно поставить вопрос перед ЦК комсомола, чтобы он завербовал 5000 человек молодежи сре-

ди колхозников центральных губерний и Астраханского района, знакомых с промыслом, и бросил эту группу в Мурманский округ. Это вопрос новый, и о нем нужно поговорить.

Надо ли доказывать, что культурный рыбак выловит больше рыбы, что участие комсомола в путине сделает ее подлинно большевистской? Есть уже и факты, подтверждающие это: в Урагубе и Белокаменке комсомольцы создали две комсомольских бригады по вылову рыбы и по наживке, и, конечно, в этом районе им удалось довести план путины до каждого рыбака.

Вообще же новые способы лова стали применяться здесь лишь в советские годы. До того мурманские рыбаки ловили беспорядочно, бессистемно и, подобно кандалакшским, зависели от того, близко ли подойдет треска к берегу. Лишь недавно, года три назад, начали ловлю рыбы тралерами — специальными рыболовными пароходами, не ожидающими подхода трески к берегу.

Тралеры идут в океан на трудную работу, особенно зимой, когда полярная ночь лишь на несколько часов сменяется бледным, бессолнечным днем, когда бушует океан и пронизывает ледяной ветер. Проводя несколько недель на поверхности водной стихии, тралеры черпают рыбу из больших глубин огромной сетью — тралом.

На тралере рыба проходит первоначальную стадию обработки; ее немедленно потрошат, освобождают от внутренностей, из печени трески добывают рыбий жир, впоследствии поступающий на фильтровочный завод, превращающий его в тот рыбий жир, который рекомендуется врачами малокровным и слабым детям.

Набрав вдоволь рыбы, тралер возвращается обратно в Мурманск, где «домом» ему служит траловая база,

своеобразная фабрика, дающая приют двум десяткам тралеров, сделанным на советских и иностранных заводах (в течение пятилетки это количество будет доведено до 220 судов, на покупку которых предположено затратить 130 миллионов рублей).

Траловая база и порт — самые оживленные в Мурманске пункты. К базе подходят тралеры и электрическими лебедками выкачивают из темных трюмов ящики, наполненные распластанной рыбой, и перебрасывают их пока еще на тачки. Однако, в ближайшем будущем тачки отойдут в область предания, и прием рыбы с тралеров будет механизирован. Отсюда рыба попадает в огромные чаны засольного отделения, вмещающие свыше тридцати тонн каждый. Засоленная треска передается в упаковочную и отсюда в бочках совершает поездки во все концы земного шара.

Надо оговориться: это самый примитивный способ заготовки рыбы, постепенно вытесняемый более современными рецептами, по которым стали вырабатывать рыбные филе и клипфиш — вялено-сушеную рыбу, пользующуюся определенным успехом на иностранных рынках.

Траловая база — обладательница нескольких заводов и научного отдела с лабораторией, занимающейся интереснейшими опытами. Одно из последних достижений базы — фильтр-завод, первый во всем СССР, выделяющийся своим железобетонным фасадом, единственным на берегу Кольского залива среди множества деревянных построек.

На этом заводе, сверху донизу оборудованном заграничными машинами, вам покажут двух рабочих — Машая и Храновского, молодых парней-комсомольцев, всерьез решивших тягаться с заграницей и доказавших, что оборудование завода в мурманских условиях мо-

жет быть использовано рациональнее, чем за рубежом, в Германии.

Майлай и Храновский установили своей системы поплавки, отмечающие уровень жира, находящегося в баках, лезущих к потолку. Раньше для этого надо было влезать по лестнице, открывать часто ломавшиеся крышки и таким путем наблюдать уровень жира. Если на заводе около тридцати баков, и наблюдать надо не реже десятка раз в день, — сколько часов, дней, месяцев потерянного труда получалось в итоге!

Молодые ударники, знакомясь с моторами своего завода, провели еще несколько рационализаторских приемов: придумали способ работы моторов по коротко-замкнутой системе, экономящий сотни часов, и перенесли наверх пусковые коробки, находившиеся внизу в сырости, откуда их приходилось пускать не иначе, как лежа; эта мелочь не только облегчила труд, но и принесла с собой экономию времени.

Другой завод траловой базы — плавучий утилизационный — занят тем, что утилизирует всякие отбросы. Ничто не должно пропадать, даже рыбьи головы, чешуя и кости. Последние попадают в машину, превращающую их в муку, которой удобряют поля, кормят скот и продают за границу. Рыбью кожу научились снимать цельными полосками, и пускают ее на дамские сумки, даже туфли, потому что она по прочности не уступает змеиной коже.

Из чешуи и прочих отбросов, лишь недавно шедших на свалку, изготовляют искусственный жемчуг, клей, удобрения.

Научная лаборатория траловой базы ведет контроль над всеми видами работы, проделывает опыты и на их основании создает новые отрасли производства. Каждый процесс работы предварительно прошел сквозь

горнило научных исследований, и это предохранило все начинания базы от ошибок.

Потолкуйте с работниками полярной лаборатории, и между двух-трех жалоб на нехватку тралеров и нежелание специалистов ехать на дальний север вы узнаете интересные подробности. Люди эти стремятся достичь небывалого.

Предел их желаний — использование даром моря на все сто процентов.

— Но ведь вы этого почти добились, — указывают им посетители базы.

— Какое там добились! Внутренности рыбы выбрасываются до сих пор в море. Все оттого, что на тралерах нет нужных уцилизационных машин. Впрочем, ведь и тралеры — только начало работы по-настоящему. Пятилетка продвинет дело: весь этот берег обрастет постройками нашей базы. Здесь будут новые заводы, учреждения и жилые дома для сотрудников. Миллионы на это дело ассигнованы не малые. Даже на развитие берегового промысла, и то отпущено по пятилетнему плану 22 миллиона рублей!

Другое научное учреждение — биостанция — существует на Мурмане десятый год, точнее, с первых же дней советизации края. Она ведет наблюдения над колебанием теплового напряжения Гольфштрема и направлением его ветвей. Следя из года в год за колебаниями этого течения, станция может уже в ноябре-декабре определить, каким будет состояние Гольфштрема в мае, и тем предсказывает, каким будет ход рыбы, а следовательно, и промысла. Кроме того, биостанция ведет работы по исследованию самой рыбы, определению возрастного состава косяков рыбы и ее жирности.

Пятилетка поставила перед биостанцией вопрос об

изучении производительности Баренцова моря и определении его рыбных запасов. Усиление тралового промысла и флота на Мурмане — толчок к развитию нашей рыбной промышленности, которая должна охватить все советские воды.

Мурманская биологическая станция — прекрасно оборудованное научно-исследовательское учреждение, находящееся на месте самих промыслов, в городе Александровске на Мурмане, и работающие непрерывно весь год.

Естественно, что при постоянной работе станции ничто не укрывается от глаза исследователя, и результат работы такой постоянно действующей станции несравненно ценней, чем при экспедиционном методе работ.

Недавно биостанция обогатилась специальным судном для ведения научных и научно-промысловых работ в Баренцовом море. Этот мотобот выстроен по специальному заказу в Норвегии и своим оборудованием вполне отвечает высоким требованиям, пред'являемым к нему станцией.

Советское рыбное хозяйство на далеком севере растет, ширится и механизируется. Оно полностью строится на строго научной базе. В самом Мурманске, где ныне наступает расцвет рыбного дела, всего лишь пять лет назад появилась в «Полярной правде» робкая заметка под заголовком «Новое начинание».

«Тральщики Севгосрыбтреста, — сообщалось в ней,— блестяще выполнив сезонную программу по лову, начинают новое дело — зимний лов и доставку рыбы в свежем виде.

До сих пор этим занимались в наших мурманских водах хищники-иностранцы. Об'единение мурманских и архангельских предприятий в единый трест позво-

ляет нашему траловому флоту заняться этим ловом. За нами большое будущее.

Траловый лов позволит наладить экспорт нашей рыбы за границу. На этой неделе выходит первый тралер

Незамерзающий порт устраняет перерывы в вывозе леса

с грузом свежей рыбы в Англию. Этим кладется начало более рационального и выгодного использования рыбных богатств и открывается новая страница в истории рыбных промыслов Севера.

Первый экспортный груз рыбы — первый робкий шаг в деле зимнего лова и транспортирования свежьем, но так же, как и робкие шаги 1920 г. в организации лова привели к тому, что работа наших старых, перенесших тяжелую боевую службу во время империалистической и гражданской войн, тральщиков равняется с производительностью прекрасных английских тралеров, с испытаннейшей командой, так и новое начинание закрепится, расширится и даст блестящие результаты».

Мурманская газета не ошиблась. Но и она не предвидела, что рыбное дело в крае развернется так широко, как наметил пятилетний план. Кто из самых пылких мурманских энтузиастов смел думать о вложении в местные промыслы такого капитала, как 160 миллионов рублей, которые получит траловая база на покупку новых тралеров и на свое оборудование?

***

Пройдите по территории разросшегося мурманского порта, со спокойной, защищенной от ветров и окруженной со всех сторон горами гаванью, где залив настолько глубок, что даже океанские пароходы с глубокой осадкой подходят вплотную к пристани.

Здесь, в незамерзающем порту, где судоходство не прекращается ни на один день, увидите в изобилии золотые россыпи края—лес и апатиты. Их привозят сюда бесконечно длинные составы товарных поездов для перевалки на иностранные суда, приходящие и терпеливо ожидающие погрузки советского «золота».

Вокзал и порт слились в одно целое, паровозы плавно подходят к самым бортам заокеанских пришельцев-пароходов, точно желая вызвать их на соревнование, кто больше надымит или что прозвучит сильнее: резкий ли свисток паровоза или солидный оглушающий гудок на судне.

Экспорт нескольких тысяч стандартов леса через Мурманский порт устраняет перерывы в вывозе леса на продолжительные периоды замерзания Белого и Балтийского морей и тем вносит значительное улучшение в лесоэкспортные операции нашей страны.

Поезда, подвозящие лес к пароходам, не идут порожняком обратно: они везут во все концы республики заграничное оборудование и машинные части, и быстрый оборот составов позволяет Мурманской дороге предоставлять значительную скидку для перевозки экспортного леса.

Обычно зимнего лесоэкспорта не существовало. Но Мурманскому порту удалось победить эту косность, сыгравшую не малую роль в выходе наших лесоматериалов на американский рынок, давно истощивший свои запасы хищнической эксплоатацией леса. Мурманский порт хорошо знаком американцам, не первый год привозящим сюда свой хлопок.

Весною тридцатого года на территории порта впервые появились вагоны и платформы, доверху наполненные зеленоватыми, цвета малахита, камнями, усыпанными неисчислимым количеством серебристых, эффектно отсвечивающих блесток, очень хрупких, рассыпающихся от легкого нажима пальцем. Это были дары Хибинских гор — апетиты, впервые выезжавшие за границу.

Но оттого, что дело апатитовых разработок еще слишком ново, добыча ценного минерала пока прохо-

дит при многих неудобствах. При отсутствии рабочих рук и неопытности наличных рабочих разработки отстают от темпов, которые нужны стране.

Не зря «Полярная правда» в первые дни августа 1930 г. надрывно кричала о невыполнении июльского плана экспорта, о задержках и простоях из-за отсутствия апатита. Заметку о «Конвульсии экспорта апатитовой руды» газета вынесла на первую страницу. Она заслуживает того, чтобы быть приведенной полностью:

«История экспорта апатитовой руды за границу несложна: 4-го марта 1930 г. на пароходе «Андре Марти» была отправлена в Гамбург первая партия апатита в 748 тонн.

Затем 19 марта, 18 мая и 18 июня в порты Германии Голландии и Норвегии было отправлено еще 1 603 тонны руды. И все.

Было еще намерение отправить в июне на пароходе «Юпитер» несколько сот тонн апатита, но Апатит-трест во-время не прислал требуемого количества, и зафрахтованный для отправки апатита пароход в конце июня ушел с другим грузом.

Пароход «Ганс Арп» также должен был быть отправлен в июне, но задерживался и, простояв из-за отсутствия апатита боле 50 часов, был отправлен только 7 июля.

Июльский план экпорта апатита намечал вывозку за границу 8 тысяч тонн, но вместо этого на пароходе «Ганс Арп» было отправлено за границу всего 2 тысячи тонн.

Больше в июле за границу не отправлялось ни одного килограмма. Таким образом, июльский план экспорта апатита выполнен только на 25%.

Для того чтобы полностью выполнить августовский план экспорта апатита (58 000 тонн) и ликвидировать июльскую недовывозку (6 000 тонн), необходимо доставлять на причалы порта по 135 вагонов в день минимально.

Как же на самом деле осуществляется эта необходимость?

До третьей декады июля поступление апатита в порт было вообще незначительно. Перелом наступил

Хибинские горы, где обнаружены залежи апатита.

22 июля, когда пришло 13 вагонов апатита. Затем в течение июля апатит доставлялся в порт так: 23 июля пришло 37 вагонов, 25 июля — 23 вагона, 26 июля — 20 вагонов, 27 июля — 3 вагона, 28 июля — 21 вагон, 29 июля—9 вагонов, 30 июля—20 вагонов, 31 июля—21 вагон. Кривая подача вагонов, как мы видим, то повышается, то понижается, а средняя суточная подача достигает только 17 вагонов.

В настоящее время на пароходе «Торлак» погружено еще только 1 000 тонн апатита, да имеется в запасе (на складах и на колесах) еще около 2½ тысяч тонн.

Всего, таким образом, «остается» доставить в порт «только» 60 500 тонн апатита.

Цифры говорят: нужно приложить максимум усилий, чтобы не сорвать план экспорта апатита.

Пароход «Торлак», который должен взять 4 000 тонн руды, грузом почти обеспечен. Но на рейде порта стоит уже пароход «Бернгард Блюменталь», который должен взять 4 100 тонн апатита, но для него нет еще ни одного килограмма.

Сейчас необходимо обратить внимание соответствующих организаций и всей мурманской общественности на ненормальное явление.

За границей апатит расценивается чуть ли не на вес золота, и каждый килограмм его бережно сохраняется Между тем, апатитовая руда отправляется из порта за границу... без веса, на-глаз приблизительно.

Как же так? А дело в том, что в порту нет вагонных весов, или, вернее, весы есть, но требуют ремонта.

Эта, на первый взгляд как-будто незначительная, «мелочь» говорит о том, что порт не совсем подготовлен к приему апатита и что ему следует подтянуться».

Как велик интерес иностранцев к апатиту, можно судить по тому факту, что на далекую заполярную окраину приезжают люди из Европы, чтобы ознакомиться на месте с хибинскими богатствами.

В Мурманске мне показали представителей мировой голландской фирмы «Мюллер и К°», производящей операции по продаже минерального сырья. Фирма командировала сюда профессоров Грутиненига и Грон-

дейс, ассистента Крамера и директора своей берлинской конторы фон-Шмидта. Они побывали на апатитовых разработках, пригляделись к постановке дела и об'явили себя покупателями советского апатита.

«Ваши хибинские сокровища, — говорили иностранцы представители прессы, — приобрели сейчас в Европе широкую известность. Их месторождение считается самым крупным в мире. О качестве апатита как минерального удобрения, сейчас судить очень трудно, потому что ранее он в виде удобрения применялся редко.

Лабораторные испытания хибинского апатита, сделанные у нас на Западе, дали прекрасные результаты. Что даст их применение на практике, покажет недалекое будущее.

Наша фирма, уже закупавшая хибинский апатит для продажи на европейских рынках, намерена и впредь закупать в большом количестве апатитовую руду, а главное — обогащенный апатит. Мы были не мало поражены, увидев в Хибинских горах строящуюся обогатительную фабрику. Это было для нас новостью. Конечно, Советскому союзу выгоднее продавать не апатитовую руду, а обогащенный апатит, так что расходы по сооружению фабрики окупятся чрезвычайно быстро.

Не мало поразили нас ваши исключительные темпы. Нам хорошо известно, что лишь год назад на месте апатитовых разработок была дикая тундра, а сейчас мы увидали там целый город и бьющую ключом жизнь. Мы изумлены вашими крупными успехами. Нам не приходилось видеть нигде ничего подобного».

Эти слова были сказаны по-русски фон-Шмидтом, некогда жившим в России. Люди, отметившие незаурядность наших темпов, далеки от похвал и компли-

ментов. Они лишь честно фиксировали виденное собственными глазами. Год назад была тундра, и несмотря на отвратительные природные условия, на ее месте вырос город, строится завод, начаты разработки, проложен автопуть, сырье, о котором несколько лет назад не имели представления, сегодня завоевывает мировые рынки и приносит валюту Советской стране! А вместе с тем эти большевики еще не довольны, кроют самих себя, выносят критику на первую страницу газеты, ворчат о недостаточности темпов...

Ох, и трудно же иностранному коммерсанту понять этих непостижимых советских людей, не удовлетворяющихся достаточно крупными достижениями и напрягающих все силы к тому, чтобы работу, требующую десятилетий, преодолеть в трое или вчетверо меньший срок.

***

К богатствам Мурманского округа надо причислить еще одну примечательность — оленя, которого здесь, на севере, справедливо называют «золотом тундры». От развития оленеводства зависит благосостояние жителей, развитие производительных сил всего края и колонизация Кольского полуострова.

В тундровом хозяйстве олень — единственная тяговая сила, он же поставщик сырья для переносных жилищ, постельных принадлежностей, одежды, обуви, и, наконец, питания. Удельный вес оленеводства в тундровом хозяйстве достаточно высок, в особенности у лопарей.

Доход, получаемый от оленеводства, т. е. стоимость продукции оленеводства плюс стоимость годового прироста стада, составляет у лопарей 36% валового дохода. Если к этому прибавить заработки, полученные с по-

мощью оленя, т. е. косвенно зависящие от оленеводства, то все таки доходы составят около 60% валового дохода хозяйства (включая прирост стада).

За последние годы олений транспорт широко применяется на лесозаготовках при подвозке дров и лесных материалов к линии железной дороги или к таким пунктам, как Мурманск.

Благодаря использованию оленей стоимость дров на Кольском полуострове значительно дешевле, чем в Карелии, где работают привозные лошади. Выносливость оленя при возке тяжестей и резвость бега в последние годы стали испытывать на особых состязаниях.

До войны на Кольском полуострове было около 75 тысяч голов оленей. За время войны и революции от этого количества осталось не больше трети, но с 1923 г. стада оленей стали быстро пополняться.

В мурманской конторе Госторга, которая занимается заготовкой оленины для экспорта за границу, мне посоветовали для лучшего ознакомления с оленеводством и выработкой продукции из оленьих шкур с'ездить в селение Ловозеро, где специальный завод и большинство местных жителей занимаются обработкой оленьих шкур.

В этой оленной столице Лапландии шкуры оленя находят самое разнообразное применение. Здесь есть специалисты, разбирающиеся в оленьих шкурах с такой же тонкостью, как опытный ювелир в ценнейших и тончайших произведениях из благородных металлов и драгоценных камней. Им достаточно бросить взгляд на оленью шкуру, чтоб с точностью определить сорт и пригодность к обработке.

Специалисты дают свои заключения, и шкуры идут в дело.

Оленьи бега на площади в Мурманске.

«Пыжики» — шкурки молодых телят — используют для мягких головных уборов, шкуры взрослых идут на замшу. Перед тем как приступить к сложному процессу переработки, шкуры сортируются на пять сортов.

Еще недавно в Ловозере замшу делали два завода, но один пришлось прикрыть из-за ветхости, второй же, выстроенный пять лет назад, работает в зимние месяцы и бездействует почти все лето. Несколько тысяч шкур замши, выпускаемых отсюда ежегодно, являются всего лишь полуфабрикатом, без окончательной окраски и отделки. Существует давнишний, пока еще не реализованный, проект о постройке хорошо оборудованного замшевого завода в Мурманске.

В Ловозере научились почти на все сто процентов использовать оленя, и потому, раньше чем сдать шкуру на замшу, с нее сбривают шерсть, которая моется, чистится, сортируется и поступает в продажу. Оленья шерсть идет для набивки подушек, тюфяков и спасательных кругов.

Ловозерцы обрабатывают оленьи шкуры на мех домашним, кустарным способом. Они высушивают их, разминают руками, счищают мездру и мясо, натирают специальным составом из оленьей печени поверхность и затем изготовляют из меха одежду и обувь; в шитье последних принимают самое активное участие женщины.

Ничего не пропадает при убое оленя. Шкура с ног идет на специальные сорта обуви, искусно расшиваемой женщинами, из костей извлекают мозг и поедают его в сыром виде, и эти же кости и рога пускают в ход на поделки для упряжи, домашней утвари, на клееварение и пр. Кровь собирают и пекут на ней блины, сухожилия из спины оленя перерабатывают на прочные,

ничем не заменимые нитки для сшивания меховой одежды и обуви. Мясо оленя пускают в пищу в свежем, соленом и мороженом виде. Мороженую оленину недавно стали вывозить за границу.

Экспортом оленины здесь занимались еще до войны, но вывозили лишь так называемые «задки» оленя. Лишь в 1927 г. Кольский полуостров стал экспортировать, помимо задков, целые туши.

История советского экспорта знает своеобразную «блокаду», которую чинил заграничный санитарный надзор русской оленине. Был пущен слух об эпизоотии, якобы существующей среди местных оленей, хотя едва ли можно найти более благополучный район, где заболевания или падеж оленей были так редки, как на Кольском полуострове.

Ложь рассеял визит иностранного саннадзора, обследовавшего оленеводческие хозяйства Мурмана и присутствовавшего при убое оленей. С тех пор советская оленина стала желанной в скандинавских странах, где накануне Рождества каждая семья старается приобрести олений окорок.

— Нашу оленину в Норвегии здорово хвалят, — не без гордости заявляют ловозерцы, доставляющие в большом количестве свою оленину железной дорогой в Мурманск, откуда ее морским путем перебрасывают за границу. Только у нас в СССР почему-то оленье мясо не прививается, хотя вкусом оно вполне вышло...

Мне предложили попробовать, я не отказался.

Мясо действительно стоящее, и если его хорошо приготовить, оно не уступит воловьему, к которому все привыкли. Однако, попытки доставки оленины на ленинградский рынок закончились неудачей: в Мурманске оно тоже не пошло, его пришлось солить и после всей возни уничтожить. В результате — убыток вслед-

ствие неумения наладить как следует дело снабжения этим ценнейшим пищевым продуктом, признанным за границей деликатесом.

Те, кто занимаются заготовкой «золота тундры», кое-чему научились на ошибках первого года вывоза и теперь подходят к делу толковее. Теперь к экспорту приступают своевременно и заканчивают его к сроку, благодаря чему мясо сохраняет свою первоначальную свежесть. Учет ошибок благотворно повлиял на экспорт: уже во втором году он повысился в пять раз против первого, когда вывезено было около 12 тысяч килограммов оленины.

В минувшем году ледокол «Сибиряков» доставил с острова Колгуева первые сорок тысяч тонн оленьего мяса высшего качества. На убой взяли оленей из питомника Госторга, не бывших в езде, что повышает качество оленины; норвежская фирма Эвангера, закупившая эту партию, командировала своего врача присутствовать при убое, который производился так называемым норвежским способом. Впоследствии врач опубликовал в норвежских газетах свои впечатления о советском оленеводстве и отметил, что наш ветеринарный надзор и ветстанция в Мурманске едва ли не лучше заграничных.

Сами норвежцы считают, что ввоз советской оленины будет развиваться, потому что оленеводство Норвегии идет на убыль, кроме того оленина из СССР благодаря улучшающейся с каждым годом разделке туш и высокому качеству завоевывает рынок, и спрос на нее повышается. Два года назад Госторг приступил к экспорту оленьего рога, вывозившегося еще до войны. Опыты оленеводческого пункта в Ловозере показали, что рог мурманского оленя можно переработать в столярный клей очень высокого качества.

Тундры Лапландии могут прокормить больше двухсот тысяч оленей, т. е. вчетверо или впятеро больше, чем их имеется сейчас. При таком количестве можно получать до пятидесяти тысяч шкур, до тысячи тонн экспортного мяса и несколько тонн шерсти ежегодно.

Нетребовательные олени дают возможность продвигаться в глубь тундры, производить горнопромышленные разведки, обеспечить возникающие промышленные пункты мясом. Знаток Мурмана, тов. Чиркин, в своей книжке «Пробуждение Мурмана» заостряет этот момент интересным сообщением об американцах, которые

«...хорошо учли вспомогательную роль оленеводства. Как только на Аляске стала зарождаться золотопромышленность, они немедленно организовали здесь оленеводство, вовсе не существовавшее среди туземцев Аляски. Затрачены были крупные средства, и цель была достигнута. В настоящее время американцы на Аляске в тундрах имеют уже десятки тысяч оленей, и в лучших ресторанах больших городов оленина является тонким, но не редким деликатесом».

Несомненно, спустя несколько лет Мурман достигнет такого же положения. Быстрым темпом подвигающаяся колонизация края послужит толчком к развитию оленеводства, которое дает возможность колонистам, не заботясь о корме для животного, получать от него продукты, потребные хозяйству, да еще извлекать доход. Мясо, которого нехватает, у нас под руками. Надо, лишь захотеть увидеть его...

***

Историческая справка: в феврале 1915 г. был забит первый изыскательный колышек на линии будущей железной дороги, а в 1924 г. грузооборот дороги на

том участке, где был забит этот колышек, достиг 200 000 тонн.

В апреле 1915 г. на месте, где ныне Мурманск, поселились первые два человека, заброшенные стихией, а в 1930 г. на всех парах строится новый Мурманск, рассчитанный на пятьдесят тысяч жителей.

О том, что город Мурманск и Мурманская ж. д. идут вперед гигантскими шагами, мы знаем, но о том, на каком уровне культуры находятся окраины Мурмана, глухие, заброшенные селения и местечки, можно судить по отрывочным сведениям и фактам.

Представьте, что на советской земле есть уголок, где в седьмую годовщину Октябрьской революции впервые узнали о том, что она вообще произошла, изменила весь строй и уклад жизни.

Это не фантазия, а факт, случившийся на Мурмане, на Терском берегу, в местечке Тетринская волость. Вероятно, неведение длилось бы еще дольше, если бы в седьмую годовщину Октября Мурманский губком партии и исполком совета не послали своих работников в эту глухомань. Из посланных лишь четверо или пятеро добрались и прибыли в это Тетрино, где с их приездом узнали «новость», которой стукнуло ровно семь лет. В седьмую годовщину в местечке впервые появились над домами красные флаги и портреты вождей (все это привезли из Мурманска), впервые состоялось торжественное заседание, посвященное Октябрю, был спектакль и даже демонстрация, дошедшая до другой деревни, отстоящей за 25-30 километров.

Вот еще один документ о том, как в десятую годовщину Октября в тундре лопари впервые услыхали радио. Об этом событии прислал письмо в редакцию «Карело-Мурманского края» ловозерский учитель Лопатин. Вот выдержки из него:

Мурманск постепенно кооперируется...

«Школа сегодня представляет собой клуб, где лопари и ижемцы проводят праздник. Наряженные в новые малицы и пимы девушки и парни с нетерпением ждут начала спектакля. Вот уже полная школа народа ожидает открытия собрания.

Председатель об'являет заседание открытым, и все поют «Интернационал». Начинаются доклады. Читается манифест советского правительства, выпущенный к десятой годовщине. Все слушают, и в помещении полная тишина. По окончании заседания председатель об'являет о получении радиоаппарата. О громкоговорителе лопари и ижемцы еще представления не имели; поэтому среди присутствующих пошли разговоры на лопарском и ижемском языках; на лицах было полное недоверие.

На следующий день с раннего утра, около помещения появляются старики, чтоб посмотреть диковину. Кое-кто посмеивается. Вот и радио. Полная изба народа, кто сидит на скамьях, кто просто на полу, подкинув свою малицу. Вдруг раздаются первые звуки музыки, — это оркестр на Красной площади, где рабочие Москвы празднуют свой пролетарский праздник... Наши лопари и ижемцы на далеком севере слушают радио, и недоверие сменяется энтузиазмом.

Один старик-лопарь подходит к приемнику и пристально его рассматривает, не веря своему слуху и глазу.

— Эта граммофона, а ни какая-нибудь радива, — говорит он и сам поближе усаживается с нюхательным табаком к громкоговорителю.

Много было разговоров по этому поводу, но старые все же не верили, что говорят из Москвы. После концерта старики пошли смотреть антенну, нет ли какого-нибудь «подвоха». Рассмотрели ящик, на котором стоял громкоговоритель и засмеялись.

За полярным кругом, в тундре, каждый день теперь, слушают радио».

Вот какие дела происходят в глухих уголках Мурманского округа, куда медленными, но верными шагами проникает по крупицам советская культура, внедряющаяся в жизнь и быт самых отсталых туземцев. После Ловозера, ему подобных селений и становищ город Мурманск с его трехэтажным каменным «небоскребом», в котором открыт об'емистый универмаг, с целым рядом двухэтажных домов (среди них выделяются величиной дома окрисполкома и Дворца труда) кажется действительно столичным городом, особливо заполярному туземцу, приезжающему сюда на оленях за покупками и сразу же видящему все блага культуры: поезда, пароходы, электричество, кино, целый ряд магазинов кооператива «Красный мурманец», куда стекаются товары со всех концов Советского союза.

В заключение еще немного о Мурманске, где рядом с бараками недавнего прошлого строится социалистический город, рядом со скромной афишей, возвещающей диспут о постройке соцгорода «Новый Мурманск», висит огромная многоцветная простыня заезжих халтурщиков «мистера Калиостро и мисс де Теб», которые, видите ли, разоблачают чудеса пророка Моисея... Вскинувшийся вверх четырьмя террасами город в начале своего существования застраивался лишь внизу, на двух нижних террасах, ныне застраивается четвертая и последняя. О том, как создается Мурманск, упоминалось вначале.

Со скромной просьбой перечислить все строящееся в городе я обратился к тем, кто строят Мурманск.

— Вас интересует строительство этого года, тридцатого?

— Именно тридцатого, — ответил я.

— Дело в том, что нам не удалось осуществить в этом году строительство в том масштабе, в каком предполагалось его развернуть.

— Ладно, в таком случае рассказывайте, что намечалось построить и что из намеченного сделано?

— В нынешнем году была намечена тигантская стройка, но по разным причинам не удалось ее осуществить целиком. Однако, многое сделано.

— Что именно? Назовите.

— Местный комхоз заканчивает строительство большого кирпичного завода, с производительностью в два миллиона кирпичей в год, подготовляет постройку Дома культуры, заканчивает отделку шести жилых двухэтажных домов. Кооператив «Красный мурманец» построил два магазина, два овощехранилища, расширил пекарню. Была намечена постройка очень вместительной столовой — не выгорело. Отложили на год.

Много построил Севгосрыбтрест: бондарный завод, холодильник, железобетонный посолочный склад, большую угольную базу, пожарное депо, лесопильный завод для нужд своего же строительства; начата подготовительная работа по постройке причалов для тралеров. Еще предстояло в нынешнем строительном сезоне построить электростанцию треста, судоремонтный завод и завод по выработке трески на экспорт. Тоже не удалось. Отложили до будущего сезона. Остальные постройки — те помельче. Строит союз пищевиков стадион с трибунами для зрителей, футбольным полем, эстрадой и тому подобными придатками, отдел колонизации построил дом для переселенцев, дюжину жилых домов возводит в Колонизационном поселке, сооружает водопроводную магистраль.

Судостроительная верфь оборудовала столярную ма-

стерскую, два барака для рабочих, приступила к постройке механической мастерской. Вот, кажись, и все. Разве еще насчет частного строительства: штук пять жилых домов для личных нужд кое-кто из жителей сооружает. Таковы итоги нашей стройки за нынешний строительный сезон.

— А срывы почему оказались. Рабсилы нехватило?

— Не то. С рабочими обстоит сравнительно благополучно. Квалифицированных, конечно, не полный комплект. Главные тормозы — отсутствие кирпича, извести, кровельного железа, водопроводных частей, пиломатериалов. На месте их нет, а покуда из центра пришлют, глянь — и лето прошло. Короче воробьиного носа оно в этих краях.

Кстати о погоде. Насчет холодов.

Один из первых описателей Мурманска сообщает, что город, хоть и лежит в 275 километрах дальше полярного круга, но холод здесь умеряется теплым морским течением — Гольфштремом. Самый сильный мороз был здесь 1 января 1927 г. и достигал 36° по Цельсию. Зима в Мурманске также умеренна, как в Саратове. Здесь морозы и оттепель сопровождаются буквально «сногсшибательным» бураном, зато число бессолнечных дней достигает пятидесяти за год. Зимою фонари горят полные сутки, учреждения и школы работают при электричестве. Зато в летний период можно почти не пользоваться искусственным светом. Его заменяет светящее круглые сутки солнце.

***

В феврале 1930 г. в Мурмане праздновали два юбилея: прошло пятнадцать лет с момента, когда начались первые работы по прокладке дороги, исполнилось десять лет с момента окончания интервенции.

За первое десятилетие пребывания под советским флагом город-пионер основательно преобразился, изменил свою внешность, вырос и стал вылезать из старой одежки, состоящей из плохоньких бараков и настроенных оккупантами складов.

Если б кто-нибудь из интервентов узрел нынешний Мурманск, удивление перекосило бы его лицо. Как изменился за этот небольшой период времени облик невзрачного первобытного поселка, где милые союзники намеревались окопаться и «ногою твердой стать при море».

Не удалось. Не помогли патриотические булавки, регистрационные бланки, физиономия лорда Бьюкенена, церковные службы и уборные по чинам.

Лишь под знаменем советов, пронесенным за несколько сот километров дальше полярного круга, пробудился, задышал, зажил полной жизнью Мурман, переставший быть «краем зело дальним и отлеглым».

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр
Олония, ставшая Карелией	5
Мурманка	24
Столица Карелии	42
Онего	79
Луч на болоте	109
Чудеса на полярной земле	157
В краю зело дальнем и отлеглом	207

ОДИН РУБЛЬ ПЯТЬДЕСЯТ КОПЕЕК

ОКТ
ц. 1 р. 25 к.
ЛСПО

Склад изданий
МОСКВА, Г. С. П. 1, Богоявлен
КНИГОЦЕНТР
Отдел юношеской и детской лит

М2 П
4 54-0